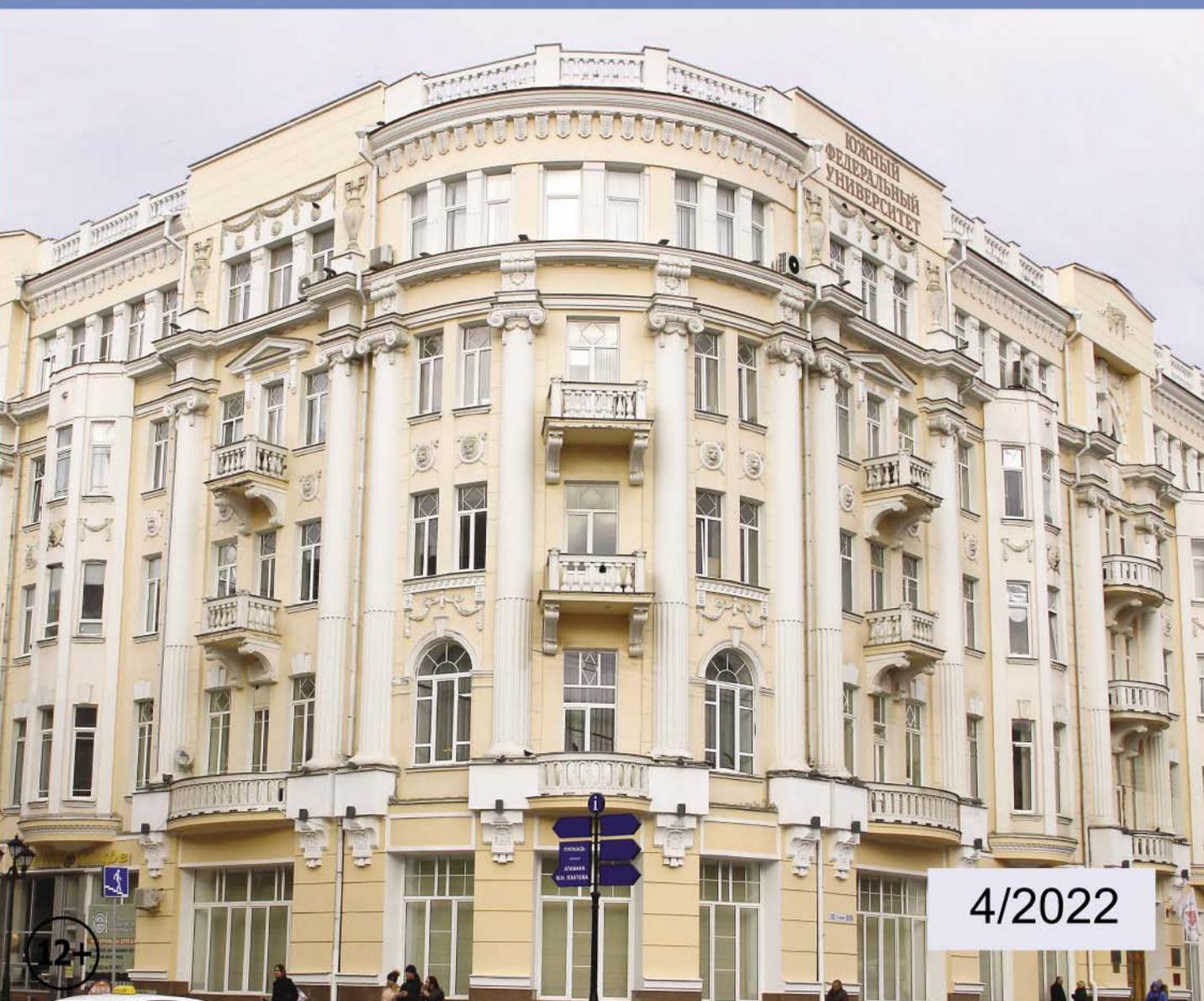

МИР РУССКОГО СЛОВА

4/2022

12+

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

Круглый стол «Русистика в современном мире: актуальные тенденции и перспективы развития»
29–30 ноября, Узбекистан
(см. с. 34)

№ 4
2022

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.spbu.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL
“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (certificate ПИ № ФС77–30539 dated 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.spbu.ru/>

Учредители:

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) — д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ
В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф., КубанскГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Уральский ФУ им. Б. Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Балтийский ФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф., Университет г. Грайфсвальд

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф. СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф., Южный ФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент, Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гум. наук, проф., Вильнюсский университет

В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) ФУ

В. В. Проzorov — д-р филол. наук, проф., СаратовГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф., СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук, Таллинский университет

Н. И. Шром — PhD., ассоц. проф., Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент, МПГУ

The Founders:

Association of Teachers of Russian Language and Literature, St. Petersburg State University

Publisher:

St. Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University

V. A. Abramov
Kuban State University

E. M. Afanasieva
Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko
Ural Federal University

N. G. Babenko
Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter
Universität Greifswald

M. D. Voeikova
St. Petersburg State University

O. E. Drozdova
Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunaeva
Lomonosov Moscow State University

N. V. Izotova
Southern Federal University

E. I. Kostandi
University of Tartu

A. B. Likhacheva
Vilnius University

V. A. Maryanchik
Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov
Saratov State University

Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University

M. D. Tagaev
Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina
Tallinn University

N. I. Shrom
University of Latvia

V. D. Yanchenko
Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7-9
e-mail: mirs@spbu.ru

Publisher's address:

11, 6 Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia
e-mail: mirs@spbu.ru

**По вопросам приобретения
и подписки обращаться:**

Издательство СПбГУ
Сайт: publishing.spbu.ru
Контакты: +7(812) 328-44-22
+7(812) 328-77-63
e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
– научную электронную библиотеку "КиберЛенинка"

Abstracting and Indexing

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)
– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс
по каталогу "Пресса России" 72396

Тираж 80 экз.

Цена свободная

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Дата выхода в свет: 29.06.2023

№ 4

2022

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Ответственный секретарь:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ

CONTENTS

[ЛИНГВИСТИКА]

- 4 Д. И. Иванов
О «константах культуры»
в контексте теории когнитивно-
прагматических программ
(теоретический этюд)
- 14 А. А. Клементьева
К вопросу о функционировании
термина *искусственный
интеллект* в современном
научном и публицистическом
дискурсе
- 24 И. В. Евсеева, А. В. Кожеко,
Э. А. Евсеева
Эпистолярные жанры интернет-
дискурса: классификация
и моделирование

[ХРОНИКА]

- 34 Делегация МАПРЯЛ посетила
Узбекистан

[ЛИНГВИСТИКА]

- 35 Н. В. Юдина, Н. А. Попова
Образовательные и культурные
проекты как фундамент
успешной языковой политики
современной России (на примере
монолингвальных субъектов
Российской Федерации)

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

- 44 А. В. Кузнецова
Культурный код в динамике
художественного образа
- 53 А. А. Тимакова
Специфика категории времени
в автобиографических
произведениях С. Шаргунова
- 61 О. И. Северская
О женщинах, нежности
и нужности в паронимических
формулах русской поэзии

[LINGUISTICS]

- Dmitrii I. Ivanov
Considering “Constants of Culture”
in the Context of Cognitive-Pragmatic
Programs Theory
(Theoretical Study)
- Alena A. Klementieva
On the Issue of the Term
Artificial Intelligence Functioning
in Modern Scientific and Social-Political
Discourse
- Irina V. Evseeva, Anna V. Kozheko,
Elina A. Evseeva
Epistolary Genres of Internet Discourse:
Classification and Modeling

[CHRONICLE]

- MAPRYAL Delegation Visited
Uzbekistan

[LINGUISTICS]

- Natalia V. Iudina, Natalia A. Popova
Educational and Cultural Projects
as the Foundation of a Successful
Language Policy in Modern Russia
(On the Example of Monolingual
Subjects of the Russian Federation)

[LANGUAGE AND LITERATURE]

- Anna V. Kuznetsova
Cultural Code in the Dynamics of the
Artistic Image
- Anna A. Timakova
Specificity of the Category of Time
in the Sergei Shargunov’s Autobiographical
Works
- Olga I. Severskaya
Zhenshchina ‘Woman’, Nezhnost’
‘Tenderness’ and Nuzhnost’ ‘Neediness’ in
the Paronymic Formulas of Russian Poetry

[ХРОНИКА]

- 70 Методический семинар для преподавателей-русистов состоялся в Венгрии

[МЕТОДИКА]

- 71 К. А. Возмищева
Эмотивная лексика в публикациях
«Учительской газеты», посвящённых переходу
образовательных учреждений
на дистанционные формы работы
- 82 Н. В. Кулибина
Образовательная среда по чтению русской
художественной литературы: основной корпус
уроков чтения и перспективные направления
развития

[ХРОНИКА]

- 90 Итоги проекта «Россия-Киргизия:
язык, предмет, знание»

[МЕТОДИКА]

- 91 Л. Б. Савенкова
Большой путь и большая дорога:
как не заблудиться?
(синтагматика фразеологических единиц
как ориентир в понимании их иностранцами)

[РЕЦЕНЗИИ]

- 101 В. А. Ефремов
Горицкая О. С. Язык и границы:
Лексическая и грамматическая специфика
русского языка в Беларуси.

[ОТКЛИК НА ПУБЛИКАЦИЮ]

- 106 Кузнецов С. А. Индекс положения русского
языка в мире

[ХРОНИКА]

- 109 «Поиск своего в чужом»: подведены итоги
литературного форума МАПРЯЛ на Кубе

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 111 Н. В. Изотова
Филология в Южном федеральном
университете: прошлое и настоящее

[ХРОНИКА]

- 120 Зимняя всероссийская научно-практическая
школа-конференция с международным
участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА —
ПРАВОСЛАВИЕ» — 2022

[CHRONICLE]

Methodological Seminar for Russian Teachers Took Place
in Hungary

[METHODOLOGY]

Kseniia A. Vozmishcheva
Emotive Vocabulary in the Publications
of the “Uchitelskaya Gazeta” (“Teacher’s Newspaper”)
Dedicated to the Transition of Educational Institutions
to Remote Forms of Work

Natalia V. Kulibina
Educational Environment for Reading Russian Fiction:
The Main Body of Reading Lessons and Promising Areas
of Development

[CHRONICLE]

Results of the Project “Russia — Kyrgyzstan: Language,
Subject, Knowledge”

[METHODOLOGY]

Liudmila B. Savenkova
A Great Way and a Great Road: How Not To Get Lost?
(Syntagmatics of Phraseological Units as a Reference
in Understanding Them by Foreigners)

[REVIEW]

Valerii A. Efremov
Goritskaya, O. S. Language and Boundaries: Lexical and
Grammatical Specificity of the Russian Language in Belarus

[ОТКЛИК НА ПУБЛИКАЦИЮ]

Kuznetsov S. A. Index of the Position of the Russian Lan-
guage in the World

[CHRONICLE]

“Finding One’s Own in Someone Else’s”: Summed up the
Results of the MAPRYAL’s Literary Forum in Cuba

[LANGUAGE AND CULTURE]

Natalia V. Izotova
Philology at the Southern Federal University:
The Past and the Present

[CHRONICLE]

Winter All-Russian Scientific and Practical School-Con-
ference with International Participation “Language — Cul-
ture — Orthodoxy” — 2022

О «КОНСТАНТАХ КУЛЬТУРЫ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ (теоретический этюд)

DMITRII I. IVANOV

CONSIDERING "CONSTANTS OF CULTURE" IN THE CONTEXT OF COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAMS THEORY.
A THEORETICAL STUDY

В настоящей статье актуальным предметом исследования являются константы культуры с теоретической точки зрения. Исследование, опирающееся на достижения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и других современных гуманитарных наук, проводится в рамках авторской междисциплинарной теории когнитивно-прагматических программ (КПП), дающей возможность осуществлять как системный, так и компонентный анализ универсальной триады «язык — личность — культура». Данная триада представляет собой комплекс «системообразующих» констант. Автор статьи трансформирует традиционное представление о культурном концепте как константе культуры. Меняется статус концепта-константы: в ракурсе КПП он предстает как «программный код», т. е. концепт, прошедший категоризацию и функциональную конкретизацию (кодифицированный), что открывает широкие возможности научно-корректного анализа. Автор выделяет три основных типа кодифицированных программных констант: система генетических кодифицированных констант (нормы, традиции, верования, обычаи и т. п.); система собственно культурных кодифицированных констант; персонифицированных когнитивно-ментальных кодифицированных констант. Все они проходят обязательную когнитивно-ментальную индексацию: а) целевую; б) самоидентификационную; в) инструментально-операциональную; г) оценочно-результативную. Можно выделить три зоны универсального содержания кодифицированной константы: субъектно-личностная (самоидентификационный индекс константы — универсальное «кто»); деятельностно-целевая (целевой и инструментально-операциональный индексы константы — универсальное «зачем» + универсальное «как»); резюмирующе-аналитическая (метаиндексальная) (оценочно-результативный индекс константы — универсальное «что»). В пространстве третьей зоны возникает интегрированный динамичный образ универсально-смыслового ядра кодифицированной константы. Общая абстрактная модель универсального содержания кодифицированной константы такова: универсальное «зачем» + универсальное «кто» + универсальное «как» = универсальное «ЧТО». Характер взаимодействия констант в рамках программы может быть как конструктивным, так и деструктивным. В целом же КПП можно рассматривать как систему взаимодействующих между собой кодифицированных констант разных типов.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа (КПП); концепт; константа культуры; категоризация; когнитивно-ментальная индексация; метанарративная программа.

The article deals with the constants of culture, considered from a theoretical point of view as the topical subject of research. This study, based on the achievements of linguoculturology, cognitive linguistics and other modern humanities is carried out within the framework of the

**Дмитрий Игоревич
Иванов**

Кандидат филологических наук, доцент
► Ivan610@yandex.ru

Институт русского языка Сианьского
университета иностранных языков
710128, КНР, Сиань,
ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань

Dmitrii I. Ivanov

*Xi'an International Studies University
South Wenyuan Road, Xi'an Guodu Education
and Sci-Tech industrial development zone,
Shanxi province, Xi'an, PRC, 710128*

author's metadisciplinary theory of cognitive-pragmatic programs (CPP), which makes it possible to carry out both a systemic and component analysis of the universal triad "language — personality — culture." This triad is a complex of "backbone" constants. The author of the article transforms the traditional idea of the cultural concept as a constant of culture. The status of the concept-constant changes: from the point of view of the CPP theory it appears as a "program code", i.e. a concept that has undergone categorization and functional concretization (codified), which opens up wide possibilities for scholarly correct analysis. The author determines three main types of codified program constants: a system of genetic codified constants (norms, traditions, beliefs, customs, etc.); a system of culturally codified constants proper; personalized cognitive-mental codified constants. All of them undergo mandatory cognitive-mental indexing: a) target; b) self-identification; c) instrumental-operational; d) evaluative and effective. Three zones of the universal content of the codified constant can be distinguished: subjective-personal (the self-identifying index of the constant is the universal "who"); activity-target (target and instrumental-operational indexes of the constant — universal "why" + universal "how"); summarizing-analytical (meta-index) (evaluative-effective index of a constant — a universal "what"). In the space of the third zone, an integrated dynamic image of the universal semantic core of the codified constant appears. The general abstract model of the universal content of the codified constant is as follows: universal "why" + universal "who" + universal "how" = universal "WHAT". The nature of the constants' interaction within the program can be both constructive and destructive. In general, the CPP can be considered as a system of codified constants of different types interacting with each other.

Keywords: cognitive-pragmatic program (CPP); concept; culture constant; categorization; cognitive-mental indexing; metanarrative program.

Введение

Одной из ключевых задач современной гуманитарной науки является разработка стратегий синтетического типа, позволяющих проводить теоретическое осмысление и практический анализ языка, личности, текста, дискурса, культуры — как системно обусловленных и неразрывно связанных между собой понятий, образующих целостный объект научного познания.

К перспективным направлениям в этом плане можно отнести когнитивное литературоведение [Лозинская 2010], культурологию [Кондаков 2008], социолингвистику [Ирисханова 2014], когнитивную семиотику [Цветков 2016] — и некоторые другие. Особое место в этом ряду занимает лингвокультурология, являющаяся очень ярким «выражением общей тенденции современной науки

к интеграции, взаимовлиянию и взаимопроникновению различных областей знания при изучении общего объекта исследования» [Воробьёв, Морозкина, Фаткуллина 2016: 358]. В качестве универсального «синтетического» объекта исследования здесь выступает понятийно-феноменологическая триада «язык — культура — личность».

В поле междисциплинарных исследований ключевой особенностью этого конструкта становится синтетический универсализм каждого отдельного компонента: одно отражается в другом, раскрывая и конкретизируя его содержание, и наоборот. Поэтому комплексный анализ концептуально-смысловых, структурно-типологических и когнитивно-прагматических особенностей одного компонента триады (например, языка) невозможен без описания специфики других компонентов (личности как носителя языка; культуры).

Исходя из этого, можно говорить о трёх базовых стратегиях лингвокультурологического исследования: один компонент «универсальной триады» занимает условно доминирующее положение, выступая в качестве интегративного конструкта, а два других — в качестве обязательной универсальной объяснительной базы, обеспечивающей корректность и точность результата. В максимально обобщенном виде: **стратегия 1** — «язык» (интегративный конструкт) — «личность» и «культура» (универсальная объяснительная база); **стратегия 2** — «личность» (интегративный конструкт) — «язык» и «культура» (универсальная объяснительная база); **стратегия 3** — «культура» (интегративный конструкт) — «язык» и «личность» (универсальная объяснительная база).

Представленные стратегии, актуализированные в рамках фундаментально-теоретического уровня лингвокультурологического знания, направленного на «формирование и развитие собственно теории взаимодействия языка и культуры, моделей и концепций языковой личности, языковой картины мира» [Воробьёв, Морозкина, Фаткуллина 2016: 358], реализуются в трёх основных ракурсах: а) собственно лингвистическом; б) культурологическом; в) когнитивном. Причём когнитивный ракурс, репрезентирующий перео-

риентацию гуманитарной науки с языковой единицы, отражённой и функционирующей в пространстве культуры, на субъект познания, является интегративным [Кубрякова 2012].

Особую актуализацию когнитивный ракурс получает в рамках авторской метадисциплинарной теории когнитивно-прагматических программ (КПП), которая позволяет проводить как системный, так и компонентный анализ универсальной триады «язык — личность — культура». КПП — «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) <...>, формирующаяся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности/определённой социальной группы/нации/народа <...> Концепция КПП исходит из целенаправленной “программируемости” любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст <...> В структуру КПП личности могут войти только те компоненты (информационные коды разных типов), которые прошли процесс “когнитивной фильтрации”, перекодировки, полной/частичной персонификации и гармонизации, выстроившись в итоге в целостную систему целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных и оценочно-результативных подсистем когнитивно-прагматических установок (КПУ), тесно взаимосвязанных и направленных на успешную реализацию основной цели всей КПП» (Иванов, Лакербай 2020: 49–50, 55).

Как «концептуальная матрица» любой целенаправленной деятельности КПП выступает в качестве ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением и интеллектом человека, что позволяет проводить многоплановый анализ языкового и коммуникативного (индивидуального и массового) сознания и открывает пространство изучения процессов когнитивного взаимодействия субъектов разных типов (*субъекта-источника* (текста, дискурса, культуры) — генератора КПП; *субъекта-интерпретатора* — воспринимающего и интерпретирующего сознания).

Как структурирующий инструмент культуры КПП сегментирует культурное пространство на три основных уровня: а) *метанарративный* (система метанарративных КПП); б) *производный*

(система «производных» КПП); в) *национально-специфический* (система национально-специфических КПП) — «ядерный» уровень культуры [Иванов 2019].

Кроме того, КПП (метанарративная, производная, национально-специфическая) состоит из двух взаимосвязанных уровней. Первый можно назвать *категориальным* — это *структурообразующий уровень*. Он включает в себя систему культурных кодов (система метанарративных КПП); систему когнитивно-ментальных кодов (система производных КПП); систему «генетических» кодов (система национально-специфических КПП). Второй можно назвать *функциональным* — это *процессуальный уровень*. Он включает в себя систему когнитивно-прагматических установок (КПУ): а) целевых; б) самоидентификационных; в) инструментально-операционных; оценочно-результативных.

Общая схема взаимодействия уровней КПП такова: процессуальное (система КПУ) синтезируется в категориальном (система культурных, когнитивно-ментальных, «генетических» кодов) и раскрывает его содержание — как на уровне субъектно-текстуальном, так и на уровне культуры.

Объект, предмет, цель, методология

Объектом нашего исследования является культура в когнитивно-прагматическом аспекте, *предметом* — ее составляющие. Для характеристики методологии поясним опорный авторский термин [см.: Иванов, Лакербай 2020] «метадисциплинарность».

Традиционно «междисциплинарные связи» — это разнотипные связи структур знания, а не дисциплин, отсюда и вариации — «полидисциплинарность», «наддисциплинарность», «трандисциплинарность» и пр. Подход, позже названный метадисциплинарным, был успешно апробирован Д.И. Ивановым при анализе такого «гибридного объекта», как отечественная рок-культура. Полноценный «текст» в рок-искусстве (композиция, альбом, концертное выступление) развёртывается как динамическое пространство с программно заданной дискурсивностью; это гармонизированное единство субтекстов (вербаль-

ного, музыкального, имиджевого и др.) и в то же время текст-исполнение, текст-диалог (субъект-источник — субъект-интерпретатор). Для анализа такого «синтетического текста» одновременно потребовались культурологическая широта горизонта и глубокая «лингвокультурологическая семиотизация», т. е. установление «текстуальности» невербальных «дискурсивных зон». Метадисциплинарная теория и занимается выработкой единого языка для подобного анализа – это эпистемологическая и методологическая рефлексия междисциплинарности, нацеленная на зону контакта и «симфонии» различных начал в целостном культурно-языковом объекте. Чем их родство глубже, тем эвристичней метадисциплинарное моделирование. Именно такой и является концепция КПП, сама имеющая глубокие основания в достижениях различных наук (от теории языка и семиотики до психологической теории деятельности).

Используя комплексную метадисциплинарную методологию, мы будем ориентироваться на третью аналитическую стратегию лингвокультурологии, в рамках которой «культура» выступает в роли интегративного конструкта, а «язык» и «личность» рассматриваются как универсальная объяснительная база. Такой акцент связан со спецификой объекта и предмета данной статьи; филологический или психологический аспекты, например, могут быть исследованы с помощью теории КПП в рамках других стратегий.

Импульсом к изучению культуры как особой когнитивной системы стало стремление когнитивистов-антропологов У. Гудинафа, Р. Д'Андрада и М. Коула и др. определить специфику взаимодействия внутреннего ментального опыта индивида и объективного мира культуры [Foley 1997]. Наиболее корректным и точным, на наш взгляд, является определение культуры в когнитивно-ментальном аспекте, предложенное Р. Д'Андрадом. Учёный рассматривает культуру как «систему, состоящую из выученных значимых систем, соединяющихся посредством различных символических систем, способных создавать культурные сущности и особые смысловые реальности. При этом он считает, что значения включены

в психологию человека, т. е. значения как ментальные феномены являются источником культуры, обладая репрезентативными, конструирующими, директивными и эвокативными функциями» [цит. по: Коваленко 2011: 50].

Р. Д'Андрад предлагает своеобразную систему (*значение — психика человека — культура*), настаивая при этом на ее принципиальной внутренней целостности. Предложенную им модель можно рассматривать как своеобразную когнитивно-ментальную проекцию базовой универсальной триады лингвокультурологии (**язык** (значение) — **личность** (психика человека) — **культура**). Мы же, синтезируя когнитивную и лингвокультурологическую модели, предлагаем альтернативный вариант: (язык — значение) **система статико-динамических кодов** (*генетических* (национально-специфические КПП), культурных (метанарративные КПП), индивидуальных когнитивно-ментальных (производные КПП) — (личность) **программный индивидуально-коллективный субъект** (генератор КПП, имеющий двойственный статус источник/интерпретатор) — **культура**. При этом культура рассматривается нами как иерархически организованная, динамическая, полисемиотическая, полидискурсивная система неразрывно связанных между собой КПП разных типов (метанарративных; производных; национально-специфических).

Перед нами три варианта одной и той же базовой модели, ключевым принципом функционирования которой является внутренняя целостность, предопределяющая её метадисциплинарный универсализм. Однако что обеспечивает эту целостность и в каких когнитивно-ментальных формах она воплощается и функционирует?

На наш взгляд, эта целостность обеспечивается не чем иным, как имманентно присутствующим в пространстве культуры когнитивно-ментальным «каркасом», состоящим из «комплекса постоянных в ряду переменных» [Жебраускас 2006: 19], которые мы, вслед за Ю. С. Степановым, будем называть «константами культуры» [Степанов 2001]. А. Л. Жебраускас отмечает, что в данном контексте слово «константа» «необходимо употреблять в своем *качественном значении* — “самое

значимое», «системообразующее», а не в *буквальном* «непреходящее», «неизменное». Темпоральная устойчивость здесь играет не самую важную роль, так как многие явления культуры <...> имеют долгую жизнь, но совершенно не влияют на свойства и формирование макрокультурной системы в целом» [Жебраускас 2006: 19].

Отвечая на вопрос о внутренней природе целостности универсальной триады *язык — культура — личность*, представляющей собой комплекс «системообразующих» констант, в разных ее модификациях (антропологической, когнитивной, лингвокультурологической), мы получаем возможность глубже постичь сущность «самого значимого» в культуре, языке и человеке: «Рассмотрение именно доминантных констант является одной из важнейших задач, потому что без углубления в это «культурное бессознательное» невозможно ни осознать причины, ни прогнозировать последствия очевидно происходящих в культуре изменений» [Жебраускас 2006: 21]. Исходя из этого, *целью* нашего исследования является осмысление типологических и когнитивно-прагматических особенностей понятия «константа культуры» в контексте авторской теории КПП. Для достижения поставленной цели, опираясь на метадисциплинарную природу теории КПП, мы будем использовать следующие подходы и *методы исследования*: а) структурно-типологический метод; б) когнитивно-прагматический подход к анализу культуры; в) метод сравнительно-сопоставительного анализа; г) метод символического (программного) интеракционизма и некоторые другие.

Обсуждение и результаты

В настоящее время актуальными являются по крайней мере три ракурса исследования констант: а) константы в пространстве «большой культуры» [Жебраускас 2006]; б) национально-культурные константы и их лингвистическая репрезентация [Водясова, Мартынова 2013]; в) константы в пространстве художественно-авторского идиостиля и концептологических индивидуально-авторских программ [Фоменко 2014]. В большинстве работ константы рассматриваются как «доми-

нирующие культурные темы, своего рода субстрат практик определенного типа культуры, необходимых для поддержания динамического равновесия <...> Нет устойчивого, неизменного комплекса констант культуры...» [Жебраускас 2006: 20].

Культурный концепт — это «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово», это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — обычный рядовой человек, не «творец духовных ценностей», сам «входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 40]. Такая интерпретация констант культуры является продуктивной, поскольку «концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 41].

В рамках теории КПП идея Ю.С. Степанова приобретает особую аспектуализацию. Если Степанов называет концепт *константой культуры*, то мы рассматриваем его как *константу когнитивно-прагматической программы*, которая является и частью культуры (её структурно-смысловой единицей) и «свёрнутой» «сверхсистемной» когнитивно-ментальной проекцией всего пространства культуры в целом. При этом смена статуса концепта (*исходный статус*: концепт — константа культуры; *обновленный статус*: концепт — константа программы) приводит к его закономерной трансформации, которую условно можно назвать кодификацией концепта. Другими словами, концепт, сохраняя все свои базовые свойства и характеристики, превращается в «программный код».

Каждая из используемых «когнитивных единиц культуры» (фреймы, концепты, сценарии, категории и пр.) по-своему специфицирует «грамматику» культурно-языкового феномена, имеет свои достоинства и ограничения. Например, «концептуальный анализ» может казаться, с одной стороны, слишком «интуитивным» (субъективным, трудновоспроизводимым), с

другой — недостаточно радикально отличным от «компонентного» (отличие преимущественно целевое). А при обращении к субъекту художественного «синтетического текста» (в рок-культуре или в других случаях «нестандартной дискурсивности» — «стадионный», политический или «кухонный» формат поэзии, разные виды повышенной «медийности» или, напротив, «потаённости» литератора) мы сталкиваемся с тем, что типаж, концепты, лингвокультура, фреймы, сценарии объясняют прежде всего организацию «типового», а не индивидуально-неповторимого («художественный концепт» указывает на индивидуально-субъектное, но косвенно, с точки зрения «поэтики культуры», а не «поэтики субъекта», т. е. не характеризуя саму структуру языковой/дискурсивной личности); авторитетная модель языковой личности (Ю. Н. Караулова) применима к художественному тексту, но не адаптирована к «синтетическому тексту» (модельно не представлены субъект-интерпретатор и невербальные субтексты). Культурная (языковая) личность художника слова в лингвокультурологии обычно рассматривается сквозь призму концептов. Однако все ли «концепты языка культуры» вербальны в самом становлении и функционировании культурного феномена? Поскольку концепт — феномен когнитивный, **находящий выражение** в языке, ответ очевиден — нет. Поэтому путь к концепции КПП лежал через создание авторской теории синтетической языковой личности (СЯЛ), где эти многочисленные проблемы получили теоретическое и практическое решение — и именно КПП оказалась тем ядром, которое позволяет сохранять единство СЯЛ и гармонизацию любых её субтекстов любого состава [см.: Иванов, Лакербай 2021]. Так, понимание любого значимого элемента синтетического рок-текста как проявления моделирующей деятельности СЯЛ — это возможность **программной** (КПП) семиотической интерпретации места и функции этого элемента, будь то закатанные рукава на концерте, «черный» грим (имеющий, к примеру, совершенно разный смысл внутри СЯЛ В. Цоя и К. Кинчева), ключевая фраза песни или деталь оформления обложки рок-альбома. Иными словами, аспектуализация термина «концепт» как «программного кода» КПП позволяет по-

лучить релевантную для насыщенного культурологического (в данном случае) анализа единицу.

Процесс кодификации концепта включает в себя две взаимообусловленные и последовательно реализующиеся операции: а) *категоризация концепта* (адаптация концептуальной единицы к условиям существования и функционирования в пространстве КПП — собственно кодификация); б) *функциональная конкретизация кодифицированного концепта* (когнитивно-ментальная «алгоритмизация» его содержания, унифицирующая его внутреннюю структуру и позволяющая генератору КПП (субъекту-источнику/субъекту-интерпретатору) проводить его комплексный анализ на разных уровнях.

Естественный характер реализации этих операций обусловлен не только системными принципами моделирования, функционирования КПП, но и стремлением личности к алгоритмизации и конкретизации абстрактных универсальных компонентов содержания концепта, необходимых для оптимизации процесса его когнитивно-ментального освоения (восприятия, перекодировки, интерпретации и «селективной персонификации»). Процесс кодификации концепта полностью соответствует принципам внутренней организации КПП, которая состоит из двух вышеописанных уровней: а) категориального, б) процессуального.

Из этого следует, что в контексте теории КПП можно выделить три основных типа кодифицированных констант-концептов программы культуры. **Первый тип** — *система генетических кодифицированных констант*. Эта группа констант репрезентирует универсальные компоненты, организующие работу сознания коллективного субъекта (народа, нации, больших социальных групп). К таким константам можно отнести нормы, традиции, верования, обычаи и т. п. **Второй тип** — *система собственно культурных кодифицированных констант*. Эта группа констант формируется в пространстве метанарративных КПП, на основе культурных кодов программы, которые мы, вслед за В. Н. Телия, будем рассматривать как «таксономический субстрат, который представляет собой совокупность окультуренных представ-

лений о картине мира того или иного социума — о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [Телия 1999: 20–21]. **Третий тип** — *система персонифицированных когнитивно-ментальных кодифицированных констант*. Она формируется в пространстве системы «производных» КПП. Здесь речь идет о репрезентации «универсального» не на уровне культуры, а на уровне субъекта, который в процессе создания «своей» оригинальной КПП осознанно/подсознательно обращается к универсальным генетическим и культурным кодам культуры и на основе их когнитивно-ментальной перекодировки «создает»/воспроизводит в пространстве «своей» программы «универсальный» для себя «каркас» констант.

Все представленные типы кодифицированных программно обусловленных концептов-констант проходят обязательную когнитивно-ментальную индексацию: а) целевую; б) самоидентификационную; в) инструментально-операциональную; г) оценочно-результативную. Каждый индекс органически встроен не только во внутреннюю структуру кодифицированной константы, но и в структуру КПП, так как формируется на базе соответствующей подсистемы КПУ. Схема установочно-индексальных соответствий выглядит так: а) целевой индекс — подсистема целевых КПУ; б) самоидентификационный индекс — подсистема самоидентификационных КПУ; в) инструментально-операциональный индекс — подсистема инструментально-операциональных КПУ; г) оценочно-результативный индекс — подсистема оценочно-результативных КПУ.

Каждый когнитивно-ментальный индекс особым образом структурирует и сегментирует универсальное содержание кодифицированной константы, разделяя его на три основных зоны. **Первая зона** — субъектно-личностная (самоидентификационный индекс константы — универсальное «кто»). **Вторая зона** — деятельностно-целевая [целевой и инструментально-операциональный индексы константы — универсальное «за-

чем» + универсальное «как»]. **Третья зона** — резюмирующе-аналитическая (метаиндексальная) [оценочно-результативный индекс константы — универсальное «что»]. Третья зона занимает особое положение, так как в её пространстве все частные компоненты-индексы содержания объединяются, образуя целостный, устойчивый, но динамичный образ универсально-смыслового ядра кодифицированной константы, который фиксируется и закрепляется не только в сознании субъекта, но и в пространстве культуры.

Из этого следует, что универсальное содержание кодифицированной константы есть сумма частных взаимообусловленных и неразрывно связанных между собой индексально репрезентированных компонентов. Общая абстрактная модель универсального содержания кодифицированной константы: *универсальное «зачем» + универсальное «кто» + универсальное «как» = универсальное «что»*. Она имеет два режима функционирования: а) от частного к общему (от частного универсального «зачем» к целостному универсальному «что»); б) от общего к частному (от целостного универсального «что» к частному универсальному «зачем»).

Первый режим активизируется при моделировании / концептуально-смысловой перекодировке общего универсального содержания кодифицированной константы или его отдельных компонентов. При этом личность (генератор КПП/генератор содержания кодифицированной константы) выступает в роли субъекта-источника. Причем процесс «создания»/трансформации содержания кодифицированной константы начинается не с универсального «кто», то есть с первичной самоидентификации субъекта, а с универсального «зачем», так как «цель — это, во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания/самосознания; во-вторых, свойственная каждой личности «первопотребность», трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека» [Иванов 2017: 101]. *Второй режим* активизируется в момент первичного восприятия общего содержания кодифицированной константы. Личность здесь выступает в качестве не гене-

ратора, а интерпретатора смысла. Воспринимая содержание константы как некое результативно-идеальное целое, приписываемое ему «другим» субъектом/культурой, субъект-интерпретатор проводит операцию его комплексного анализа с целью частичной персонификации. В результате субъект-интерпретатор начинает осознавать себя носителем этого содержания, что автоматически вписывает его в систему КПП, то есть в пространство культуры.

Ключевым свойством кодифицированной константы является системность как на уровне формирования (структурного-моделирования и индексации), так и на уровне функционирования и взаимодействия в пространстве КПП / культуры как системы КПП. Из этого следует, что КПП можно рассматривать как систему взаимодействующих между собой кодифицированных констант разных типов (генетических, собственно культурных, когнитивно-ментальных). Общую модель можно представить так: *КПП = кодифицированная константа «А» + кодифицированная константа «Б» + кодифицированная константа «С»*. Характер взаимодействия констант в рамках программы может быть различным.

Вариант 1 — конструктивное взаимодействие. При таком характере взаимодействия кодифицированная константа «А» дополняет (обогащает) и раскрывает содержание кодифицированной константы «Б» и наоборот. Ярким примером этого типа взаимодействия констант является национально-специфическая КПП А. Башлачева «Русский национальный поэт», в пространстве которой кодифицированные константы «колокол» («колокольчики» / «бубенцы») — «русская душа» — «зерно» — «поле» — «любовь» и многие другие не просто взаимодополняют, но и взаимозаменяют друг друга [см.: Иванов 2019].

Вариант 2 — деструктивное взаимодействие. В этом варианте взаимодействие констант строится по принципу «дисгармонично организованного целого», когда кодифицированная константа «А» в чём-либо противоречит содержанию кодифицированной константы «Б». Как «нестабильное целое» данные константы репрезентируются только на определенном этапе мо-

делирования КПП, поскольку, в конечном итоге, и программа, и субъект-источник, и культура как таковая стремятся к органической целостности и кодификационно-смысловой однородности, обеспечивающей стабильность. Механизм стабилизации программы основан на принципе осознанного исключения/блокировки нестабильной константы — однако вывод её генератором КПП за пределы программы не означает полной нейтрализации, так как она продолжает функционировать в пространстве культуры в том же статусе. Яркий пример — противоречивая конструктивно-деструктивная, эклектичная КПП русского рок-поэта К. Кинчева. На первых этапах её моделирования К. Кинчев пытается совместить несовместимое: сознательно выстраивает систему конфликтующих между собой самоидентификационных кодифицированных констант («поэт», «пророк», «шаман», «шут», «бунтарь», «мегазвезда», «антихрист», «воин духа»), что закономерно приводит не только к блокировке целой системы констант, но и к полному разрушению «героической» версии его КПП [Иванов 2021].

В целом систему взаимодействующих между собой констант программы / системы программ можно рассматривать как кодифицированный метанарратив культуры, «легитимирующий» способы мышления, социальные институты и социальную систему и создающий тем самым возможность тотального мировоззрения» [Волков 2015: 4]. «Тотальность» здесь — не подавление креативных интенций личности, а базовое условие для формирования и легитимизации универсального в субъекте/культуре как особой «сверхсистемы», организующей бытие человека в мире.

Настаивая на метанарративном статусе системы кодифицированных констант, мы исходим из концепции метанарратива, предложенной Ф. Джеймисоном, который полагает, что в культуре «существуют “доминантные повествования” или “доминантные коды”, которые функционируют в соответствующей традиции как нерелексированная система координат, парадигмальная матрица, внутри которой “коллективное сознание” в рамках данного кода моделирует “культурно опосредованные артефакты” в “социально символических

актах» [Волков 2015: 4]. В нашей интерпретации то, что Ф. Джеймисон называет «доминантным кодом», — это «доминантный метакод», в рамках которого группируются и взаимодействуют генетические, собственно культурные и когнитивно-ментальные кодифицированные константы. «Доминантные метакоды» как программные метанарративы культуры, взаимодействуя между собой, образуют своеобразный метанарративный базис культуры. Общая схема: *Метанарративный базис культуры = программный метанарратив «А» + программный метанарратив «В» + программный метанарратив «С»*. Формально-смысловая структура метанарративного базиса культуры, как и структура каждой отдельной кодифицированной константы, является одновременно и статичной (устойчивой), и динамичной.

Результаты

Итак, полноценный анализ любого из компонентов триады «язык — культура — личность» невозможен без учёта специфики двух других. На этом основаны три базовые стратегии лингвокультурологического исследования. Особую роль в них играет когнитивный ракурс, комплексно раскрываемый в рамках метадисциплинарной теории КПП, дающей возможность проводить как системный, так и компонентный анализ универсальной триады «язык — личность — культура», которая представляет собой комплекс «системообразующих» констант. Константой культуры в ракурсе КПП является концепт, понимаемый как ее «программный код», т.е. тот же концепт, но прошедший категоризацию и функциональную конкретизацию (кодифицированный).

В контексте теории КПП можно выделить три основных типа кодифицированных констант программы-культуры: генетические; собственно культурные; персонифицированные когнитивно-ментальные. Все они проходят обязательную когнитивно-ментальную индексацию: а) целевую; б) самоидентификационную; в) инструментально-операциональную; г) оценочно-результативную. Каждый когнитивно-ментальный индекс особым образом структурирует и сегментирует универсальное содержание кодифицированной

константы, разделяя его на три основных зоны: субъектно-личностную; деятельностно-целевую; резюмирующе-аналитическую (метаиндексальную). В пространстве третьей зоны частные компоненты-индексы содержания объединяются, образуя целостный динамичный образ универсально-смыслового ядра кодифицированной константы. Её ключевым свойством является системность, которая просматривается как на уровне формирования (структурного-моделирования и индексации), так и на уровне функционирования и взаимодействия в пространстве КПП / культуры как системы КПП; при этом характер взаимодействия констант в рамках программы может быть как конструктивным, так и деструктивным. В целом же КПП можно рассматривать как систему взаимодействующих между собой кодифицированных констант разных типов.

ЛИТЕРАТУРА

- Водясова, Мартынова 2013 — Водясова Л.П., Мартынова Е.А. Национально-культурные константы и их лингвистическая репрезентация. *Russian Journal of Education and Psychology. Электронный научный журнал*. 2013, (6 (26)).
- Волков 2015 — Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам. *Культурное наследие России*. 2015, (2): 3–11.
- Воробьев, Морозкина, Фаткуллина 2016 – Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Триада язык — культура — личность как основа современной лингвокультурологии. *Вестник Башкирского университета*. 2016, (2): 355–359.
- Жебраускас 2006 — Жебраускас А.Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2006, (20): 18–21.
- Иванов 2017 — Иванов Д.И. Особенности моделирования системы целевых когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности: общие вопросы. *Вестник славянских культур*. 2017, (3): 94–105.
- Иванов 2019 — Иванов Д.И. Специфика русской национально-специфической когнитивно-прагматической программы А. Башлачева: общие положения. *Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение*. 2019, (33): 47–59.
- Иванов, Лакербай 2020 — Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. *Когнитивная гуманитарная семиотика: Книга 2. Терминология. Аналитические портреты*. Иваново: ПресСто, 2020. 256 с.
- Иванов, Лакербай 2021 — Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Между «сциллами» и «харибдами», или Попытка теории в эпоху исследовательских практик. *Критика и семиотика*. 2021 (1): 193–219.
- Ирисханова 2014 — Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы

их описания. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014, (4): 5–17.

Коваленко 2011 — Коваленко Е. М. Культура как когнитивная система. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011, (3): 49–52.

Кондаков 2008 — Кондаков И. В. Культурология как наука. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2008, (1): 141–149.

Кубрякова 2012 — Кубрякова Е. С. *В поисках сущности языка: когнитивные исследования*. М.: Знак, 2012. 208 с.

Лозинская 2010 — Лозинская Е. В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2010, (1): 192–225.

Степанов 2001 — Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический проект. 2001. 989 с.

Телия 1999 — Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. В сб.: *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 13–24.

Фоменко 2014 — Фоменко Е. Г. Культурные константы в индивидуально-авторской концепции Джеймса Джойса. *Научный вестник Международного гуманитарного университета. Серия: Филология*. 2014, (8 (1)): 212–216.

Цветков 2016 — Цветков В. Я. Когнитивная семиотика и информационное моделирование. Перспективы науки и образования. *Международный электронный журнал*. 2016, (6(24)).

Foley 1997 — Foley W. A. *Anthropological linguistics: an introduction*. Oxford, England. 1997. 495 p.

REFERENCES

Водясова, Мартынова 2013 — Vodiasova L. P., Martynova E. A. National-cultural constants and their linguistic representation. *Russian Journal of Education and Psychology. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2013, (6 (26)). (In Russian)

Волков 2015 — Volkov V. N. Postmodernity: distrust of metanarratives. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2015, (2): 3–11. (In Russian)

Воробьев, Морозкина, Фаткуллина 2016 — Vorob'ev V. V., Morozkina E. A., Fatkullina F. G. The triad of language — culture — personality as the basis of modern linguoculturology. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2016, (2): 355–359. (In Russian)

Жебраускас 2006 — Zhebrauskas A. L. The concept of cultural constants and the search for landmarks of postmodernity. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*. 2006, (20): 18–21. (In Russian)

Иванов 2017 — Ivanov D. I. Features of modeling a system of targeted cognitive-pragmatic attitudes of a synthetic linguistic personality: general questions. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2017, (3): 94–105. (In Russian)

Иванов 2019 — Ivanov D. I. The specifics of the Russian national-specific cognitive-pragmatic program of A. Bashlachev: general provisions. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*. 2019, (33): 47–59. (In Russian)

Иванов, Лакербай 2020 — Ivanov D. I., Lakerbai D. L.

Cognitive humanitarian semiotics: Book 2. Terminology. Analytical portraits. Ivanovo: PresSto Publ., 2020. 256 p. (In Russian)

Иванов, Лакербай 2021 — Ivanov D. I., Lakerbai D. L. Between «Scylla» and «Charybdis», or an attempt at theory in the era of research practices. *Kritika i semiotika*. 2021, (1): 193–219. (In Russian)

Ирисханова 2014 — Iriskhanova O. K. Sociocognitive linguistics: structures of social knowledge and problems of their description. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2014, (4): 5–17. (In Russian)

Коваленко 2011 — Kovalenko E. M. Culture as a cognitive system. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2011, (3): 49–52. (In Russian)

Кондаков 2008 — Kondakov I. V. Cultural studies as a science. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. 2008, (1): 141–149. (In Russian)

Кубрякова 2012 — Kubryakova E. S. *In search of the essence of language: cognitive research*. Moscow: Znak Publ., 2012. 208 p. (In Russian)

Лозинская 2010 — Lozinskaya E. V. Cognitive literary studies: authors, methods, prospects. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. 2010, (1): 192–225. (In Russian)

Степанов 2001 — Stepanov Iu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2001. 989 p. (In Russian)

Телия 1999 — Telia V. N. Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture. In: *Frazeologiya v kontekste kul'tury*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. P. 13–24. (In Russian)

Фоменко 2014 — Fomenko E. G. Cultural constants in the individual author's concept of James Joyce. *Naukovii visnik Mizhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta. Series: Filology*. 2014, (8 (1)): 212–216. (In Russian)

Цветков 2016 — Tsvetkov V. Ia. Cognitive semiotics and information modeling. *Perspektivy nauki i obrazovaniia. Mezhdunarodnyi elektronnyi zhurnal*. 2016, (6(24)). (In Russian)

Foley 1997 — Foley W. A. *Anthropological linguistics: an introduction*. Oxford, England. 1997. 495 p.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ТЕРМИНА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ALENA A. KLEMENTIEVA

ON THE ISSUE OF THE TERM **ARTIFICIAL INTELLIGENCE** FUNCTIONING
IN MODERN SCIENTIFIC AND SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE

В статье рассматриваются особенности языкового представления искусственного интеллекта как элемента новой реальности в эпоху цифровой культуры. На материале научных статей и материалов с интернет-сайтов СМИ, посвящённых проблемам использования искусственного интеллекта и осмыслению его роли в жизни общества, описываются разноуровневые языковые средства (словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические), направленные на создание его двух прямо противоположных образов (положительного и отрицательного). Отмечается активное использование средств функционально-семантического поля интенсивности в рассматриваемых текстах, анализируются их прагматические характеристики. В зависимости от коммуникативных целей авторы публицистических текстов представляют искусственный интеллект как антропоморфное существо, угрожающее человеку либо приносящее ему пользу, в то время как учёные предупреждают об опасности его использования. Формирование тех и других представлений оценивается автором статьи и самими разработчиками технологий как языковая манипуляция, приводящая к когнитивному искажению. Обсуждается проблема разграничения реального и виртуального дискурсов, описывающих уже существующие явления или только воображаемые. В качестве возможного решения данной проблемы предлагается вводить в текст специальные маркеры, которые бы указывали адресату на статус высказывания по отношению к действительности, уделять особое внимание субъектно-объектной организации предложений, использованию акциональных предикатов в тех конструкциях, где субъектом является искусственный интеллект. Констатируется отсутствие точной и общепринятой дефиниции для термина *искусственный интеллект*, что также создаёт почву для языковых манипуляций. Формирование новой цифровой реальности посредством придания антропоморфных черт современным технологиям оценивается как концептуальный сдвиг, приводящий к искажению представлений о реальности действительной.

Ключевые слова: искусственный интеллект; научный дискурс; публицистический дискурс; реальный дискурс; виртуальный дискурс.

The article examines the features of linguistic representation of artificial intelligence considering it as an element of a new reality in the digital culture era. The multilevel linguistic means (word-formation, lexical, morphological, syntactic) aimed at creating two directly opposite images of artificial intelligence (positive and negative) are studied through scientific and online media articles devoted to the issues of artificial intelligence usage and its role in society. The paper indicates the active use of linguistic means within the functional and semantic field of intensity in the texts in question and analyzes their pragmatic features. Depending on the communicative goals,

**Алёна Александровна
Клементьева**

Аспирант

► aklementyeva@mail.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы,
1, стр. 51

Alena A. Klementieva

Moscow State University
1, str. 51, Leninskie Gory, Moscow,
Russia, 119991

the authors of socio-political texts present artificial intelligence as an anthropomorphic being that either threatens humans or benefits them, while scientists warn of the danger of its use. These polarized ideas are viewed by both the author of the article and the technology developers themselves as a language manipulation tool leading to cognitive distortions. On this basis, the problem of distinguishing between real and virtual discourses that describe already existing phenomena or only imaginary ones is largely discussed. As a possible solution, the author proposes to introduce special markers into the text that would indicate to the addressee the status of the statement in relation to reality, pay special attention to the subject-object organization of sentences and use of action predicates in the constructions where artificial intelligence is the subject. The author states that there is no precise and generally accepted definition for the term artificial intelligence, which gives grounds for language manipulation as well. The new digital reality characterized by describing modern technologies through anthropomorphic features can be seen as a conceptual shift towards a distorted picture of the reality we live in.

Keywords: artificial intelligence; scientific discourse; social-political discourse; virtual discourse; real discourse.

Введение

Актуальные направления современной лингвистики определяются тем, какие вопросы стоят перед обществом в целом. Являясь «службой понимания» мира [Аверинцев 1987: 468], филология обеспечивает доступ к пониманию его артефактов, в том числе тех, которые ещё не существуют, а только проектируются. В этом состоит отличие филологии от многих других наук, которые изучают уже существующие объекты. Наличие артефактов двух типов (реальных и потенциальных) становится предпосылкой для разграничения дискурсов — константного, описывающего явления объективной реальности, и виртуального, используемого для высказываний о воображаемом, предполагаемом [Волков 2020: 747].

Жизнь в эпоху цифровой культуры (digital culture) заставляет нас иметь дело с новой, цифровой реальностью, которая «существует поверх рамок и норм физического, биологического, психологического пространств» [Подопригора 2019: 15]. В этом новом «квазифизическом» пространстве акторами являются уже «не собственно люди и физические объекты, а синтетические информационные структуры, сетевые сообщества, алгоритмы и программы» [Подопригора 2019: 15]. Одним из таких акторов в современной культуре является искусственный интеллект (далее — ИИ),

технологии которого внедряются почти во все сферы общественной жизни.

Вопросы о расширении возможностей ИИ, наделении его способностью к самостоятельному принятию социально значимых решений поначалу обсуждались лишь представителями специальных научных направлений — техноэтики [Jonas 1973], ставшей её частью этики ИИ [Weizenbaum 1976], которая в свою очередь разделилась на робоэтику [Veruggio 2007] и машинную этику [Моо 2006]. Однако сейчас проблемы применения систем ИИ вышли за рамки философской рефлексии.

Ещё в 2014 году шведский философ Ник Бостром констатировал отсутствие какого-либо внимания со стороны органов власти к области разработки ИИ и объяснял это неимением перспектив «взрывного развития» у данного направления [Бостром 2016: 140]. В настоящее же время проблемам использования ИИ пытаются найти законодательное решение на государственном уровне. Так, в 2021 году в России был предложен законопроект, регулирующий отношения робота и человека¹, в Китае разработан Кодекс этики искусственного интеллекта². В том же году по проведении международного форума «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» крупнейшие технологические компании России подписали Кодекс, где утвердили необходимость «осознавать ответственность при создании и использовании ИИ», обеспечивать «правдивость в информировании об уровне развития технологий ИИ, их возможностях и рисках», повышать уровень доверия к технологиям [Кодекс 2021: 3, 7].

Регламентация использования технологий ИИ из-за увеличения степени его автономного участия в медицине, образовании, культуре, охране окружающей среды, транспорте, экономике, предпринимательстве и др. становится «важнейшей задачей современного отечественного правоведения» [Лаптев 2019: 79]. Решая проблему «ответственности за вред, который может быть причинен устройством, обладающим искусственным интеллектом», правоведы рассматривают возможность присвоения системам ИИ статуса субъекта права [Соменков 2019: 75].

Всё это говорит о превращении ИИ в фе-

номен, являющийся неотъемлемой частью жизни современного общества, способный влиять на него: с одной стороны, ускорять его развитие, с другой стороны, приносить вред. Помимо этого, ИИ становится необходимым условием для моделирования новой цифровой реальности в эпоху цифровой культуры, отличительными чертами которой являются преобладание «технократического мышления» и «усиление техно-дискурса» [Елькина 2018: 195–196].

В данной статье мы ставим перед собой цели проанализировать функционирование термина *искусственный интеллект* и синонимичных ему номинаций (*технология, машина, робот*) в современном научном и публицистическом дискурсе, выявить и описать языковые средства, с помощью которых формируются те или иные представления об ИИ, дать им оценку.

Теоретическую базу исследования составляют положения коммуникативной грамматики о моделях предложения [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] и функциональной грамматики о функционально-семантическом поле интенсивности [Бондарко, Шубик 2005], а также работы Л. О. Чернейко, посвящённые анализу абстрактного имени и языка науки [Чернейко 2011, 2019].

Материалом для исследования послужили новостные статьи с интернет-сайтов СМИ, а также научные статьи последнего десятилетия, посвящённые осмыслению роли ИИ в современном мире и угрозам его использования. За рамками нашего анализа остались статьи разработчиков ИИ, посвящённые техническим вопросам его создания, поскольку цель разработчиков — создать сам объект, а не представления о нём.

Образ искусственного интеллекта в научном дискурсе

По замечанию Л. О. Чернейко, «и логические отношения стоящей за термином сущности, и её символика» выводятся посредством анализа «его употребления в научном тексте», в том числе анализа «глагольно-атрибутивной сочетаемости» [Чернейко 2011]. Именно такая практика «способна стать опорой в лингвистической (и логической!) обработке научного объекта». У нас есть

возможность проанализировать употребление термина *искусственный интеллект* и синонимичных ему замен (*машина, технология*) в современном научном дискурсе и определить, каким в нём представляется феномен, обозначаемый данным терминологическим словосочетанием.

В первую очередь обращает на себя внимание обилие акциональных предикатов со значением угрозы (*угрожать, вытеснять, отнимать, уничтожать, ставить под угрозу, наносить вред* и пр.) при неодушевлённых субъектах, что противоречит существующей в языке субъектно-предикатной взаимообусловленности [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 106] (более подробно см. в [Клементьева 2022]): *...искусственный интеллект вытесняет интеллект человеческий* (Корнилов Г. А. Стратегия развития интегрированных маркетинговых каналов и e-маркетинг); *...новые технологии угрожают принципам профессии* [Иванов 2017]; *...искусственный интеллект может совершенно уничтожить человечество к 2075 году* [Сидоренко 2017]. В результате использования этих предикатов ИИ а) приобретает антропоморфные черты; б) воспринимается как нечто опасное, способное угрожать человеку и его существованию. Среди причин, по которым абстрактные имена (в рассматриваемых нами примерах это *искусственный интеллект* и *технологии*) могут употребляться с предикатами предметных имён (в широком смысле, включая собственно предметные и личные), Л. О. Чернейко называет «эмпирическую пустоту абстрактной сущности» и «её переживаемость социумом» [Чернейко 2019]. Это суждение иллюстрируют и проанализированные нами тексты, в центре внимания которых находится ИИ — относительно новый и плохо изученный научный объект, для описания которого ещё не сформировался отдельный терминологический аппарат.

Констатируя, вопреки расхожему мнению, присутствие в научном стиле речи эмоционально-оценочных средств, А. Н. Васильева в 1976 году отмечала существующую тенденцию к уменьшению «удельного веса субъективного элемента в научной речи» [Васильева 1976: 46]. Однако в современных статьях по проблемам ИИ мы наблюдаем широкое использование атрибутивов, выражающих отри-

цательную оценку ИИ и возможных последствий его применения (*отрицательные, негативные, тяжелые последствия; разрушительная, деструктивная технология; побочный эффект, опасное оружие и др.*): *Предполагается, что деструктивной технологией является и ИИ* [Себекин 2022]; *Высказываются сомнения о возможности полной компенсации негативных последствий роботизации в обозримом будущем* [Ракитов 2019]; *Масштаб внедрения этих потенциально разрушительных технологий очень велик уже сегодня* [Костина 2019]. Данные определения предлагают читателям интерпретировать тот или иной объект в соответствии с авторской позицией, формируют представления о негативных последствиях использования ИИ.

Также среди лингвистических особенностей рассматриваемых текстов стоит отметить частую встречаемость показателей категории интенсивности — высокой степени проявления признака. На лексическом уровне мы видим прилагательные-интенсификаты(оры) (*всеобщая цифровизация, повальная роботизация, массовая безработица, чрезмерная зависимость от ИИ и т.д.*) и существительные-интенсификаты (*господство, засилие, экспансия ИИ*), «в значении которых сема интенсивности содержится имплицитно» [Бондарко, Шубик 2005: 160]: *результатом таких изменений человечества может стать повальная, массовая безработица, которую учёные называют технологической* [Гулевский, Филиппов 2022], *возможность господства машин и искусственного интеллекта над человеком нельзя полностью сбрасывать со счетов* [Шкляева 2015]; *Экспансия искусственного интеллекта угрожает самой основе человеческой цивилизации, вытесняя человека из созданного им самим мира* [Мамедова 2021]. На словообразовательном уровне выделяются префиксальные интенсификаторы супер- и сверх- (*суперинтеллект, супермощный, сверхразум, сверхчеловек, сверхспособность, сверхсильный и проч.*): *Суперинтеллект может рассматриваться как создающий угрозу превосходству и даже выживанию человеческого вида* [Манужева 2018]; *искусственный интеллект — «сверхразум», основанный на цифре* [Артамонова, Зенов 2020].

Введение в текст интенсифицирующих средств, по замечанию Е.М. Вольф, говорит о высокой «степени включённости субъекта в высказывание» [Вольф 2002: 43] и служит осуществлению определённых коммуникативных целей — «сделать высказывание более убедительным», «усилить его перлокутивный эффект», «более эффективно воздействовать на адресата» [Вольф 2022: 111]. Результатом такого воздействия, по нашему мнению, должно стать внушение страха перед картиной будущего, где человеку из-за «засилия» ИИ не найдётся места. Мы имеем дело с гипостазированием, т.е. с овеществлением абстрактной сущности, целью которого является «изменение русской концептосферы», «искажение когнитивного пространства русского языка и русской картины мира» [Петрухина 2014].

Итак, анализ современного научного дискурса показывает, что при помощи различных языковых средств авторы статей по проблемам ИИ намеренно создают особый образ ИИ — угрожающий существованию человека и человечества в целом — с целью сформировать к нему соответствующее отношение адресата.

Представления об искусственном интеллекте, формируемые в публицистическом дискурсе

В другой сфере, где также активно обсуждаются проблемы ИИ, — публицистическом дискурсе — мы наблюдаем две совершенно противоположные тенденции.

С одной стороны, ссылаясь на результаты научных исследований и мнения учёных, СМИ говорят об опасности, которую представляют для человечества ИИ и его технологии, и используют те же языковые средства, о которых мы писали выше, анализируя научные тексты. В тех конструкциях, где *ИИ, технологии, машины* являются субъектами, активно употребляются предикаты с пейоративной окраской: *новая технология способна в скором времени ухудшить жизни миллионов людей, а в перспективе — погубить человеческую цивилизацию* [Газета.ru 2022]; *искусственный интеллект может полностью заменить людей, машины в погоне за эффективностью могут*

захотеть избавиться от людей [РИА Новости 2017]. Также используются различные средства интенсификации: *всё больше* исследователей сомневаются в нашей способности управлять *сверхразумом* [Hi-News.ru 2021]; в условиях *безудержного роста возможностей машин*; потенциал ИИ *огромен* [Ведомости 2015]. Помимо этого, в сообщениях СМИ присутствуют оценочные определения: *может ли ИИ в какой-то момент стать неконтролируемым и опасным* для человечества [Hi-News.ru 2021]; мир *стоит на грани совершенно чудовищных социальных последствий* [Звезда 2016]. Такая лексическая «перекличка» с научным дискурсом говорит о том, что СМИ транслируя мнения и слова учёных, усиливают оценки для привлечения внимания адресата.

С другой стороны, журналисты пишут и о пользе, которую ИИ приносит уже сейчас представителям различных профессий — медикам, бизнесменам, педагогам, менеджерам и самим учёным. Как правило, в подобного рода текстах мы замечаем обилие передающих положительную оценку глаголов (*помочь, избавить, облегчить, обеспечить* и пр.) и определений (*идеальный учёный, любой проект, высокое качество, максимальный спрос*): *ИИ найдет идеального учёного для любого проекта, искусственный интеллект обеспечит высокое качество научных исследований* [Известия 17.04.2022]; *машинное обучение избавит учителей от рутинной проверки работ, искусственный интеллект поможет учащимся, любая ИИ-разработка, позволяющая сократить издержки в образовательной программе, получит максимальный спрос* [Известия 10.02.2022].

Создание «дружелюбного имиджа» ИИ — часть информационной кампании, направленной на реализацию национального проекта «Цифровая экономика». Авторы проекта хотят обеспечить ИИ «эмоциональный характер проводника справедливости для человека», а также донести до людей мысль о том, что ИИ «приносит больше справедливости в их жизни, обеспечивая равный доступ к новым возможностям» [РБК 2021]. Ярким примером уже начавшейся реализации данной кампании может послужить отрывок из новостного материала РБК: *Сервисы искус-*

ственного интеллекта помогают московским врачам находить на изображениях компьютерной томографии признаки рака легкого... *Нейросети позволяют выявлять даже незначительные отклонения, что повышает качество диагностики, а также значительно сокращают время* на получение результата исследования, *помогая пациенту быстрее* получить необходимое лечение [РБК 2021]. Обратим внимание на лексическое окружение субъектов высказывания — *сервисы ИИ и нейросети*. Это предикаты *помогают, позволяют выявлять, сокращают время, повышают качество*, наречие-интенсификатор *значительно*, усилительная частица *даже* перед деинтенсификатором *незначительные* отклонения, компаратив *быстрее*. Нет сомнений в том, что коммуникативная цель рассмотренного отрывка — формирование положительного образа ИИ.

По справедливому замечанию А.В. Подпригоры, «общественный дискурс об искусственном интеллекте <...> обретает сегодня метанаучный характер» и «становится зеркалом возможностей самопознания, самоорганизации и моделирования человеком сценариев этого мира» [Подпригора 2019: 8]. Относительно проанализированных нами материалов из СМИ можно сказать, что в них предлагаются два таких сценария. Первый сценарий продиктован представителями научного сообщества, осмысливающими социальные и гуманитарные последствия использования ИИ. Второй же предлагают разработчики систем ИИ, представители бизнеса и государственного аппарата, которым важно как можно скорее внедрить новые технологии в жизнь общества. Так или иначе в текстах, принадлежащих и к первому, и ко второму типу, посредством различных языковых механизмов персуазивности реализуется основная функция публицистического стиля — воздействие на адресата.

Проблема разграничения реального и виртуального

Проанализированные нами научные и публицистические тексты объединяет то, что в них формируется или уже сформировался особый образ ИИ. Он представляется не просто технологией,

а активным, одушевлённым существом, способным оказать влияние на человечество, принести ему или гибель, или необыкновенное развитие. Об этом говорит и построение субъектно-объектных отношений в рассмотренных нами предложениях. Там, где *ИИ, технологии, роботы, машины* занимают позицию субъекта, объектом является человек или его функции и атрибуты: *...искусственный интеллект заменит человека* [Известия 2018]; *Они [роботы] отнимают рабочие места у людей* [Харланова 2018]. Таким образом, ИИ стоит даже не на одной ступени с человеком, а находится выше его. Люди находятся в подчинении у машины, а не наоборот, хотя на сегодняшний день это не так.

Кроме того, использование акциональных предикатов в соседстве с ИИ можно оценивать как языковую манипуляцию, приводящую к «когнитивному искажению» [Завтра.ру 2022], нацеленную в том числе и на утверждение идей трансгуманизма. Профессор РАН, профессор кафедры математических методов прогнозирования ВМК МГУ К.В. Воронцов предлагает вовсе запретить употреблять глаголы активного действия применительно к ИИ (*обыграл чемпиона мира, научился диагностировать рак, находит ошибки в школьных сочинениях* и т. д.), так как «подобные фигуры речи» порождают мифы, искажают действительность [Завтра.ру 05.11.2021]. ИИ не может действовать самостоятельно, поскольку именно люди закладывают в него программы, ставят перед ним задачи.

Иллюстрацией формируемого у нас когнитивного искажения может быть новость о том, что разработчик ИИ обнаружил у него сознание³. Человек начинает видеть в машине антропоморфные черты не только потому, что её обучили хорошо их имитировать, но ещё и потому, что мы имеем дело с лингвистически сконструированной реальностью, перестаём видеть грань между действительным и возможным, реальным и фантазийным. Учёные настаивают на том, что машина не может иметь разума, воли, сознания, прав, поэтому об «интеграции инженерной системы в общество не может быть и речи» [Завтра.ру 15.12.2021]. Всё чаще в научном сообществе звучит призыв «зду-

маться над отношением между моделью и моделируемой реальностью», между «доказанным и всего лишь гипотетичным» [Успенский 2012: 31, 37].

Нам представляется важным при обсуждении проблем ИИ и его возможностей отличать константный дискурс («с профессиональной точностью отражающий реальное положение дел») от виртуального («“наивный” дискурс предположений и домыслов»), объективную реальность от воображаемой [Волков 2020: 747]. Проведение чёткой границы между реальным и потенциально возможным позволит адресату и научных, и публицистических текстов, посвящённых ИИ, определить а) статус того или иного высказывания по отношению к реальности и, как следствие, б) наличие в тексте речевых манипуляций.

Говоря об ИИ в общественном поле, прежде всего необходимо точно сформулировать, что стоит за этим термином, поскольку обыденное языковое сознание склонно воспринимать содержание слова «как содержание (объективного) мира», в том числе отождествлять искусственный интеллект с человеческим [Волков 2020: 753]. Об этой проблеме говорят и сами разработчики ИИ. «Люди воспринимают слова и не замечают, что реальное наполнение научных терминов может отличаться от обывательских ожиданий. Мы говорим “искусственный интеллект”, но это не сам интеллект, а лишь название области научных исследований, компьютерная имитация обучения по прецедентам. Мы говорим “нейронная сеть”, но это мало похоже на человеческий мозг», — отмечает профессор К.В. Воронцов, обсуждая проблему бытования научных понятий в общественном сознании. ИИ — не единственное абстрактное имя, которое требует лингвистического осмысления. Ускоренное развитие технологий заставляет также переосмысливать содержание термина *реальность*, бывшего ранее «ключом к философии человека» [Heim 1993].

Решение перечисленных выше лингвистических проблем мы видим в использовании в текстах по вопросам ИИ специальных маркеров. Так, в дефиницию самого термина *искусственный интеллект* необходимым представляется включение семы ‘имитация’, что позволит определять его

как нечто вторичное по отношению к естественному интеллекту. Помимо этого, рациональным видится предложение К. В. Воронцова об ограничении на использование глаголов активного действия в высказываниях, где ИИ является субъектом, поскольку пока что именно люди (на этом настаивают сами разработчики ИИ) управляют технологиями, и ответственность за результаты работы систем ИИ должна лежать на тех, кто их разрабатывает. «Мы не сотрудничаем с машинами так же, как не сотрудничаем с овцами, мы просто их используем», — замечают когнитивисты, отрицая возможность рассматривать ИИ как субъект, с которым можно взаимодействовать в достижении общих целей [Сломан, Фернбах 2017: 166]. Поэтому особого внимания требует субъектно-объектная организация предложений в научном и публицистическом дискурсе по вопросам ИИ. Высказывания *Московские врачи будут ставить диагнозы с помощью ИИ/систем ИИ, с помощью ИИ учёные обеспечат высокое качество исследований* будут иметь большее отношение к реальности, нежели *ИИ поможет московским врачам ставить диагнозы, ИИ обеспечит учёным высокое качество исследований*.

Всё это послужит формированию в общественном сознании более адекватных, соответствующих действительности представлений об ИИ, а также поможет избежать различных языковых манипуляций.

Итоги

Говоря о возможностях применения технологий ИИ, ставшего феноменом современной цифровой культуры, и следующих за этим последствиях, авторы научных и публицистических текстов конструируют новую цифровую реальность, которая являет собой конструкт над реальностью физической и имеет с ней мало общего. Это иллюстрируют рассмотренные нами тексты, в которых ИИ посредством определённых языковых средств представляется активно действующим агентом, превосходящим по возможностям человека, представляющим ему угрозу либо приносящим ему большую пользу. Такая тенденция вызывает у нас концептуальные возражения, поскольку

«технократическое мышление, лишённое рефлексии, ведёт к усилению Технологии и ослаблению Человека» [Елькина 2018: 195]. Преодолением наметившегося разрыва с действительностью, по нашему мнению, может стать более внимательное отношение к использованию и декодированию языковых знаков: а) разграничение константного и виртуального дискурса; б) введение в текст специальных маркеров, указывающих на вторичность искусственного интеллекта по отношению к человеческому; в) «понижение» ранга ИИ в высказывании, вытеснение его с позиции субъекта на позицию инструмента или подобную.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://letaibe.media/news/v-rossii-sozdan-zakonoproekt-reguliruyushhij-otnosheniya-robota-i-cheloveka/>

² <https://letaibe.media/news/v-kitae-izdan-eticheskij-kodeks-dlya-iskusstvennogo-intellekta/>

³ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62a533a09a79477ec60a8870>

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ведомости 2015 — Известные ученые и инвесторы предупредили об угрозах искусственного интеллекта. *Ведомости*, 2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/01/13/ugrozy-iskusstvennogo-gazuma> (дата обращения: 15.08.2022)

Газета.ру 2022 — Какая новая технология погубит человечество? Отвечают ученые. *Газета.ру*, 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/02/22/14564425.shtml> (дата обращения: 15.08.2022)

Завтра.ру 05.11.2021 — Имитация интеллекта. *Завтра.ру*, 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatsiya_intellekta (дата обращения: 05.11.2022)

Завтра.ру 15.12.2021 — Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту? *Завтра.ру*, 15.12.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/nuzhen_li_eticheskij_kodeks_iskusstvennomu_intellektu (дата обращения: 17.08.2022)

Завтра.ру 2022 — Тайны «бога из машины». *Завтра.ру*, 2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/tajni_boga_iz_mashini (дата обращения: 17.08.2022)

Звезда 2016 — Последствия от развития искусственного интеллекта будут чудовищны – академик. *Звезда*, 2016. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201611271044-dkdu.htm> (дата обращения: 15.08.2022)

Известия 2018 — Ученые рассказали, когда искусственный интеллект заменит человека. *Известия*, 2018. URL: <https://iz.ru/728335/2018-04-04/uchenye-rasskazali-kogda-iskusstvennyi-intellekt-zamenit-cheloveka> (дата обращения: 11.08.2022)

Известия 10.02.2022 — Педагог из машины: как искусственный интеллект поможет учащимся. *Известия*, 10.02.2022. URL: <https://iz.ru/1288522/mariia-nemtceva/pedagog-iz-mashiny-kak-iskusstvennyi-intellekt-pomozhet-uchashchimsia> (дата обра-

щения: 10.08.2022)

Известия 17.04.2022 — Естественный подбор: ИИ найдет идеального ученого для любого проекта. *Известия*, 17.04.2022. URL: <https://iz.ru/1320761/olga-kolentcova/estestvennyi-podbor-ii-naidet-idealnogo-uchenogo-dlia-liubogo-proekta> (дата обращения: 11.08.2022)

Кодекс 2021 — Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М. 2021 URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 15.08.2022)

РБК 2021 — Власти проведут кампанию по улучшению репутации искусственного интеллекта. *РБК*, 2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (дата обращения: 10.08.2022)

РБК 2022 — В Москве начали выявлять инсульт с помощью искусственного интеллекта. *РБК*, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6257bd809a794786e9f928eb> (дата обращения: 10.08.2022)

РИА Новости 2017 — Хокинг объяснил, за что роботы могут уничтожить человечество. *РИА Новости*, 2017. URL: <https://ria.ru/20171103/1508119087.html> (дата обращения: 15.08.2022)

Hi-News.ru 2021 — Что будет, когда Искусственный интеллект достигнет пика своего развития? *Hi-News.ru*, 2021. URL: <https://hi-news.ru/technology/chto-budet-kogda-iskusstvennyj-intellekt-dostignet-pika-svoego-razvitiya.html> (дата обращения: 15.08.2022)

ИСТОЧНИКИ

Аверинцев 1987 — Аверинцев С. С. *Филология. Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987: 467–468.

Артамонова, Зенов 2020 — Артамонова Я. С., Зенов П. Е. Экспертное сообщество и трансгуманизм современного общества. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020, (4): 15–17.

Гулевский, Филиппов 2022 — Гулевский Я. Е., Филиппов Д. В. Правовые методы борьбы с технологической безработицей. *Вопросы российской юстиции*. 2022, (19): 180–191.

Иванов 2017 — Иванов А. Д. Транспарентность роботизированной журналистики: как новые технологии угрожают принципам профессии. *Вестник ЧелГУ*. 2017, (8): 28–33.

Корнилов 2014 — Корнилов Г. А. Стратегия развития интегрированных маркетинговых каналов и e-маркетинг. *Известия СПбГЭУ*. 2014, (3): 103–106.

Костина 2019 — Костина А. В. Цифровое общество: новые возможности — новые угрозы. *Знание. Понимание. Умение*. 2019, (3): 172–183.

Мамедова 2021 — Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального. *Век глобализации*. 2021, (3): 74–85.

Манужева 2018 — Манужева О. М. К вопросу об этическом регулировании процесса применения информационных технологий. В сб.: *Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества»*. *Материалы международной научно-практической конференции*. Шелекета В. О. (ред.). Белгород: Белгородский государственный технологический университет

им. В. Г. Шухова, 2018. С. 9–14.

Ракитов 2019 — Ракитов А. И. Философия, роботы, автоматы и зримое будущее. *Философия и общество*. 2019, (3): 35–48.

Себекин 2022 — Себекин С. Страх перед искусственным интеллектом как фактор информационно-психологической дестабилизации. В сб.: *Существующие и перспективные угрозы международной информационно-психологической безопасности посредством злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможные пути их нейтрализации: материалы научного семинара молодых исследователей*. Базаркина Д. Ю. (ред.). М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2022. С. 35–37.

Сидоренко 2017 — Сидоренко Л. П. Экология философии как проблема научного мышления. *Право и практика*. 2017, (3): 176–181.

Харланова 2018 — Харланова Ю. В. Этико-психологические проблемы настоящего и будущего при использовании систем искусственного интеллекта в «цифровом обществе». В сб.: *Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества»*. *Материалы международной научно-практической конференции*. Шелекета В. О. (ред.). Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2018. С. 48–54.

Шкляева 2015 — Шкляева М. А. Техника и цивилизация: скрытая угроза. *Система ценностей современного общества*. 2015, (41): 33–36

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, Шубик 2005 — *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры*. Бондарко А. В., Шубик С. А. (ред.). СПб.: Наука. 2005. 480 с.

Бостром 2016 — Бостром Н. *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*. Пер. с англ. С. Филина. М.: МИФ, 2016. 490 с.

Васильева 1976 — Васильева А. Н. *Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи*. М.: Русский язык, 1976. 189 с.

Волков 2020 — Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты). *Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»*. 2020, (4): 745–759.

Вольф 2002 — Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М.: УРСС, 2002. 260 с.

Елькина 2018 — Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики. *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2018, (2): 195–203.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 528 с.

Клементьева 2022 — Клементьева А. А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по проблемам искусственного интеллекта. *Филология и человек*. 2022, (в печати).

Лаптев 2019 — Лаптев В. А. Понятие искусственного ин-

теллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019, (2): 79–102.

Петрухина 2014 — Петрухина Е.В. Образование новых слов в русском языке: теоретические аспекты и когнитивно-дискурсивный анализ. В сб.: *Slavische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte. Серия Reihe Slavica varia Halensia*. Berlin: LIT Münster, 2014, том 12: 417–435.

Подопригора 2019 — Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума. *Социум и власть*. 2019 (1): 7–20.

Сломан, Фернбах 2017 — Сломан С., Фернбах Ф. *Иллюзия знания: почему мы никогда не думаем в одиночестве*. Пер. с англ. А. Сатунина. М.: КоЛибри, 2017. 336 с.

Соменков 2019 — Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019 (2): 75–85.

Успенский 2012 — Успенский В.А. *Апология математики*. СПб.: Амфора, 2012. 554 с.

Чернейко 2011 — Чернейко Л.О. М.В. Ломоносов и язык науки. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2011: 3–14.

Чернейко 2019 — Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминсистеме когнитивной лингвистики. *Критика и семиотика*. 2019 (2): 158–170.

Jonas 1973 — Jonas H. Technology and Responsibility: Reflections on the New Tasks of Ethics Reflections. In: *Social Research*. Vol. 40. 1973. P. 31–54.

Heim 1993 — Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York: Oxford University Press, 1993. P. 109–128.

Moor 2006 — Moor J. H. The Nature, Importance, and Difficulty of Machine Ethics. In: *IEEE Intelligent Systems*. Vol. 21. 2006. P. 18–21.

Veruggio 2007 — Veruggio G. EURON Roboethics Roadmap. In: *IEEE*. Vol. 6. 2006.

Veruggio 2007 — Veruggio G. EURON Roboethics Roadmap. In: *IEEE*. Vol.6. 2006. URL: http://www.roboethics.org/index_file/Roboethics%20Roadmap%20Rel.1.2.pdf. (дата обращения: 15.08.2022).

Weizenbaum 1976 — Weizenbaum J. *Computer Power and Human Reason: From Judgement to Calculation*. New York: W.H. Freeman & Company, 1976. 300 p.

ELECTRONIC SOURCES

Ведомости 2015 — Well-known scientists and investors warned about the threats of artificial intelligence. *Vedomosti*, 2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/01/13/ugrozyz-iskusstvennogo-razuma> (date of access: 15.08.2022). (In Russian)

Газета.ру 2022 — What new technology will destroy humanity? Scientists answer. *Gazeta.ru*, 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/02/22/14564425.shtml> (date of access: 15.08.2022). (In Russian)

Завтра.ру 05.11.2021 — Imitation of intelligence. *Zavtra.ru*, 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/imitatciya_intellekta (date of access: 05.11.2022). (In Russian)

Завтра.ру 15.12.2021 — Does artificial intelligence need an

ethical code? *Zavtra.ru*, 15.12.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/nuzhen_li_eticheskij_kodeks_iskusstvennomu_intellektu (date of access: 17.08.2022). (In Russian)

Завтра.ру 2022 — Secrets of the "God from the machine". *Zavtra.ru*, 2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/tajni_boga_iz_mashini (date of access: 17.08.2022). (In Russian)

Звезда 2016 — The consequences of the development of artificial intelligence will be monstrous – academician. *Zvezda*, 2016. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201611271044-dkdu.htm> (date of access: 15.08.2022). (In Russian)

Известия 2018 — Scientists have told when artificial intelligence will replace humans. *Izvestiia*, 2018. URL: <https://iz.ru/728335/2018-04-04/uchenye-rasskazali-kogda-iskusstvennyi-intellekt-zamenit-cheloveka> (date of access: 11.08.2022). (In Russian)

Известия 10.02.2022 — Teacher out of the car: how artificial intelligence will help students. *Izvestiia*, 10.02.2022. URL: <https://iz.ru/1288522/mariia-nemtceva/pedagog-iz-mashiny-kak-iskusstvennyi-intellekt-pomozhet-uchashchimsia> (date of access: 10.08.2022). (In Russian)

Известия 17.04.2022 — Natural selection: AI will find the perfect scientist for any project. *Izvestiia*, 17.04.2022. URL: <https://iz.ru/1320761/olga-kolentcova/estestvennyi-podbor-iinaidet-idealnogo-uchenogo-dlia-liubogo-proekta> (date of access: 11.08.2022). (In Russian)

Кодекс 2021 — *Code of Ethics in the field of Artificial Intelligence*. М. 2021. URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (date of access: 15.08.2022). (In Russian)

РБК 2021 — The state will make a campaign to improve the reputation of artificial intelligence. *RBK*, 2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (date of access: 10.08.2022). (In Russian)

РБК 2022 — They began to detect stroke with the help of artificial intelligence in Moscow. *RBK*, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6257bd809a794786e9f928eb> (date of access: 10.08.2022). (In Russian)

РИА Новости 2017 — Hawking explained why robots can destroy humanity. *RIA Novosti*, 2017. URL: <https://ria.ru/20171103/1508119087.html> (date of access: 15.08.2022). (In Russian)

Hi-News.ru 2021 — What will happen when Artificial Intelligence reaches its peak? *Hi-News.ru*, 2021. URL: <https://hi-news.ru/technology/chto-budet-kogda-iskusstvennyj-intellekt-dostignet-pika-svoego-razvitiya.html> (date of access: 15.08.2022).

SOURCES

Аверинцев 1987 — Averintsev S. S. *Philology. Literary Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1987: 467–468. (In Russian)

Артамонова, Зенов 2020 — Artamonova Ia. S., Zenov P. E. Expert community and transhumanism of modern society. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2020, (4): 15–17. (In Russian)

Гулевский, Филиппов 2022 — Gulevskii Ia. E., Filippov D. V. Legal methods of combating technological unemployment. *Voprosy rossiiskoi iustitsii*. 2022, (19): 180–191. (In Russian)

- Иванов 2017 — Ivanov A.D. Transparency of robotic journalism: How new technologies threaten the principles of the profession. *Vestnik ChelGU*. 2017, (8): 28–33. (In Russian)
- Корнилов 2014 — Kornilov G. A. Strategy for the development of integrated marketing channels and e-marketing. *Izvestiia SPbGEU*. 2014, (3): 103–106. (In Russian)
- Костина 2019 — Kostina A.V. Digital society: new opportunities — new threats. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019, (3): 172–183. (In Russian)
- Мамедова 2021 — Mamedova N.M. Man in the era of digitalization: on the verge of the real and the virtual. *Vek globalizatsii*. 2021, (3): 74–85. (In Russian)
- Манужева 2018 — Manuzheva O.M. On the issue of ethical regulation of the process of using information technologies. In: *Iskusstvennyi intellekt: eticheskie problemy «tsifrovogo obshchestva»*. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sheleketa V.O. (ed.). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet im. V. G. Shukhova. 2018: 9–14. (In Russian)
- Ракитов 2019 — Rakitov A.I. Philosophy, robots, automata and the visible future. *Filosofia i obshchestvo*. 2019, (3): 35–48. (In Russian)
- Себекин 2022 — Sebekin S. Fear of artificial intelligence as a factor of informational and psychological destabilization. In: *Sushchestvuiushchie i perspektivnye ugrozy mezhdunarodnoi informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti posredstvom zlonamerennogo ispol'zovaniia iskusstvennogo intellekt i vozmozhnye puti ikh neutralizatsii: materialy nauchnogo seminara molodykh issledovatelei*. D. Iu. Bazarkina (ed.). Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr sotsial'no-politicheskikh issledovaniia i konsaltinga Publ., 2022: 35–37. (In Russian)
- Сидоренко 2017 — Sidorenko L. P. Ecology of Philosophy as a problem of scientific thinking. *Pravo i praktika*. 2017, (3): 176–181. (In Russian)
- Харланова 2018 — Kharlanova Iu. V. Ethical and psychological problems of the present and the future when using artificial intelligence systems in a "digital society". In: *Iskusstvennyi intellekt: eticheskie problemy «tsifrovogo obshchestva»*. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sheleketa V.O. (ed.). Belgorod: Belgorod State Technological University Press, 2018: 48–54. (In Russian)
- Шкляева 2015 — Shklyeva M. A. Technology and civilization: a hidden threat. *Sistema tsennosti sovremennogo obshchestva*. 2015, (41): 33–36. (In Russian)
- REFERENCES**
- Бондарко, Шубик 2005 — Problems of Functional Grammar: Field Structures. Bondarko A. V., Shubik S. A. (red.). St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 480 p. (In Russian)
- Бостром 2016 — Bostrom N. *Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies*. Moscow: MIF Publ., 2016. 490 p. (In Russian)
- Васильева 1976 — Vasil'eva A.N. *A course of lectures on the stylistics of the Russian language. Scientific style of speech*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1976. 189 p. (In Russian)
- Волков 2020 — Volkov V. V. Artificial «intelligence» and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguistic aspects). *Vestnik RUDN. Seriya «Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika»*. 2020, (4): 745–759. (In Russian)
- Вольф 2002 — Vol'f E.M. *Functional semantics of evaluation*. Moscow: URSS Publ., 2002. 260 p. (In Russian)
- Елькина 2018 — El'kina E. E. Digital culture: concept, models and practices. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*. 2018, (2): 195–203. (In Russian)
- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 — Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Communicative grammar of Russian*. Moscow: Moscow State University Press, 1998. 528 p. (In Russian)
- Клементьева 2022 — Klement'eva A.A. Linguistic features of interdisciplinary dialogue on artificial intelligence. *Filologiya i chelovek*. 2022, (in print). (In Russian)
- Лаптева 2019 — Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2019, (2): 79–102. (In Russian)
- Петрухина 2014 — Petrukhina E. V. Formation of new words in the Russian language: theoretical aspects and cognitive-discursive analysis. In: *Slavische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte. Seriya Reihe Slavica varia Halensia*. Berlin: LIT Münster Publ., 2014, tom 12: 417–435. (In Russian)
- Подопригора 2019 — Podoprighora A. V. Artificial intelligence as a discourse of self-knowledge and self-organization of digital society. *Sotsium i vlast'*. 2019 (1): 7–20. (In Russian)
- Сломан, Фернбах 2017 — Sloman S., Fernbakh F. *The illusion of knowledge: why we never think alone*. Moscow: KoLibri Publ., 2017. 336 p. (In Russian)
- Соменков 2019 — Somenkov S. A. Artificial intelligence: from object to subject? *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIuA)*. 2019 (2): 75–85. (In Russian)
- Успенский 2012 — Uspenskii V. A. *The apology of mathematics*. St. Petersburg: Amfora Publ., 2012. 554 p. (In Russian)
- Чернейко 2011 — Cherneiko L. O. M. V. Lomonosov and the language of science. *Filologicheskoe nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2011: 3–14. (In Russian)
- Чернейко 2019 — Cherneiko L. O. The concepts of «projection» and «projective meaning» in the terminological system of cognitive linguistics. *Kritika i semiotika*. 2019 (2): 158–170. (In Russian)
- Jonas 1973 — Jonas H. Technology and Responsibility: Reflections on the New Tasks of Ethics Reflections. In: *Social Research*. Vol. 40. 1973. P. 31–54.
- Heim 1993 — Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York: Oxford University Press, 1993. P. 109–128.
- Moor 2006 — Moor J. H. The Nature, Importance, and Difficulty of Machine Ethics. In: *IEEE Intelligent Systems*. Vol. 21. 2006. P. 18–21.
- Veruggio 2007 — Veruggio G. EURON Roboethics Roadmap. In: *IEEE*. Vol. 6. 2006. URL: http://www.roboethics.org/index_file/Roboethics%20Roadmap%20Rel.1.2.pdf. (data obrashcheniia: 15.08.2022).
- Weizenbaum 1976 — Weizenbaum J. *Computer Power and Human Reason: From Judgement to Calculation*. New York: W.H. Freeman & Company, 1976. 300 p.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЖАНРЫ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: КЛАССИФИКАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

IRINA V. EVSEVA, ANNA V. KOZHEKO, ELINA A. EVSEVA
EPISTOLARY GENRES OF INTERNET DISCOURSE: CLASSIFICATION AND MODELING

Ирина Владимировна Евсева

Доктор филологических наук, доцент
► ivevseeva@yandex.ru

Анна Владимировна Кожеко

Кандидат филологических наук, доцент
► kozheko1712@mail.ru

Элина Алексеевна Евсева

Студент
► elina.evsa@yandex.ru

Сибирский федеральный университет
660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный,
82А

*Irina V. Evseva,
Anna V. Kozheko,
Elina A. Evseva*

Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Russia, 660041

Представляемая работа развивает один из разделов интернет-лингвистики — интернет-жанроведение, находящийся на стадии становления. Выявление жанров, функционирующих в интернет-дискурсе, породило не только проблему их классификации и моделей описания, но и поставило вопрос о том, что, собственно, считать речевым жанром электронной коммуникации. Среди текстов электронного дискурса особое место занимает электронный эпистолярный, имеющий специфические черты по сравнению с традиционными эпистолярными текстами. Целью данной статьи является характеристика особенностей электронного эпистолярного, что предполагает раскрытие вопросов, связанных с (1) пониманием интернет-эпистолярного и его отличием от традиционных эпистолярных текстов, (2) построением типологии жанров интернет-эпистолярного, (3) выбором параметров для модели их анализа и (4) демонстрацией эффективности этой модели на примере одного из жанров — переписка в чате (на примере группового чата научно-педагогического коллектива). Новизна исследования характеризуют (1) классификация электронных эпистолярных жанров, в основе которой выделяем 1) традиционные эпистолярные жанры, перенесённые в электронную среду без значительных изменений; 2) модифицированные традиционные эпистолярные жанры, которые в большей или меньшей степени трансформировались, попав в электронную среду, и 3) сетевые эпистолярные жанры (образованные и функционирующие только в интернет-среде); (2) модель описания эпистолярных жанров интернет-дискурса, предусматривающая медийный, лингвопрагматический и лингвостилистический параметры; (3) результаты описания коммуникации в групповом чате профессионального сообщества с опорой на представленную в исследовании модель анализа, а именно текстов, относящихся к жанру «переписка в чате» гипержанра «интернет-переписка».

Ключевые слова: интернет-дискурс; электронные эпистолярные жанры; жанр «групповой чат»; классификация; моделирование.

The presented work develops one of the sections of Internet linguistics, namely Internet genre studies, which remains at the stage of formation. The identification of genres functioning in Internet discourse gave rise not only to the problem of their classification and description models, but also raised the question of what, in fact, should be considered a speech genre of electronic communication. Among the texts of electronic discourse, a special place is occupied by the electronic epistolary, which has specific features in comparison with traditional epistolary texts. The purpose of this article is to characterize the features of electronic epistolary, which involves the disclosure of issues related to (1) the understanding of Internet epistolary and its difference from traditional epistolary texts, (2) the construction of a typology of genres of Internet epistolary, (3) the choice of parameters for the model of their analysis and (4) demonstration of the effectiveness of this model by example one of the genres, namely the chat correspondence (using the example of a group chat of a scholarly and pedagogical team). The novelty of the research is characterized by (1) the classification of electronic epistolary genres, based on which

the authors distinguish 1) traditional epistolary genres transferred to the electronic environment without significant changes; 2) modified traditional epistolary genres that have been transformed to a greater or lesser extent after entering the electronic environment, and 3) network epistolary genres (educated and functioning only in the internet environment); (2) a model for describing epistolary genres of Internet discourse, providing media, linguopragmatic and linguostylistic parameters; (3) the results of the description of communication in the group chat of the professional community based on the analysis model presented in the study, namely texts related to the genre of “chat correspondence” of the hypergenre “Internet correspondence”.

Keywords: Internet discourse; electronic epistolary genres; “group chat” genre; classification; modeling.

Введение

Интернет-лингвистика начала оформляться в начале XXI века. В связи с развитием компьютерной сети и внедрением её в социум изменились условия общения, стиль и правила, что позволило говорить о специфике коммуникации в Интернете. Развитие электронной фактуры текстов дало толчок к организации новых речевых жанров (далее — РЖ), а традиционные жанры, функционирование которых осуществляется в том числе посредством Интернета, стали трансформироваться, приобретая ранее не характерные черты. Это породило новый научный раздел, основанный на теории РЖ и интернет-лингвистики, — интернет-жанроведение (виртуальное жанроведение).

Развивающие интернет-жанроведение исследователи, учитывая новые коммуникативные цели и прагматические установки участников сетевого общения, обращают внимание как на оформление специфических для электронной среды жанров, так и на модификацию традиционных РЖ, включённых в интернет-сферу. Появляется всё больше трудов, посвящённых отдельным интернет-жанрам: чат [Рыжков 2010 и др.], форум [Патрушева 2013; Романтовский 2016 и др.], блог и сетевой дневник [Загоруйко 2013; Калашникова 2011 и др.], социальная сеть [Алтухова 2012; Матусевич 2017 и др.], интернет-комментарий [Карпоян 2014; Кошель 2015 и др.], мем [Иссерс 2021; Щурина 2012] и др. Выявление жанров, функционирующих в интернет-дискурсе, породило не только проблему их классификации и моделей описания, но и поставило вопрос о том, что, собственно, счи-

тать РЖ электронной коммуникации. Так, одни исследователи [Смирнов 2004; Щипицина 2009 и др.] к интернет-жанрам относят определённый формат, платформу для общения и получения информации (социальная сеть, видеоконференция, чат, блог, электронная библиотека, сайт, форум и т. д.), другие же [Галичкина 2012; Горошко, Жигалина 2011 и нек. др.] к РЖ относят только сами тексты, а не названия форматов коммуникации. Это послужило основанием для разведения понятий «жанр» и «формат» [Алтухова 2012], а также для создания типологий жанров в зависимости от их сочетаемости [Кошель 2015], первичности/вторичности [Горошко, Жигалина 2011], а также с опорой на иные основания.

Среди текстов электронного дискурса особое место занимает электронный эпистолярный, имеющий специфические черты по сравнению с традиционными эпистолярными текстами. Классический эпистолярный жанр, несмотря на казалось бы неизбежность канонического стандарта эпистолярия и присущих ему стереотипных формул, в интернет-пространстве приобретает новые черты и формы.

Целью данной статьи является характеристика особенностей электронного эпистолярия, что предполагает раскрытие вопросов, связанных с (1) пониманием интернет-эпистолярия и его отличием от традиционных эпистолярных текстов, (2) построением типологии РЖ интернет-эпистолярия, (3) выбором модели для их анализа и (4) демонстрацией эффективности этой модели на примере одного из жанров — переписка в чате.

Ведущими **методами** исследования выступили методы анализа и синтеза с целью обобщения имеющихся в языкознании достижений по теме электронного эпистолярия и построения типологической классификации эпистолярных жанров интернет-дискурса. Метод моделирования был использован для создания модели описания текстов электронного эпистолярия.

Материалом исследования при создании классификации электронных эпистолярных жанров выступили тексты, функционирующие в русскоязычном интернет-дискурсе — в социальных

сетях, чатах, на форумах. Эффективность модели анализа РЖ демонстрируем на текстовых примерах жанра «переписка в чате», почерпнутых из групповых чатов преимущественно делового характера. Всего было изучено 7 групповых чатов в мессенджерах Telegram, Viber и WhatsApp научно-педагогического сообщества (чаты двух филологических кафедр, трёх творческих научно-педагогических коллективов по подготовке грантовых заявок, двух сообществ университета «Наука, цифра, управление» и «СЭД — оперативный штаб»), общее количество сообщений в каждом из которых составляет более 200 штук.

Типология жанров электронного эпистолярия

Эпистолярный дискурс в разных сферах коммуникации, в том числе и в интернет-пространстве, исследуется учёными с разных теоретических позиций, что позволило выработать универсальные черты эпистолярия посредством формулировки законов соответствия эпистолярным канонам. Так, сравнивая традиционные эпистолярные тексты с электронными, А. В. Курьянович выделяет основные черты современной электронно-эпистолярной сферы коммуникации [Курьянович 2013]: письменная дистантная форма общения, направленность на определённого адресата, диалогизм текста, политематичность, полифункциональность, полидискурсивность, полииллокутивность, интерактивность, самопрезентация автора и зависимость текста от конкретной ситуации. Отсюда под **электронными эпистолярными жанрами** понимаем функционирующие в интернет-среде письменные речевые произведения в форме письма (интернет-переписки), направленные определённому адресату (в том числе коллективному) и характеризующиеся признаками диалогичности, интерактивности, политематичности, а также возможностью использоваться в разных сферах коммуникации с реализацией разнообразных функций и целей и вариативностью построения текста в зависимости от коммуникативной ситуации [Кожеко 2020].

Исследования отдельных эпистолярных жанров, функционирующих в интернет-дискурсе

(электронное письмо [Курьянович 2013; Рабенко 2018], письмо в защиту [Андреева 2015], открытое письмо [Якунина 2018], онлайн-петиция [Курьянович 2016], письмо-исповедь и письмо в будущее [Чеснокова 2012], интернет-дневник и SMS-сообщение [Рабенко 2018]), так или иначе касаются вопроса, в какой степени эпистолярные тексты традиционного формата подверглись изменениям в интернет-среде, а какие жанры созданы для электронных платформ.

В зависимости от степени новизны жанра мы выделяем три типа эпистолярных жанров интернет-дискурса: 1) традиционные эпистолярные жанры, перенесённые в электронную среду без значительных изменений; 2) модифицированные традиционные эпистолярные жанры, которые в большей или меньшей степени трансформировались, попав в электронную среду, и 3) сетевые эпистолярные жанры (образованные и функционирующие только в интернет-среде). Подробное описание каждого из трёх типов жанров и их сравнительная характеристика представлены в диссертационном исследовании одного из авторов данной статьи [Кожеко 2020]. Здесь приводим классификацию электронных эпистолярных жанров (см. таблицу), где список жанров может быть дополнен.

При построении классификации эпистолярных жанров интернет-дискурса мы руководствовались принципами категоризации действительности, обоснованными в работах Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1994] и Э. Рош [Rosh 1983]. На основе этого выделяем ядерные эпистолярные жанры, которые максимально вбирают в себя признаки эпистолярия, и периферийные, которым выделенные признаки электронных жанров свойственны в той или иной степени. На этом основании, например, жанры сетевого дневника и пóста относятся к периферийным жанрам. Эпистолярным жанром интернет-дискурса являются лишь дневниковые записи, содержащие изложение информации личного характера, самоадресованность (в терминологии Н. Д. Арутюновой), исповедальность, саморефлексию, регулярность записи и др. Точно также далеко не все пóсты можно причислить к эпистолярным жанрам, так как многие из них близки к публицистическим жанрам новости, рекламы, отзыва и др.

Гипержанр	Модифицированные традиционные эпистолярные жанры		Сетевые эпистолярные жанры	
	Жанр	Виды	Жанр	Виды
Электронное письмо	Деловое письмо	Письмо-уведомление	—	—
		Письмо-отказ		
		Информационное письмо		
		Письмо-претензия и др.		
	Частное письмо	Письмо-поздравление		
		Письмо-просьба и др.		
	Открытое письмо	Письмо-обращение		
		Письмо-просьба		
		Письмо-обвинение и др.		
Интернет-переписка	Переписка личная	Личное сообщение	Переписка на форуме	Сообщение
		Ответ на сообщение и др.		Мнение и др.
	Переписка публичная	Переписка в социальной сети	Переписка в чатах личных и групповых	Сообщение
		Переписка на «стене» и др.		Обращение
				Просьба и др.
	Интернет-запись	Сетевой дневник	Размышление	Пост/Запись на стене
Воспоминание и др.			Мнение	
			Дневниковая запись и др.	

Таблица 1. Классификация электронных эпистолярных жанров

Модель описания электронных эпистолярных жанров стический.

При разработке модели описания эпистолярных жанров интернет-дискурса мы опирались на известные модели, ориентированные на анализ традиционных РЖ [Шмелева 1997], на параметры анализа дискурса [Леонтович 2011], а также модели, созданные для анализа электронных жанров [Усачёва 2012; Щипицина 2009].

Для анализа эпистолярных жанров интернет-дискурса были выбраны параметры, наиболее полно позволяющие оценить специфику эпистолярных текстов в электронной среде. На наш взгляд, к таким параметрам относятся *медийный, лингвопрагматический и лингвостили-*

стический. *Медийный параметр* в данной модели отображает технические возможности жанров. Именно он является ведущим в плане установления изменений традиционных и электронных жанров. Данный параметр раскрывает (1) наименование формата: социальная сеть, чат, форум, электронная почта, блог и т.д. (по О. Ю. Усачёвой [Усачёва 2012]) и (2) особенности канала связи (технические возможности программ и ограничения для пользователей: ограниченный/неограниченный доступ, особенности интерфейса и т.п.). Медийный параметр характеризует внеязыковую действительность, но влияет на формирование языковых и стилистических особенностей элек-

тронного эпистолярного текста.

Лингвопрагматический параметр предусматривает следующие характеристики: (1) участники общения: адресант (анонимный/неанонимный, конкретный/обобщённый), адресат (конкретный/обобщённый/массовый), количество участников общения (монолог/диалог/полилог, наличие наблюдателей), социально-ролевые характеристики коммуникантов (равноправное/неравноправное общение, разница в возрасте, социальном статусе, отношения между коммуникантами и под.); (2) условия общения: сфера коммуникации (институциональное (официальное) / персональное (межличностное) общение, степень официальности ситуации, фатическое/практическое общение), временные характеристики общения (синхронное/асинхронное), степень открытости общения (публичное/приватное), степень формализации (строгая/нестрогая, официальное/неофициальное общение), гипертема сообщения (ведущая тема письма); (3) коммуникативная цель: намерение коммуниканта (основной коммуникативный замысел, цель автора), стратегии и тактики достижения коммуникативных намерений (ведущие стратегии, которые автор использует для достижения цели, например, сотрудничество, дискредитация, убеждение, информирование и т.п.), приоритетная функция текста (информативная, когнитивная, воздействующая, эмоционально-оценочная, экспрессивная, кумулятивно-трансляционная, фатическая, этикетно-ритуальная, императивная, художественно-эстетическая, самопрезентация и др.); (4) этикетный компонент: этикетная рамка (соблюдается или нет), наличие этикетных и оценочных речевых жанров в текстах (приветствие, прощание, обращение, поздравление, благодарность, соболезнование и т.д.), эффективность коммуникации (эффективная/неэффективная, наличие помех в общении, коммуникативные неудачи и их причины). Этикетный компонент считается особенно важным, так как от него зависит восприятие письма адресатом — как нейтральное, вежливое, дружеское, оскорбительное, недопустимое и др., что напрямую сказывается на степени эффективности такой коммуникации.

Раскрытию лингвопрагматического параметра способствует учёт социально-психологических факторов, проявляющихся в социально-ролевой характеристике коммуникантов, учёте отношений между ними, их анонимности или публичности и под.

Лингвостилистический параметр раскрывается посредством (1) принадлежности текста к функциональному стилю (в основу текста заложен какой-либо один из функциональных стилей), (2) характеристики стилистических особенностей (строгий/свободный отбор речевых средств, использование литературных и нелитературных форм языка, лексические, синтаксические особенности и т.д.), (3) соответствия жанровому эпистолярному канону (соблюдение/несоблюдение структуры текста), (4) проявления поликодовости (наличие медиафайлов, смайлов и их оправданность).

Представленная модель, ориентированная на характеристику вторичных жанров, какими являются жанры электронного эпистолярного по отношению к традиционным, позволяет, на наш взгляд, разносторонне описать любые эпистолярные жанры интернет-дискурса с учётом ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. Продемонстрируем эффективность этой модели на примере текстов эпистолярного жанра «переписка в чате».

Анализ эпистолярного жанра «переписка в чате»

Согласно разработанной нами классификации жанров интернет-дискурса (см. выше табл. 1), интернет-переписка представляет гипержанр — совокупность относительно небольших по объёму сообщений (в социальных сетях, блогах, чатах и т.п.), точнее — цепочки сообщений, связанных смысловым единством. Основные черты интернет-переписки: ориентация на межличностное общение, смешение особенностей письменной и разговорной речи, возможность синхронного и асинхронного общения, продолжительность и частота коммуникации, резкое прерывание и возобновление контакта, высокая степень поликодовости текста. Под единицей анализа интернет-

переписки подразумеваем совокупность текстов первичных жанров (вопрос, ответ, сообщение, замечание и др.), организованных в форме диалога и связанных одной темой. К интернет-переписке относим переписку в социальных сетях, сообщения в мессенджерах, переписку в чатах и на форумах. Тексты гипержанра «интернет-переписка» являют собой, с одной стороны, модифицированные традиционные эпистолярные жанры (разные виды текстов, относящиеся к переписке личной и переписке публичной), с другой — собственно сетевые эпистолярные жанры (переписка на форуме, переписка в личных и групповых чатах).

Остановимся на демонстрации текстов жанра «переписка в чате», а именно — группового чата, ориентированного на деловое общение.

Не останавливаясь на характеристике особенностей чата — электронного сервиса для обмена сообщениями в режиме реального времени, что подробно описано в трудах [Макаров 2005; Рыжков 2010 и др.], кратко представим специфику группового чата. Коммуникация в письменных групповых чатах протекает, как правило, на базе какого-то мессенджера: Viber (*по-русски* — Вайбер), WhatsApp (русскоязычная орфография ещё не устоялась), Telegram (Телеграмм — такое написание по-русски с удвоенным *м* на конце слова встречается в текстах чаще) и др. Общение посредством чатов используется для быстрого решения рабочих вопросов, поэтому такого рода интернет-дискурс относим, в том числе, к деловой сфере. «Рабочий» групповой чат создает администратор (руководитель или его помощник), подключая контакты тех лиц, в коммуникации с которыми он заинтересован. Администратор наделён функциями включать в чат новые контакты, исключать старые, удалять ненужные сообщения и некоторыми другими. Правила общения либо устанавливает администратор, либо они вырабатываются пользователями чата совместно.

Проанализируем общение в чате, который организуют лица одного профессионального сообщества — педагогического, с опорой на параметры представленной выше модели описания эпистолярных жанров интернет-дискурса. Текстовые примеры для демонстрации лингвостилистиче-

ских особенностей жанра приводим в авторской редакции.

Медийные параметры

Формат: чат в мессенджере.

Особенности канала связи: доступ только для участников чата (сотрудников учреждения, подразделения и т.п.), количество знаков в сообщении ограничено, линейная структура текстов («поток» сообщений). Отдельная платформа чатов чаще работает только в синхронном формате, выход из чата может способствовать потере переписки и контактов ее участников.

Лингвопрагматические параметры

Участники общения

Адресант: конкретный (видны ник/имя пользователя, аватар/фотография. Если чат используется для общения знакомых людей или в рабочих целях, то обычно указывается реальное имя участников коммуникации).

Адресат: массовый.

Количество участников общения: более двух, как правило (это предопределяет форму обмена высказываниями — полилог, реже — диалог).

Социально-ролевые характеристики коммуникантов известны (в нашем случае — педагогический коллектив). Преобладает статусно-ориентированное общение.

Условия общения

Сфера коммуникации: институциональная, практическое общение.

Временные характеристики общения: синхронное, реже асинхронное.

Степень открытости общения: публичное. Степень открытости зависит от назначения группы и количества её участников — это может быть закрытый чат для членов относительно небольшого коллектива (отдела, кафедры, творческой группы и т.п.), либо открытая группа, включающая значительное число участников (чат университета, чат работников какой-либо сферы деятельности и под.)

Степень формализации: общение может быть «жёстким» (формализованным) или «мяг-

ким» (неофициальным).

Коммуникативная цель

Намерение коммуниканта: деловое общение, связанное с донесением/получением информации и её обсуждением.

Основные стратегии достижения целей: быстрое решение рабочих вопросов, привлечение внимания к информации.

Приоритетная функция текста: информативная.

Этикетные параметры

Этикетная рамка: соблюдается отчасти; приветствия, как правило, используются с целью демонстрации включённости в коммуникацию. Прощания практически не представлены. Общение, как правило, на «вы»/«Вы», но может быть и на «ты», что зависит от возраста и взаимоотношений коммуникантов). В зависимости от степени официальности группы и количества её участников форма обращения к коммуниканту(ам) характеризуется вариативностью: чаще по имени и отчеству, по должности и функции (например, «Уважаемая администрация», «Уважаемые руководители», «Дорогие коллеги»), реже используется полная форма имени, иногда встречаются уменьшительно-ласкательные обращения («У нашей Танюши сегодня день рождения, давайте поздравим коллегу!»). Последний вариант встречается в закрытых чатах, участники которого хорошо знают друг друга.

Этикетные и оценочные РЖ в текстах (самые частотные): приветствие, благодарность, комплимент, поздравление.

Степень эффективности коммуникации: эффективность общения зависит от активности и внимательности участников — если кто-то надолго выходит из чата, то теряет суть обсуждения. Правила коммуникации в таком жанре учитывают специфику электронного общения и формируют сетевой этикет. В таких чатах не поддерживается спам, флуд, разговор на слишком личные темы, навязывание своих интересов и идеологии, провоцирование конфликтных ситуаций, отправка поздних сообщений вне рабочего времени и под., в противном случае участнику, нарушающему общие правила делового сетевого взаимодействия,

администратор делает замечание, а при повторном нарушении удаляет из группы.

Лингвостилистические параметры

Принадлежность к какому-либо функциональному стилю: наблюдается свобода в выборе речевых средств в рамках официально-делового и разговорного стилей литературной подсистемы языка. Наблюдается вкрапление жаргонизмов, что соотносится с общей тенденцией огрубления речи.

Типичные языковые особенности:

Степень формальности и строгость отбора речевых средств в «рабочих» групповых чатах зависит от принятого в организации стиля общения.

1. Фонетико-графические особенности

Используются восклицательные конструкции и написание слов прописными буквами для привлечения внимания к важной информации: «Коллеги, СРОЧНО!!!», «Предоставить документы необходимо ДО ВТОРНИКА», «Извините за занудство, но я ОБЯЗАН ориентироваться на приказ ректора», «Закрытая анкета — это ВСЕГДА замер уровня согласия с предложенной моделью человека. Здесь же требуется собрать ответы про ДЕЙСТВИЯ. Мне думается, что удобствами обработки можно пожертвовать ради дела», «Это реферативный журнал и НЕ ВБІ там публикуете свою статью, а редакция сама публикует реферат, написанный спецрецензентом» и др.

Часто графические средства берут на себя роль выразителей эмоций. Ведущую роль в этом отношении играют смайлы и знаки препинания: «Подготовка инженерного корпуса дистанционно это абсурд!!!», «Вирусная чушь, прокатилась от Москвы до самых до окраин. Завтра такое во Влдивостоке будут постить 😡», «В Сбербанке цифровой помощник “Салют”, в Тинькове “Олег”, надо для университета тоже делать цифрового помощника :))», «Спасибочки », «Ай, господь спаси! Что вы такое говорите!» и др.

Кроме того, графические средства могут заменять лексические единицы, передавая синонимичные смыслы, сравните:

(1) — *Уважаемые коллеги, может кто в курсе*

как работаем с понедельника?

— _(ツ)_/

(2) — Предлагаю отказаться от этой инициативы!

— +

В текстовом примере (1) графический смайл передает смысл «не знаю», в примере (2) графический знак «+» обозначает «согласие».

2. Лексико-фразеологические особенности

Преобладает лексика официально-делового стиля, например: «На данный момент действует приказ ректора от (дата и номер приказа), который переводит учебный процесс в дистанционный формат», «Коллеги, прошу предоставить отчёты до (дата)», «Госорган или ОМСУ направляет официальный запрос в (название университета) о независимом эксперте для участия в конкурсной комиссии без указания ФИО».

В примерах общения в групповом чате коллег можно наблюдать специфические устойчивые обращения, свойственные деловому общению («Уважаемые грантозаявители», «Коллеги»), обращения по имени и отчеству, на «вы».

Возражения и благодарность часто оформляются развернуто, например: «Не могу не отреагировать на Ваше суждение, Иван Игоревич!», «Наталья Николаевна, спасибо за конструктивный и развернутый ответ 👍», «Дорогая Инна Олеговна! Благодарю за ценную и своевременную информацию!» и под.

В целом же выбор лексики зависит от степени неформальности общения в чате, что допускает включение просторечий и жаргонных выражений, сравните: «Зачем Вы тащите в нормальное общение Вашу политическую пропаганду? Уважайте других», «Только журналы тоже не дураки. Взять одну ХОРОШУЮ статью и взять три «кусочка» сильно не одно и то же...», «Крутая практика для магистрантов этого направления👍», «Вы можете не отвечать на обращения сотрудников. Можете «грехнуть» чат. Но «плаксивого сброда» (или как там недавно выразился краевой чиновник?) в ближайшей перспективе меньше не станет...».

3. Синтаксические особенности

Чаще используются простые по струк-

туре предложения: «Сегодня пришла большая часть студентов. Работали все. Понравилось!». При их построении наблюдается инверсия («Не могу не отреагировать на суждение Ваше!», «Ограничений нет на доступ в корпуса на данный момент» и др.), расчлененные конструкции («Сегодня провела две пары в программе Zoot. С магистрантами и с аспиранткой»).

Соответствие жанровому канону. Переписка в «рабочем» групповом чате сохраняет основные особенности электронного делового эпистолярного: есть официальные приветствия и обращения. При частом отсутствии формул прощания, функцию этого этикетного элемента часто выполняют слова благодарности.

Поликодовость. Помимо смайлов (в чатах с высокой степенью формализованности общения смайлы употребляются реже, чем в чатах, где коммуникация между сотрудниками близка к неформальной), текстовые сообщения в групповых чатах могут сопровождаться ссылками на документы, голосовыми сообщениями, тематическими картинками и текстами иных знаковых систем.

4. Орфография и пунктуация

Отличительной особенностью переписки в групповом чате является пропуск знаков препинания (чаще авторы сообщений забывают закрывать причастный или деепричастный обороты, обособливать вводные конструкции) и опечатки, касающиеся перестановки букв при наборе текста. Кроме того, при установке на телефоне функции «Т9» (предугадывающая система набора текстов) возможны текстовые казусы, на которые автор может обратить внимание уже после отправки сообщения, поправив свой текст в последующем сообщении, сравните:

— Доровольно утро! Все документы сдала в отдел кадров.

— Ой! Прошу читать: Доброе утро! (Т9 шалит).

Недочёты орфографического и пунктуационного характера, наличие инверсии в предложениях, что имеет место в переписке научно-педагогического сообщества в групповом чате, говорят об экономии временного ресурса комму-

никантами, написании сообщений «набело», т. е. без перечитывания и правки. Эта особенность переписки в групповом чате приближает общение к устной форме.

Выводы

Эпистолярный канон и отдельные структурные требования, выработанные эпистолярной практикой, оказываются неактуальными применительно к текстам, соответствующим эпистолярным жанрам интернет-дискурса. Это, среди прочего, связано с тем, что многие структурные элементы этих текстов предусмотрены ИТ-программами и указываются автоматически (адрес получателя и отправителя, подпись и некоторые другие). Специфично проявляются в эпистолярных текстах электронной фактуры такие признаки, как сочетание устно-разговорных и письменно-книжных средств в речи, поликодовость, смысловая завершенность, речевой этикет.

Анализ эпистолярных текстов интернет-дискурса способствовал построению типологии жанров электронного эпистолярия, что представлено в выше. В силу наличия специфических особенностей у эпистолярных жанров интернет-дискурса была предложена модель их анализа, включающая три классификационных параметра (медийный, лингвопрагматический и лингвостилистический). Эффективность этой модели продемонстрирована в работе при анализе одного из ведущих, на наш взгляд, исконно сетевых эпистолярных жанров, каким считаем гипержанр «интернет-переписка». В данном исследовании представлены особенности текстов группового чата (жанр «переписка в чате»), ориентированного на деловое общение. Коммуникация в групповом чате в условиях делового общения отличается от взаимодействия в других видах чатов и несет более формализованный и регламентированный характер.

Отсутствие общепринятых рекомендаций по написанию текстов, относящихся к жанрам электронного эпистолярия, ставит перед интернет-жанроведением задачу описания всех жанров с целью выявления типичных особенностей каждого из них. Установление медийной, структурной, стилистической и языковой специфики этих

жанров, позволит выработать правила электронной коммуникации, что представляется наиболее значимым для делового общения в сети.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтухова 2012 — Алтухова Т.В. *Коммуникация в социальной компьютерной сети «в контакте»: жанроведческий аспект*. Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 265 с.
- Андреева 2015 — Андреева О.Н. *Функционально-прагматическое описание эпистолярного текста (на материале писем в защиту)*. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 184 с.
- Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. *Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
- Галичкина 2012 — Галичкина Е.Н. *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 373 с.
- Горошко, Жигалина 2011 — Горошко Е. И., Жигалина Е. А. *Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. Харьков, 2011, (1 (1)): 105–124.
- Загоруйко 2013 — Загоруйко И. Н. *Языковые клише в блогосфере интернет-дискурса: функционально-прагматический аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2013. 23 с.
- Иссерс 2021 — Иссерс О.С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021, (20 (2)): 26–41.
- Калашникова 2011 — Калашникова А.А. *Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 19 с.
- Карпоян 2014 — Карпоян С.М. *Эпистемическая модальность в интернет-комментариях*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 26 с.
- Кожеко 2020 — Кожеко А.В. *Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический аспекты (на материале русскоязычных текстов)*. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 328 с.
- Кошель 2015 — Кошель П.В. *Жанровая характеристика интернет-комментария*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 187 с.
- Курьянович 2013 — Курьянович А.В. *Динамика жанровостилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX–XXI вв.* Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 397 с.
- Курьянович 2016 — Курьянович А.В. Полипарадигмальность жанра в зеркале предпочтений современной лингвистики (из опыта анализа online-петиций как особой разновидности эпистолярных текстов. *Вестник Новосибирского гос. ун-та*. Новосибирск, 2016, (2): 150–159.
- Леонтович 2011 — Леонтович О.А. *Методы коммуника-*

тивных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

Макаров 2005 — Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? В сб.: *Жанры речи*. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 336–352.

Матусевич 2017 — Матусевич А.А. *Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики*. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2017. 190 с.

Патрушева 2013 — Патрушева Л.С. Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации. *Вестник Удмуртского университета*. 2013, (4): 128–134.

Рабенко 2018 — Рабенко Т.Г. *Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте*. Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 356 с.

Романтовский 2016 — Романтовский А.В. *Коммуникация в интернет-форумах: дискурс проблематизации (на материале интернет-комментариев к статьям электронных СМИ)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.

Рыжков 2010 — Рыжков М.С. *Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса: на материале русско-и англоязычных чатов*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.

Смирнов 2004 — Смирнов Ф.О. *Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках*. Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 224 с.

Усачева 2012 — Усачева О.Ю. *Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации*. Дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2013. 531 с.

Чеснокова 2012 — Чеснокова И.А. *Письмо-исповедь в рамках виртуального дискурса*. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Томск, 2012, (1 (116)): 229–231.

Шмелева 1997 — Шмелева Т.В. *Модель речевого жанра*. В сб.: *Жанры речи*. Саратов: Изд-во «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 91–96.

Щипицина 2009 — Щипицина Л.Ю. *Компьютерно-опосредованная коммуникация или электронный дискурс? К определению основного понятия в лингвистическом изучении интернета*. *Вестник Томского государственного университета*. 2009, (9): 253–239.

Щурина 2012 — Щурина Ю.В. *Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации*. *Научный диалог. Языкознание и литературоведение*. 2012, (3): 160–172.

Якунина 2018 — Якунина М.Л. *Эпистолярный жанр интернет-коммуникации: дискурсивный анализ (на материале текстов открытых писем Президенту Российской Федерации)*. Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2018. 198 с.

Rosh 1983 — Rosh E. *Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems*. В сб.: *New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget's Theory?* N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1983. p. 73–86.

REFERENCES

Алтухова 2012 — Altukhova T.V. *Communication in the*

social computer network «Vkontakte»: genre aspect. Dis. ... PhD in Philology. Kemerovo, 2012. 265 p. (In Russian)

Андреева 2015 — Andreeva O.N. *Functional and pragmatic description of the epistolary text (on the basis of letters in defense)*. Dis. ... PhD in Philology. Novosibirsk, 2015. 184 p. (In Russian)

Витгенштейн 1994 — Wittgenstein L. *Philosophical works*. Moscow: Gnozis Publ. 612 p. (In Russian)

Галичкина 2012 — Galichkina E.N. *Computer communication: linguistic status, symbolic means, genre space*. Dis. ... Doctor in Philology. Volgograd, 2012. 373 p. (In Russian)

Горошко, Жигалина 2011 — Goroshko E.I., Zhigalina E. A. *Virtual genre studies: established and controversial. Uchienuye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. Khar'kov, 2011, 24 (63(1)): 105–124. (In Russian)

Загоруйко 2013 — Zagoruiko I.N. *Language clichés in the blogosphere of Internet discourse: functional and pragmatic aspect*. Dis. ... PhD in Philology. Izhevsk, 2013. 23 p. (In Russian)

Иссецс 2021 — Issers O.S. *The transformation potential of a polycode Internet meme in the event context of 2020*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Iazykoznanie*. 2021, 20 (2): 26–41. (In Russian)

Калашникова 2011 — Kalashnikova A.A. *Linguistic personality in a Russian-language blog: a cognitive-pragmatic aspect*. Dis. ... PhD in Philology. Rostov-na-Donu, 2011. 19 p. (In Russian)

Карпоян 2014 — Karpoian S.M. *Epistemic modality in Internet comments*. Dis. ... PhD in Philology. Rostov-na-Donu, 2014. 26 p. (In Russian)

Кожеко 2020 — Kozheko A.V. *Epistolary genres of Internet communication: linguo-pragmatic and linguo-stylistic aspects (based on Russian-language texts)*. Dis. ... PhD in Philology. Krasnoarsk, 2020. 328 p. (In Russian)

Кошель 2015 — Koshel' P.V. *Genre characteristics of the Internet commentary*. Dis. ... PhD in Philology. Moscow, 2015. 187 p. (In Russian)

Курьянович 2013 — Kur'ianovich A.V. *Dynamics of genre and stylistic features of the Russian epistolary discourse of carriers of the elite type of speech culture: XX–XXI centuries*. Dis. ... Doctor in Philology. Tomsk, 2013. 397 p. (In Russian)

Курьянович 2016 — Kur'ianovich A.V. *The polyparadigmality of the genre in the mirror of the preferences of modern linguistics (from the experience of analyzing online petitions as a special kind of epistolary texts)*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo unersiteta*. Novosibirsk, 2016, (2): 150–159. (In Russian)

Леонтович 2011 — Leontovich O.A. *Methods of communication research*. Moscow: Gnozis Publ., 2011. 224 p. (In Russian)

Макаров 2005 — Makarov M.L. *Genres in electronic communication: quo vadis?* In: *Zhanry rechi*. Saratov, 2005. Vol. 4, p. 336–352. (In Russian)

Матусевич 2017 — Matusевич A.A. *Communication in social networks: pragmatic, communicative, linguo-stylistic aspects of the characteristic*. Dis. ... PhD in Philology. Nizhnii Novgorod, 2017: 190. (In Russian)

Патрушева 2013 — Patrusheva L.S. *Functional and stylistic*

features of the forum as a genre of Internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Izhevsk: Udmurt State University, 2013,(4): 128–134. (In Russian)

Рабенко 2018 — Rabenko T.G. *Genres of natural written Russian speech in the variantological aspect*. Dis. ... Doctor in Philology. Kemerovo, 2018. 356 p. (In Russian)

Романтовский 2016 — Romantovskii A.V. *Communication in Internet forums: the discourse of problematization (on the material of Internet comments on electronic media articles)*. Dis. ... PhD in Philology. Moscow, 2016. 25 p. (In Russian)

Рыжков 2010 — Ryzhkov M.S. *Speech strategies of participants in synchronous Internet discourse: based on Russian and English chats*. Dis. ... PhD in Philology. Voronezh, 2010. 24 p. (in Russian)

Смирнов 2004 — Smirnov F.O. *National and cultural features of electronic communication in English and Russian*. Dis. ... PhD in Philology. Iaroslavl, 2004. 224 p. (In Russian)

Усачева 2012 — Usacheva O.Iu. *Discourse analysis of texts of dialogic Internet communication*. Dis. ... Doctor in Philology. Elets, 2013. 531 p. (In Russian)

Чеснокова 2012 — Chesnokova I.A. Letter-confession within the framework of virtual discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Tomsk. 2012, (1 (116)): 229–231. (In Russian)

Шмелева 1997 — Shmeleva T.V. Model of speech genre.

Zhanry rechi. Kolledzh Publ., 1997, (1): 91–96. (In Russian)

Щипицына 2009 — Shchipsitsina L.Iu. Computer-mediated communication or electronic discourse? To the definition of the main concept in the linguistic study of the Internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk, 2009, (9): 253–239. (In Russian)

Щурина 2012 — Shchurina Iu.V. Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyi dialog. Iazykoznanie i literaturovedenie*. Ekaterinburg, 2012, (3): 160–172. (In Russian)

Якунина 2018 — Iakunina M.L. *Epistolary genre of Internet communication: discursive analysis (based on the texts of open letters to the President of the Russian Federation)*. Dis. ... PhD in Philology. Abakan, 2018. 198 p. (In Russian)

Рoш 1983 — Rosh E. *Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems*. In: *New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget's Theory?* N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1983. P. 73–86.

[хроника]

ДЕЛЕГАЦИЯ МАПРЯЛ ПОСЕТИЛА УЗБЕКИСТАН

Делегация Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) во главе с президентом ассоциации В.И. Толстым 29–30 ноября посетила Узбекистан и провела серию научно-практических мероприятий в области изучения, преподавания и популяризации русского языка. Во встречах приняли участие более 120 ученых-филологов, преподавателей русского языка вузов и школ Узбекистана.

Открыло программу мероприятий 29 ноября заседание Президиума МАПРЯЛ, в рамках которого руководители национальных объединений русистов Беларуси, Болгарии, Испании, Казахстана, Китая, Молдовы, России, Румынии, Швейцарии подвели итоги 2022 года и обсудили дальнейшие планы развития ассоциации, в том числе вопросы организации XV конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире», который состоится 12–16 сентября 2022 года в Санкт-Петербурге.

В этот же день на площадке Русского дома в Ташкенте МАПРЯЛ совместно с Ташкентским обществом преподавателей русского языка и литературы организовали круглый стол «Русистика в современном мире: актуальные тенденции и перспективы развития». Открыло работу мероприятия сообщение председателя ТОПРЯЛ, заведующей кафедрой русской литературы и методики обучения Узбекского государственного университета мировых языков Натальи Михайловны Петрухиной, которая познакомила собравшихся с основными проектами и направлениями деятельности этой

организации. В этом году ТОПРЯЛ отмечает 20-летие со дня образования.

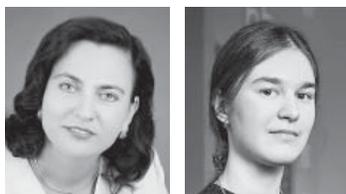
Ярким эмоциональным моментом встречи стала церемония награждения медалью А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» авторитетных ученых-русистов Узбекистана, Н.М. Петрухиной и Д.С. Кулмаматова. Медали коллегам вручил президент МАПРЯЛ, советник Президента Российской Федерации, праправнук Л.Н. Толстого Владимир Ильич Толстой.

Вопросам разработки учебников для студентов вузов Узбекистана была посвящена программа круглого стола, проведенного МАПРЯЛ 30 декабря в Самарканде. Выбор этой темы объясняется острой востребованностью программ по обучению научному стилю речи и языку специальности узбекских студентов, проходящих обучение как в учреждениях высшей школы Узбекистана, так и в российских вузах и их зарубежных филиалах (сегодня в республике действует 14 филиалов российских университетов, и их число в ближайшие годы будет расти). Самарканд в этом отношении также играет особую роль: летом этого года в знак 30-летия установления дипломатических отношений между Россией и Узбекистаном на базе Самаркандского государственного университета был открыт Центр российского образования, который будет осуществлять координацию совместных научно-исследовательских и образовательных проектов и программ, организацию методической поддержки для преподавателей русского языка, русской литературы, истории России и другим дисциплинам.

Н. В. Юдина,
Н. А. Попова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФУНДАМЕНТ УСПЕШНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

NATALIA V. YUDINA, NATALIA A. POPOVA
EDUCATIONAL AND CULTURAL PROJECTS AS THE FOUNDATION OF A SUCCESSFUL LANGUAGE POLICY
IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF MONOLINGUAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

**Наталья Владимировна
Юдина**

Доктор филологических наук, профессор
► dr.yudina@mail.ru

**Наталья Александровна
Попова**

Лаборант-исследователь
► 213018@edu.fa.ru

Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
125993, Россия, Москва,
Ленинградский пр., 49

**Natalia V. Yudin,
Natalia A. Popova**

Financial University under the Government
of the Russian Federation
49, Leningradskii pr., Moscow,
Russia, 125993

В настоящей статье рассматривается влияние наиболее крупных и известных образовательных, культурных проектов и просветительских акций на успешность проведения внутренней языковой политики в XXI веке в ряде монолингвальных субъектов Российской Федерации. Вопросы сохранения чистоты языка, повышения общего уровня грамотности населения и культуры речи могут быть успешно решены с помощью поддержки и популяризации ряда известных и вновь создаваемых образовательных и культурных проектов, в частности, различных современных интернет-ресурсов. Русский язык — государственный язык Российской Федерации, родной язык для большинства населения монолингвальных субъектов России, играющий важную роль на международной арене, — должен быть интересным не только для изучения в школах и вузах. Инструментами привлечения широких групп населения к решению вопросов языка и культуры в XXI веке стали многие интересные проекты, набирающие свою популярность в регионах России. Вместе с тем в ходе изучения влияния проводимых образовательных и культурных мероприятий на языковую политику России на территории её монолингвальных субъектов авторами был проведен опрос среди различных групп населения. В опросе приняли участие более 5 000 респондентов в возрасте от 18 до 82 лет из 47 российских субъектов. Исследование показало, что многим респондентам вышеупомянутые проекты известны, однако они не принимали в них участия ввиду отсутствия получения широкого комплексного знания. Население монолингвальных субъектов России, особенно молодёжь, обратило внимание на необходимость синергетических гуманитарных проектов, направленных не просто на изучение русского языка, но на исследование его связи с историей и культурой. Авторы разрабатывают уникальный проект «РуЛи» («Русский лингвист»), который позволит в интересной форме на базе нового Интернет-портала изучать русский язык на фоне исторических, социополитических и культурных событий прошлого и настоящего.

Ключевые слова: русский язык; языковая политика; грамотность; культура речи; цифровизация; Российская Федерация; монолингвальные субъекты; XXI век.

The article examines the impact of the largest and most prominent educational, cultural projects and awareness-raising activities on the success of the domestic language policy in the 21st century in a number of monolingual subjects of the Russian Federation. The issues

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета.

of preserving the purity of the language, increasing the general literacy level of the population and the culture of speech can be successfully addressed through the support and promotion of a number of well-known and newly created educational and cultural projects, in particular, various modern Internet resources. Russian language, which is the state language of the Russian Federation, the native language for the majority of the population of monolingual subjects of Russia, which plays an important role in the international arena, should be of interest not only for studying in schools and universities. Many interesting projects, gaining popularity in the regions of Russia, have become tools for the involvement of broad groups of the population in the issues of language and culture in the 21st century. However, in studying the impact of the educational and cultural activities discussed on the language policy of Russia in its monolingual entities, the authors conducted a survey among different population groups. More than 5,000 respondents between the ages of 18 and 82 from 47 subjects of Russian Federation took part in the survey. The study showed that many respondents were aware of the above-mentioned projects, but did not take part in them due to a lack of comprehensive knowledge. The population of the monolingual subjects of Russia, especially young people, has drawn attention to the need for synergetic humanitarian projects, aimed not just at learning the Russian language, but at exploring its connection with history and culture. The authors are developing a unique project «RuLi» («Russian Linguist»), which will make it possible to study the Russian language in an attractive form on the basis of a new Internet portal against the background of historical, socio-political and cultural events of the past and present.

Keywords: Russian language; language policy; literacy; standard of speech; digitalization; Russian Federation; monolingual subjects; 21st century.

Введение

Актуальность проблемы сохранения чистоты языка, повышения общего уровня грамотности населения и культуры речи в современной России состоит в том, что данные вопросы должны быть решены в процессе реализации внутренней политики Российской Федерации в отношении как монолингвальных, так и полилингвальных субъектов. В условиях цифровизации современного общества необходимо уделять особое внимание созданию Интернет-площадок, популяризирующих русский язык, и, соответственно, помогающих повысить уровень грамотности населения.

Новизна рассматриваемой проблемы состоит в новом подходе к анализу образовательных и культурных проектов, направленных на повышение уровня грамотности населения, сохранения и поддержания культуры речи населения монолингвальных субъектов Российской Федерации. Авторы разработали идею собственного нового

уникального проекта, направленного на повышение грамотности населения через рассмотрение русского языка в тесной связи русской историей, культурой, литературой, традициями. Проект «РуЛи» («Русский лингвист») ориентирован, в первую очередь, на молодёжь и создан на основании опроса, проведённого авторами среди различных групп населения.

Цель и методы исследования

Цель данного исследования состоит в рассмотрении влияния различных образовательных и культурных проектов на достижение основных целей современной языковой политики, а также в разработке идеи нового уникального проекта «РуЛи» («Русский лингвист»), призванного повысить общий уровень грамотности и культуры речи населения с помощью нового интересного формата, связанного с изучением русского языка как единого целого с историей и культурой России.

В ходе исследования были использованы сравнительный и сопоставительный методы, а также метод анкетирования и анализа полученных данных.

В контексте реализации современной языковой политики России в XXI веке актуальными являются задачи усиления роли и значения национальных языков (в монолингвальных субъектах Российской Федерации — русского языка) в обществе и образовании; повышение уровня грамотности и культуры речи; сохранение чистоты русского языка [Юдаева 2021]. Поэтому повышение уровня грамотности населения, развитие культуры речи служат основными направлениями актуальной языковой политики. Государственная поддержка изучения языка и совершенствования коммуникативных навыков и компетенций должна осуществляться не только в рамках образовательного процесса, то есть в школе или в вузе, но и при помощи различных образовательных и культурных мероприятий. Создание условий, которые позволили бы языковой личности на протяжении всей жизни развивать и совершенствовать свои речевые умения и навыки, а также изучать язык в научно-популярной форме, доступной всем, способствует реализации языковой

политики России среди широких слоев населения. В качестве примеров указанных мер можно выделить проект «Тотальный диктант», а также различные информационные ресурсы по изучению и популяризации русского языка.

Обзор образовательных и культурных мероприятий и их влияния на языковую политику современной России

Одной из самых значимых и масштабных акций можно назвать ежегодную просветительскую акцию «Тотальный диктант». Она проводится в форме диктанта, который, начиная с 2014 года, участники могут написать и очно (на специально отведённых площадках), и онлайн (на официальном сайте диктанта). Главной целью акции является повышение уровня грамотности населения. Кроме того, диктант способствует повышению уровня культуры речи, а также более глубокому осмыслению текстов [Грудева, Покровская 2018].

Проект «Тотальный диктант» ежегодно организуется в России и за рубежом фондом «Тотальный диктант» при активной поддержке активистов и волонтеров. Данная акция, согласно официальному сайту¹, не должна подвергаться политическому или идеологическому влиянию, принять участие в ней может любой желающий. С каждым годом проведения акции, существующей уже 18 лет, количество ее участников увеличивается. Так, в 2022 году диктант писали 675 198 человек в 123-х странах мира. Столицей диктанта в 2022 году стал Ярославль. Влияние данной акции на субъект, в котором расположена ежегодно выбираемая с 2018 года столица диктанта, выражается, в первую очередь, в повышении интереса населения к самому мероприятию, а следовательно, и к русскому языку, грамотности речи [Отургашева 2019]. Так, в столице диктанта проводятся различные просветительские мероприятия, встречи с авторами текстов диктанта. Другим примером монолингвального субъекта, ставшего столицей «Тотального диктанта», может быть город федерального значения Санкт-Петербург (2020 г.).

Другим масштабным проектом является портал «Грамота.ру»², функционирующий при финансовой поддержке Министерства циф-

рового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Внутренняя языковая политика России в монолингвальных субъектах направлена, в первую очередь, на поддержание и сохранение русского языка, его чистоты и духовного статуса. Портал «Грамота.ру» даёт возможность проверить написание любого слова, на портале в ясной и понятной форме изложены правила русского языка. Благодаря указанному проекту люди могут проходить бесплатные просветительские курсы, принимать участие в онлайн-конференциях, читать специальные выпуски журналов, посвящённых русскому языку и литературе, проходить тесты на грамотность в игровой форме, что повышает грамотность устной и письменной речи. Портал приобрёл достаточно широкую известность, о чём свидетельствуют четыре премии Рунета, присуждённые данному сайту [Щербакова 2021].

Общепризнанным является то, что чтение классической литературы повышает функциональную грамотность человека, способствует улучшению культуры речи, расширению словарного запаса, сохранению чистоты языка, а также формированию общего культурного кода человека и его различных коммуникативных навыков (см.: [Булганина и др. 2020], [Попова 2018], [Москаленко 2018]). В этой связи важным проектом является создание сети модельных библиотек по всей стране. Указанные библиотеки открываются в рамках национального проекта «Культура» с 2019 года. Проект направлен на повышение культуры чтения и, соответственно, уровня грамотности и культуры речи у населения. Особенно много модельных библиотек открылось в монолингвальных субъектах европейской части России (17 модельных библиотек в Нижегородской области, 16 в Самарской области, 12 в Московской и т.д.). Особенность данных библиотек заключается в удобстве (например, модельные библиотеки предоставляют населению бесплатный доступ к аудиокнигам, в том числе, входящим в школьную программу), в новом подходе к дизайну, проведении различных образовательных и культурных мероприятий, организации конкурсов³. Данный проект приобретает популярность и, безусловно,

является перспективным [Овчинникова 2019].

Вполне очевидно, что функциональная грамотность и культура речи неразрывно связаны с общим уровнем культуры человека. Одним из масштабных просветительских проектов XXI века является гуманитарный портал «Культура. РФ», созданный при поддержке Министерства культуры Российской Федерации⁴. На этом сайте все желающие могут ознакомиться с лучшими произведениями классической русской литературы (доступен и аудиоформат), а также узнать о предстоящих культурных мероприятиях, таких, например, как «Библионочь», и принять в них активное участие. Указанный инструмент положительно сказывается на общем уровне культуры населения [Брунова и др. 2021].

При реализации внутренней языковой политики следует учитывать различие между поколениями, а также языковые и культурные особенности населения разных территорий нашей страны — городского и сельского, монолингвального и полилингвального и т. д. Те проекты, которые, вероятно, заинтересуют старшее поколение, могут оказаться незамеченными среди детей и молодёжи, и наоборот [Аликулова 2020]. Так, молодое поколение проявляет интерес к продуктам цифровизации, старшее поколение предпочитает традиционные источники информации (бумажные книги, газеты, теле- и радиопередачи) [Грязнова и др. 2020]. Это деление весьма условно, но, тем не менее, оно должно учитываться при создании образовательных и культурных проектов, направленных на повышение общего уровня грамотности населения, культуры речи в условиях тенденции доминирования цифрового медиапространства [Гурова и др. 2020]. Поэтому видится целесообразным рассмотреть созданный в 2017 году подкаст «Розенталь и Гильденстерн», набравший большую популярность среди современных носителей русского языка, особенно среди молодёжи [Юдина, Ковалева 2020]. Популярность проекта подтверждается цифрами: за последние годы подкасты проекта набрали более 40 млн. прослушиваний, причём с каждым годом наблюдается постоянная тенденция увеличения количества

прослушиваний⁵. Не менее интересным, актуальным и востребованным ресурсом являются разнообразными телеграм-каналы, которых с каждым днём сегодня становится всё больше и больше. Их востребованность постоянно растёт не только ввиду увеличения количества пользователей в текстовом медиуме Telegram, но и по причине появления практико-ориентированных материалов для разных категорий пользователей, включая преподавателей русского языка и литературы, в том числе и преподавателей русского языка как иностранного [Анциферова и др. 2022].

Анализируя влияние вышеперечисленных проектов на достижение целей языковой политики Российской Федерации, обратим внимание на проект, больше предназначенный для специалистов, изучающий русский язык и литературу, чем для широкой аудитории, но тем не менее влияющий на повышение уровня грамотности населения, а также позволяющий выявить динамику изменений русского языка в диахронии. Речь идёт о Национальном корпусе русского языка, доступном для изучения на Интернет-портале с 2004 года⁶. Указанный инструмент позволяет анализировать, например, частоту употребления тех или иных слов в текстах различных стилей (в настоящий момент корпус содержит около 375 млн. словоупотреблений), что необходимо, например, для определения состояния русского языка, подвергающегося постоянным изменениям, для контроля чистоты языка, необходимой для его сохранения.

Анализ результатов исследования

В ходе изучения вопроса влияния некоторых образовательных и культурных мероприятий, рассмотренных выше, на языковую политику Российской Федерации XXI века на территории её монолингвальных субъектов авторами был проведён опрос среди различных групп населения. В опросе приняли участие более 5 000 респондентов из 47 субъектов Российской Федерации, представляющие нескольких возрастных категорий: от 18 до 35 лет (молодёжь), от 36 до 59 лет и люди 60 лет и старше. Такой выбор объясняется различием взглядов представителей разных поколений на современное состояние русского языка, на его

чистоту, культуру речи.

Респондентам необходимо было указать, в каком субъекте (монолингвальном или полилингвальном) они проживают, обучались ли они в вузе и в случае положительного ответа указать, изучали ли они русский язык в вузе как специальный предмет. Соотношение респондентов, изучавших русский язык в вузе, и респондентов, русский язык в вузе не изучавших, составило примерно 1:2 (см. рис. 1).

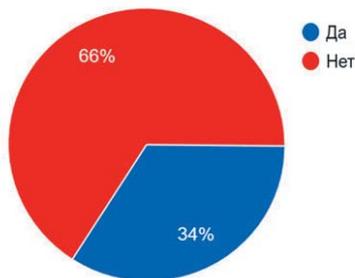

Рис. 1. Респонденты, изучавшие и не изучавшие русский язык в вузе

Респондентам был предложен ряд вопросов, подразумевающих развёрнутые ответы, в частности, что необходимо сделать для того, чтобы люди хотели изучать русский язык. Ответы можно распределить на несколько блоков. Так, первый блок, составляющий 39% от общего числа ответов, связан с инструментами повышения интереса к русскому языку посредством преподавания русского языка в школах и вузах (см. рис. 2).

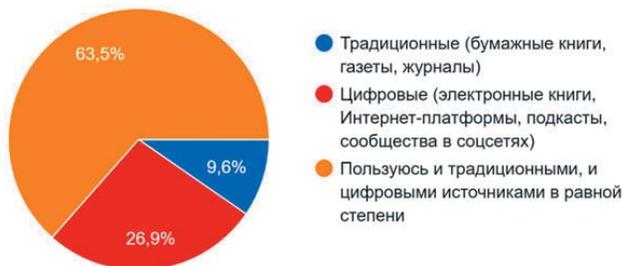

Рис. 2. Инструменты преподавания русского языка

По мнению многих респондентов, интересное и понятное преподавание русского языка как специального предмета обязательно повышает

интерес к родному языку, мотивирует человека продолжать изучать его самостоятельно. Кроме того, преподаватели должны доносить до детей и молодёжи важность места русского языка на мировой арене, его значимость в качестве международного языка. Респондентами даже предлагалось ввести обязательные диктанты или другие способы проверки уровня грамотности для кандидатов на престижные рабочие места в крупных компаниях. Это помогло бы поднять престиж русского языка в глазах большей части населения, как считают респонденты.

Следующий блок содержит ответы (35% от общего числа), предполагающие более близкое знакомство со своей страной, изучение культурных, языковых и исторических особенностей и традиций России в целом и своего региона в частности. Глубокое гуманитарное знание, по мнению респондентов, поможет повысить интерес населения к русскому языку как к государственному языку Российской Федерации и, следовательно, улучшить общий уровень речевой культуры как отдельных регионов, так и всего населения страны.

Третий блок ответов (17% от общего числа) связан с популяризацией среди населения литературы, в первую очередь, русской классической литературы. Как считают многие респонденты, популяризация русской классической литературы, наравне с интересным преподаванием и изучением русской культуры, может повысить желание населения изучать русский язык. В ходе опроса было предложено назвать свою любимую книгу. Самыми распространёнными ответами стали «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Анна Каренина» и «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Это говорит о достаточно высоком уровне культурного развития населения современной России. Достаточно распространённой любимой книгой среди опрошенных стал «Алхимик» бразильского писателя Пауло Коэльо. Кроме того, было проанализировано соотношение интереса к русской и зарубежной литературе. К сожалению, наиболее популярными среди респондентов

тов стали книги иностранных писателей: соотношение интереса к русской и зарубежной литературе составило 38%:62%. Вполне очевидно, что одним из инструментов повышения речевой и духовной культуры населения России может стать популяризация русской классической литературы. Кроме того, примечательно, что, давая общую оценку своей грамотности по пятибалльной шкале, респонденты, предпочитающие русскую классическую литературу, оценивают уровень грамотности выше, чем люди, предпочитающие отечественную и зарубежную беллетристику.

Не менее показательными являются суждения в сфере самооценки общего уровня грамотности респондентов из монолингвальных субъектов России. Интересно, что большинство респондентов оценивают свой уровень грамотности на «хорошо» и «отлично». С одной стороны, данный результат даёт повод для оптимизма, с другой же — свидетельствует о том, что необходимо разработать эффективные инструменты для системной и объективной оценки уровня грамотности взрослого населения России.

Среди дополнительных инструментов привлечения внимания к повышению статуса языка и культуры респонденты предложили также создание занимательных и полезных конкурсов для детей и молодёжи (наподобие программ «Звёздный час» или «Умники и умницы»). Количество таких ответов составило менее 0,1 от общего числа ответов респондентов. По мнению респондентов, такие программы помогли бы повысить интерес к русскому языку среди населения. Кроме того, респонденты указали, что изучение русского языка, наравне с углублённым изучением других языков, улучшает память, развивает логическое мышление, расширяет словарный запас, делает речь говорящего более понятной, насыщенной и интересной.

Анализ ответов об участии в образовательных и культурных проектах и мероприятиях, рассмотренных нами выше, показал, что почти каждый слышал хотя бы об одном из них, но при этом далеко не все принимали в них участие.

На вопрос анкеты о том, какие источники информации предпочитают наши респонденты, большинство (63,5% от общего числа респондентов) ответило, что они в равной степени пользуются и цифровыми, и традиционными источниками (см. рис. 5). На втором месте по количеству ответ (26,9%) о предпочтении цифровых источников информации. Можно сделать вывод о том, что традиционные источники информации (бумажные книги, газеты, журналы) постепенно вытесняются современными цифровыми (электронными книгами, Интернет-платформами, подкастами, сообществами в социальных сетях), поэтому наиболее востребованы проекты, охватывающие именно цифровую сферу.

Нам видится перспективным создание нового молодежного уникального образовательного и культурного проекта, направленного на повышение интереса людей, проживающих на территории монолингвальных субъектов России, к русскому языку, во-первых, как к своему родному языку, во-вторых, как к государственному языку Российской Федерации, то есть языку, играющему важную роль на международной арене, в-третьих, как к языку русской истории, литературы и русских традиций. Проект планируется создать в виде Интернет-платформы (планируемое название — «РуЛи» («Русский лингвист»)), на которой все желающие могли бы пробовать свои силы в написании диктантов разного уровня сложности (наподобие акции «Тотальный диктант», но в постоянном доступе было бы гораздо больше художественных текстов, записанных профессиональными дикторами); читать в свободном доступе выдающиеся произведения русской литературы с комментариями известных литературных критиков, в том числе современных; проходить увлекательные тесты на знание русской классической литературы, причём с акцентом на детали, связанные с русской историей и традициями (например, подробнее рассматривать особенности эпохи, в которой разворачивается сюжетная линия произведения, и эпохи, в которой жил автор, если они не совпадают); периодиче-

ские конкурсы (в очном и онлайн-форматах) на самую интересную придуманную повесть, на самый увлекательный рассказ, с жюри из создателей проекта и с голосованием читателей через саму Интернет-платформу, причём без жёстких критериев к написанию произведения. Кроме того, у интересующихся данным ресурсом будет возможность вступить в онлайн-клуб любителей русского языка с целью обсуждения интересных лингвистических вопросов, участия в открытых лекциях и онлайн-встречах с профессиональными лингвистами, а также для проведения оценочных мероприятий на знание русского языка. Уникальной особенностью данного ресурса должны стать вкладки регионов Российской Федерации, на которых предполагается размещать информацию о нормативной базе, а также о всероссийских и региональных мероприятиях, проходящих в субъектах Российской Федерации.

Проект, в первую очередь, ориентирован на молодёжь, потому что именно молодёжь, согласно результатам представленного опроса, больше времени проводит в Интернет-пространстве и хочет видеть больше проектов, с помощью которых можно узнать о русском языке в связи с русской историей, культурой, литературой. На вопрос нашей анкеты о том, каких проектов сегодня не хватает для развития молодёжи, самыми распространёнными ответами стали следующие идеи: не хватает интересных проектов, рассказывающих об истории, культуре и русском языке одновременно; увлекательных проектов, которые могли бы заинтересовать молодёжь; интересных проектов по изучению истории; проектов по развитию культуры среди населения (например, донесение средствами культуры и искусства новых возможностей человека, появляющихся благодаря развитию технологий, социальная адаптация населения к восприятию технологического развития); изучение русского языка (не на оценку, а в различных интересных формах, таких как квесты, марафоны и проч.); изучение русской литературы в связи с русской историей. Представляемый нами молодёжный проект удовлетворил

бы все вышеперечисленные запросы. Ещё одно преимущество Интернет-платформы состоит в общедоступности материалов проекта независимо от местонахождения лиц. Так, доступ к сайту гарантированно будет открыт для желающих во всех монолингвальных субъектах Российской Федерации.

Проект «Русский лингвист» позволит всем любящим русский язык, русскую классическую литературу, интересующимся русской историей, находить единомышленников в различных регионах Российской Федерации. При успешной реализации проекта возможно было бы наладить связь «Русского лингвиста» с различными вузами Российской Федерации, готовящими специалистов в области языкознания, литературоведения и истории. Такое взаимодействие помогло бы достичь основной цели проекта, а именно популяризации русского языка среди молодёжи монолингвальных субъектов России, повышения грамотности населения этих территорий, общего уровня культуры речи в неразрывной связи с повышением уровня знаний о русской истории и литературе.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что языковая политика Российской Федерации в XXI веке в монолингвальных субъектах успешно осуществляется с помощью различных культурных и образовательных проектов, акций, мероприятий, направленных на повышение общего уровня грамотности, культуры речи населения в данных субъектах, а также на сохранение чистоты русского языка, являющегося государственным. Авторам настоящей статьи видится целесообразным увеличение числа подобных проектов в цифровой среде для привлечения большего количества участников, особенно среди молодёжи. Кроме того, следует отметить, что возможность читать классическую русскую литературу в свободном доступе (в библиотеках, на различных Интернет-порталах), без сомнения, помогает повысить уровень функциональной грамотности жителей монолингвальных субъектов, усовершенствовать их коммуни-

кативные навыки. Подобные проекты чаще всего являются успешными при государственной поддержке, потому что плановое распространение информации о подобных ресурсах на официальных государственных сайтах, информационных стендах в местах массового скопления людей, в качестве наружной рекламы и т.д. помогает населению быстрее узнавать об этих проектах и мероприятиях и при желании принять в них участие.

Авторы настоящей статьи провели исследование, направленное на выявление степени заинтересованности населения монолингвальных субъектов Российской Федерации в различных образовательных и культурных проектах, направленных на повышение уровня функциональной грамотности и культуры речи русскоязычного населения.

Авторы статьи разрабатывают перспективный молодежный проект «РуЛи», который будет создан на основе Интернет-платформы со свободным доступом для всех желающих. Данный проект позволит населению монолингвальных субъектов Российской Федерации подробнее узнать о связи русского языка с русской историей, культурой, традициями, литературой. Главная задача проекта — заинтересовать людей в изучении русского языка как родного языка, как государственного языка Российской Федерации, играющего серьезную роль на мировой арене, поднять престиж русского языка. Всё это планируется осуществлять в интересной и общедоступной форме. Данная Интернет-платформа ориентирована в основном на молодёжную аудиторию, так как, по результатам проведённого опроса, именно молодёжь больше всего нуждается в подобных проектах. Увеличение количества качественных образовательных и культурных проектов, охватывающих различные целевые аудитории, является одной из действенных мер реализации успешной языковой политики современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://totaldict.ru/>

² <http://gramota.ru/?ysclid=l63j866zxc241251314>

³ <https://xn--80aacavtbtqhmqh0dxl.xn--p1ai/news/>

⁴ <https://www.culture.ru/?ysclid=l67skup7zy511518533>

⁵ <https://tehnika.rechi.studio/podcasts/rozental-i-gildenstern>

⁶ <https://ruscorpора.ru/?ysclid=l6gda6jd8b75503765>

ЛИТЕРАТУРА

Аликулова 2020 — Аликулова С. А. Развитие читательских интересов у студентов в условиях цифровизации образования. *Наука и образование сегодня*. 2020, (6–2 (53)): 54–55.

Анциферова и др. 2022 — Анциферова О. В., Афанасьева Н. А., Ерофеева И. Н., Колесова Д. В., Косарева Е. В., Попова Т. И., Щукина К. А. Телеграм-канал как средство lifelong learning для преподавателя РКИ. *Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература*. 2022, (3 (11)): 31–38.

Брунова и др. 2021 — Брунова Н. В., Коротышев А. В., Омельченко Е. А., Шевцова А. А., Орлова А. Ю. Инструмент языка: анализ проектов, направленных на поддержку русского языка в России и мире. *Этнодиалоги*. 2021, (2(64)): 8–77.

Булганина и др. 2020 — Булганина С. В., Мальцева С. М., Воронкова А. А., Булганина А. Е. Чтение как фактор формирования языковой грамотности в современной России. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020, т. 9, 4 (33): 230–233.

Грудева, Покровская 2018 — Грудева Е. В., Покровская А. Л. «Тотальный диктант» — диктант для взрослых? *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2018, (5): 65–68.

Грязнова и др. 2020 — Грязнова Е. В., Уткина Т. Н., Багимова О. А., Кашина Е. В. Снижение книжной культуры современного дошкольника: проблема или закономерность? *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020, т. 9, (2 (31)): 27–30.

Гурова, Ломыкина 2020 — Гурова Е. К., Ломыкина Н. Ю. Русский язык PRO (некоторые последствия медиацентричности культуры). *Меди@льманах*. 2020, 5 (100): 134–140.

Москаленко 2018 — Москаленко Л. С. Понять и сделать вывод. Функциональный анализ текста как один из способов повышения читательской грамотности. *Вестник военного образования*. 2018, 3 (12): 111–113.

Овчинникова 2019 — Овчинникова И. А. Масловпристанская сельская модельная библиотека в системе ценностных координат культурного развития региона. *Культура: теория и практика*. 2019, 5 (32): 18–19.

Отургашева 2019 — Отургашева Н. В. Послание urbi et orbi: тотальный диктант как культурный проект. *Вестник Томского государственного университета*. 2019, (35): 105–112.

Попова 2018 — Попова Т. В. Академическое чтение как средство формирования коммуникативной компетенции студентов. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018, т. 7, (3 (24)): 188–192.

Щербакова 2021 — Щербакова Н. Н. Проблемы речевой культуры в глобальном и локальном измерениях. *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021, (4 (8)): 33–42.

Юдаева 2021 — Юдаева О. В. Инструменты реализации языковой политики в Российской Федерации. *Вестник Да-*

гестанского государственного университета. 2021, т. 36, (1): 85–93.

Юдина, Ковалева 2020 — Юдина Н. В., Ковалева Т. А. Современная языковая политика Российской Федерации в оценке носителей русского языка XXI века. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020, (5): 91–99.

REFERENCES

Аликулова 2020 — Alikulova S. A. Improvement of reading skills by students in conditions of education's digitalization. *Nauka i obrazovanie segodnia*. 2020, (6–2 (53)): 54–55. (In Russian)

Анциферова и др. 2022 — Antsiferova O.V., Afanaseva N.A., Erofeeva I.N., Kolesova D.V., Kosareva E.V., Popova T.I., Shchukina K.A. Telegram channel as a lifelong learning tool for Russian as a foreign language teacher. *Professorskii zhurnal. Seriya: Russii iazyk i literatura*. 2022, (3 (11)): 31–38. (In Russian)

Брунова и др. 2021 — Brunova N. V., Korotyshev A. V., Omel'chenko E. A., Shevtsova A. A., Orlova A. Iu. Tongue's instrument: analysis of projects pointed to support the Russian language in Russia and world. *Etnodialogi*. 2021, (2(64)): 8–77. (In Russian)

Булганина и др. 2020 — Bulganina S.V., Mal'tseva S.M., Voronkova A.A., Bulganina A.E. Reading as a factor in the formation of language in modern Russia. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2020, v. 9, 4 (33): 230–233. (In Russian)

Грудева, Покровская 2018 — Grudeva E. V., Pokrovskaia A. L. Is “Total Dictation” for adults? *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018, (5): 65–68. (In Russian)

Грязнова и др. 2020 — Griaznova E. V., Utkina T. N., Bagimova O. A., Kashina E. V. Decline in the book culture of the modern preschool child: a problem or a pattern? *Azimut nauchnykh issledovani: pedagogika i psikhologiya*. 2020, v. 9, (2 (31)): 27–30. (In Russian)

Гурова, Ломыкина 2020 — Gurova E. K., Lomykina N. Iu. The Russian language PRO. *Medi@l'manakh*. 2020, 5 (100): 134–140. (In Russian)

Москаленко 2018 — Moskalenko L. S. It is necessary to understand and conclude: functional analysis of the text as one of the ways to increase readership literacy. *Vestnik voennogo obrazovaniia*. 2018, 3 (12): 111–113. (In Russian)

Овчинникова 2019 — Ovchinnikova I. A. Maslovopristsanskyy rural model library in the system of valuable coordinates of cultural development of the region. *Kul'tura: teoriia i praktika*. 2019, 5 (32): 18–19. (In Russian)

Отургашева 2019 — Oturgasheva N. V. Messageurbi et orbi: Total Dictation as a cultural project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, (35): 105–112. (In Russian)

Попова 2018 — Popova T. V. Academic reading as a means of forming students' communicative competence. *Azimut nauchnykh issledovani: pedagogika i psikhologiya*. 2018, v. 7, (3 (24)): 188–192. (In Russian)

Щербак ова 2021 — Shcherbakova N. N. Speech culture problems in global and local area. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021, (4 (8)): 33–42. (In Russian)

Юдаева 2021 — Iudaeva O. V. Instruments of realization of language policy in the Russian Federation. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, v. 36, (1): 85–93. (In Russian)

Юдина, Ковалева 2020 — Iudina N. V., Kovaleva T. A. Modern language policy of the Russian Federation in the assessment of Russian speakers in the 21st century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*. 2020, (5): 91–99. (In Russian)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ДИНАМИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

ANNA V. KUZNETSOVA

CULTURAL CODE IN THE DYNAMICS OF THE ARTISTIC IMAGE

В статье рассматривается проблематика взаимодействия культурного кода и художественной образности в ее динамике. Цель статьи состоит в выявлении и описании определяющих параметров культурного кода, обуславливающих характеристики образов персонажей на материале поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Методы исследования представляют собой целостный комплекс, в котором приоритетными являются индуктивно-дедуктивный метод, метод анализа и синтеза, структурно-семиотический метод, филологический анализ и интерпретация. Новизна исследования заключается в объединении методологического инструментария лингвокультурологии и литературоведения, что позволяет прийти к выводу об имплицировании основных компонентов художественного содержания посредством обнаружения соответствия/несоответствия культурному коду этноса. Особый интерес представляют и сложные корреляции культурного кода и национального менталитета. Доказано, что изучение культурного кода с позиций семиотического подхода позволяет трактовать конфликт Калашникова и Кирибеевича более широко, чем сопротивление царской власти и противостояние тирании со стороны простого человека: сюжетная событийность и динамика художественной образности позволяет утверждать, что поэт выдвигает идею о невозможности восприятия таких инокультурных ценностей, которые не отвечали бы русскому духовному коду. Для Лермонтова также важно утверждение мысли о таких подданных царя, которые являлись бы носителями нравственного начала, а не только и не столько слепо подчинялись государственной власти. Духовный культурный код русской нации для Лермонтова — это то, что обеспечивает ее прогресс и единство.

Ключевые слова: культурный код; художественный образ; ценностные ориентации; персонаж; сюжетная событийность; автор.

**Анна Владимировна
Кузнецова**

Доктор филологических наук, профессор

► avkuznetsova@sfned.ru

Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б.
Садовая, 105/42

Anna V. Kuznetsova

Southern Federal University
105/42, B. Sadovaya ul., Rostov-on-Don,
Russia, 344006

The article investigates the problems of interaction between the cultural code and artistic imagery in its dynamics. The purpose of the article is to pinpoint and describe the defining parameters of the cultural code that determine the peculiarities of the characters' images based on the material of the poem by Mikhail Lermontov "Song about Tsar Ivan Vasilyevich, a Young Guardsman and a Daring Merchant Kalashnikov." The research methods are an integral complex, within which the priority belongs to the inductive and deductive method, the method of analysis and synthesis, the structural and semiotic method, philological analysis and interpretation. The novelty of the research lies in combining the methodological tools of linguocultural and literary studies, allowing one to conclude that the main components of artistic content are implied by detecting compliance / non-compliance with the cultural code of the ethnic group. Of particular interest are the complex correlations of the cultural code and the national mentality. It has been proved that the study of the cultural code from the standpoint of the semiotic approach makes it possible to interpret the conflict between Kalashnikov and Kiribeevich more broadly than the resistance to royal power and the opposition to tyranny on the part of the ordinary man: the plot of events and the dynamics of artistic imagery suggest that the poet puts forward the idea

of the impossibility of perceiving such foreign cultural values that would not correspond to the Russian spiritual code. For Lermontov, it is also important to affirm the idea of such subjects of the tsar who would be the carriers of the moral principle and would not so much blindly submit to the state power. The spiritual cultural code of the Russian nation for Lermontov is what ensures its progress and unity.

Keywords: cultural code; artistic image; value orientations; character; plot eventfulness; author.

Введение

Развитие и длительное насыщенное существование в историческом времени для любого этноса обеспечивается сохранением собственного культурного кода. В научной гуманитарной парадигме культурный код трактуется весьма широко — под ним понимают уникальные особенности конкретной культуры, которые сохранены на протяжении длительного хронологического промежутка, а также некоторый механизм, «ключ», который позволяет понимать такую культурную специфику. Культурный код представляет собой определённую ценную для этноса и/или социальной группы информацию, которая позволяет конкретную культуру каким-либо образом идентифицировать: это комплекс образов, ассоциированных со стереотипами сознания личности и целостного этно- и лингвокультурного коллектива.

Такое бессознательное культуры не осознанно, зачастую никоим образом не эксплицировано — напротив, оно скрыто от понимания, однако отчетливо манифестировано в поступках индивидов и сообществ, соотносимых с этой культурой. Именно культурный код нации позволяет понять некоторые психологические особенности и поведенческие модели.

В пространстве культуры выделяются тексты, которые закреплены в сознании, общественном и индивидуальном, как особо значимые. Безусловно, мы не можем корректно описывать культурные особенности вне обращения к таким текстам, в которых язык фиксирует приоритетно важные фрагменты картины мира, национальной и индивидуально-авторской. Текст и порождается культурой конкретной исторической эпохи, и репрезентирует идеи этого периода, отражая также и

авторское мировидение. Именно так называемые классические тексты позволяют обнаружить и детально рассмотреть культурный код в его онтологии. Диалектика его функционирования основана на связи с культурой, порождающей его и одновременно подверженной его же влиянию через национальный язык, который обеспечивает единство национальной картины мира, в том числе, и языковой. Классические тексты образуют для представителей этноса ту совокупность фоновых знаний, без которых не может быть осуществлено адекватное понимание друг друга в культурном пространстве и, как следствие, не может осуществляться коллективная деятельность нации по освоению мира.

Целью статьи является выявление и описание параметров культурного кода, значимых для развития образов персонажей и сюжетной событийности в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837).

Состояние изучения вопроса. Методы

Понятие кода в филологии отличается множественностью интерпретаций. Знаковая природа искусства (его способность к замещению предметной реальности знаками) предполагает наличие у любого из его видов некоего особого «внелингвистического» языка, и поэтому художественная образность — это всегда актуализация семиозиса. Очевидно, что понятие художественного кода коррелирует с целостной сферой любого вида искусства и закономерно для художественной словесности как такой сферы, которая является реализацией языка — вторичной моделирующей семиотической системы. Однако культурный код, являясь, как и код художественный, способом отражения действительности через знаки, формируется не только на основании эстетической когниции, но и на научной, социальной, ментальной познавательной деятельности человека. Поэтому культурный код является комплексом представлений, репрезентированных в знаках, и может фиксироваться, среди прочих, и в художественном коде. Художественный код выступает материалом для культурного кода, но, в свою очередь, культурный код предоставляет художественному коду

возможность использования собственных знаков и знаковых системных образований, необходимых для того или иного вида искусства. Художественный текст не может быть создан непосредственно из «материала» культурного кода: в творческом процессе происходит переработка через осознание автором конкретных компонентов такого кода, что обуславливает необходимость обращаться к понятию индивидуально-авторской, или художественной, картины мира как особому, личностно окрашенному способу понимания действительности автором.

По мысли Р. Барта, культурные коды формируют пространство культуры как единое целое: таковы социоисторический (знания о времени, стране и обществе); научный (знания о достижениях науки); хронологический (организация дат в тексте); топографический (организация пространства в тексте); ономастический (код собственных имен); риторический (социальные нормы организации текста); акциональный (порядок следования действий в тексте); нарративный (организация повествования); фатический (формы обращения); герменевтический или энигмационный (постановка и разрешение загадки, тайны, вопроса текста); металингвистический (текст о тексте) и т. д. [Барт 1987]. Единицы культурного кода позволяют представить знания и культурный опыт лингво- и социокультурного коллектива как систему, в которую включены коды вербальные (имена собственные и нарицательные, фразеологизмы, цитаты, афоризмы и т. д.), авербальные (природные и артефактные), ментальные (стереотипы, нравы, обычаи, традиции, обряды, ценностные ориентации, оценочные стандарты, типические представления, культурные сценарии и т. д.).

Одним из первых, кто обосновывает методологию теоретического изучения и практического анализа культурного кода, выступает Клотер Рапай, для которого культурный код — сфера культурного бессознательного, определяемая образами. Эти образы связаны в сознании личности с понятиями, причём культурный код не в полной мере соотносим с коммуникативной сферой, он не может быть сформулирован человеком и даже понят им окончательно — скорее, он скло-

нен отражать такой культурный код в поступках [Рапай 2010]. Действительно, каждый народ характеризуется уникальным самосознанием, формирующимся на основании его истории. Представители этносов зачастую не осознают свою зависимость от культурного кода, однако именно он фиксирует и координирует ценностную картину мира и мировоззрение, что в современном мире наглядно воплощено не только в несходстве, но и в противостоянии Востока и Запад, прежде всего, на основании радикально различных идеологий.

В.И. Шаховский отмечает, что «в культурный код входят: этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, основанное на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях. Единицы культурного кода детерминируются ментальными, языковыми или предметными знаками, поскольку культурный код — это и конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им» [Шаховский 2008: 118]. В.В. Красных под культурным кодом понимает «сетку», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Шаховский 2008: 232].

В типологию, предложенную В.В. Красных, включены шесть базовых кодов, закрепляющих наивные представления о мироздании: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный, при этом правомерно утверждение исследователя об ограниченном количестве таких кодов в пространстве конкретной культуры [Красных 2002: 233]. С другой стороны, В.Н. Телия и авторский коллектив «Большого фразеологического словаря» указывают, что и этот список не завершён в своём формировании и осмыслении: «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природноландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ 2006: 13]. Типология, предложенная В.Н. Телия, включает антропный, или собственно человеческий, зооморфный, растительный, природный, артефактно-вещный, вещно-костюмный,

гастрономический, архитектурный код, духовно и/или религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, временной, пространственный, количественный (числовой), цветовой и телесный (соматический) коды.

С позиций современной лингвистики код соотносится с несколькими сферами исследований — лингвокультурологией, лингвоконцептологией и когнитивной лингвистикой, т.к. языковая картина мира формируется на основании ценностей и кодов культуры, а также системы концептов, репрезентированных в языке. Код задает значимость знака, а реципиент такую информацию должен декодировать и интерпретировать на основании правил, продиктованных культурным хронотопом, культурной компетенцией, что позволяет говорить о коде именно как о культурном феномене [Красных 2002].

Культура изучается как пространство функционирования культурных кодов, осознанное через отношения объектов в этом пространстве, поэтому наиболее удачной является концептуальная метафора «контейнер», позволяющая трактовать культурный код как такое глубинное пространство, в котором языковые единицы наделяются культурными смыслами, что и формирует, в конечном счете, сам культурный код [Кубрякова 2006]. В ментальное пространство кода могут быть включены такие единицы, которые не являются знаками культуры, но приобретают такие характеристики в процессе познавательной деятельности носителя языка или лингвокультурного коллектива.

Культурный код особым образом осмысливается и с позиций науки о литературе. Отправной точкой рассуждения становится мысль о том, что культура представляет собой связующее звено для каждой национальной или социальной общности, позволяя выделять культурные комплексы (музыка, литература, архитектура, живопись, скульптура, кинематограф и пр.) со своими, значимыми в конкретную историческую эпоху или имеющими непреходящую ценность, особенностями.

При всей популярности термина *культурный код* оказывается явно недостаточным теоретическое осмысление этого понятия в контексте

художественной словесности и литературоведения. При этом уже ясно, что это понятие может быть весьма востребованным в процессе проведения литературоведческого анализа классических текстов и важным для формирования новых литературоведческих концепций.

Художественная литература отражает культурные коды и одновременно является основой их формирования, материал художественных текстов предоставляет возможность выявить ряд аспектов, значимых для адекватной интерпретации как самих художественных образов, так и той идеологии, которая составляет основу такой образности. Исторические и общественные феномены, межлитературные и межкультурные влияния — вот то, что оказывает непосредственное воздействие на параметры культурного кода, что позволяет осмысливать воплощение тех или иных исторических эпох в художественных образах литературы.

Особое внимание, которое уделяет художественная литература культурному коду, связано и с ее интересом к национальному менталитету как совокупности культурных и национальных характеристик, специфических качеств мышления, восприятия реальности, мировоззрения, личностного и общественного поведения. Менталитет свойственен не отдельному индивиду или группе людей, но целостному этническому сообществу, что позволяет судить о нем как о прямом отражении культурного кода нации. Именно поэтому изучение классических текстов представляет интерес не только с позиций выявления особенностей мировидения конкретного автора или литературного направления, но становится исследовательской сферой, так или иначе опирающейся на выявление специфики культуры на глубинном уровне, имплицитном в художественном тексте, — на уровне реализации в событиях и характерах, в моделях поведения, которые являются отражением индивидуального и национального начал одновременно.

В задачи нашего исследования не входит рассмотрение и детальный анализ дискуссионных моментов, связанных с функционированием термина *культурный код* в литературоведении: трактовки этого понятия достаточно расплывча-

ты и спорны. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что так или иначе современная наука о литературе опирается в понимании культурного кода на структурно-функциональный подход, обращаясь к классическим трудам Ю. М. Лотмана [Лотман 1992] и М. М. Бахтина [Бахтин 1975]. Значимой для исследовательской позиции автора статьи остается понимание культурного кода как матрицы, включающей культурные константы, обеспечивающей стабильность культуры в протяженные исторические периоды, с одной стороны, и формируемой на основании системного представления знаков (символов), с другой, что позволяет говорить о культурном коде как об инструменте перехода от значения к смыслу, к объективации субъективности. Поэтому совершенно очевидно, что вне семиотического подхода к изучению культурного кода и вне понимания его с позиций лингвокультурологии литературоведение обойтись не может, иначе все попытки объяснить динамику миропостижения конкретного автора или формирование художественного образа остаются бездоказательными и, в конечном счёте, тщетными.

Методы исследования определяются неоднозначностью трактовки культурного кода в научной парадигме лингвокультурологии и литературоведения. Поскольку в данной статье предметом исследовательского интереса является культурный код как феномен, структурирующий содержательную сторону литературного произведения, методы исследования составляют целостный комплекс, в котором предпочтение отдано индуктивно-дедуктивному методу, методу анализа и синтеза, структурно-семиотическому методу, филологическому анализу и интерпретации.

Обсуждение

Сознание автора художественного текста во многом обуславливается культурным и историческим контекстом, в котором происходит формирование творческой личности. Автор всегда в той или иной форме отражает в своей литературной деятельности ценностные и социальные, эстетические и духовные установки своей эпохи. Тем не менее, такое отражение всегда лично,

индивидуально, может приобретать совершенно новые смыслы, неизвестные до появления художника слова на литературной арене. Объективируя в своем произведении индивидуально-авторскую и художественную картины мира, автор реализует различные способы кодирования эстетической информации, при этом само кодирование представляет собой единство типичного, стереотипного и конкретного, индивидуального, что позволяет воспринимать художественный образ эмоционально и рационально одновременно. В литературном произведении всегда, вне зависимости от того, к какому конкретному времени обращается автор либо не конкретизирует какие-то хронологические рамки событийности, актуализирована картина мира той эпохи, к которой принадлежит сам автор.

Общеизвестно, что для русского культурного пространства наиболее значимым является духовный код, который определяет религиозные и нравственные ценности, эталоны, идеалы, а также сам обуславливается в своем существовании этими сущностями. Онтологический статус духовного кода неоспорим: именно этот код формирует модели поведения русских, он оказывает особое влияние на деятельность и бытие в целом не только личности, но и всего общества. Важно в этой связи подчеркнуть, что русские писатели так или иначе обращаются в своих произведениях к проблемам русского национального характера, менталитета, что, разумеется, вызывает необходимость обращаться при анализе произведения к понятию культурного кода. В этом плане наиболее репрезентативной становится эпоха романтизма в русской литературе: романтизм как одно из значительных в своих эстетических результатах литературных направлений обращен к национальной специфике, к выражению национального духа средствами художественной словесности, что организует художественный мир произведений и определяет динамику художественной образности.

Национальные особенности в их системности благодаря культурному коду изучаются романтизмом в двух основных направлениях: событийность фокусируется в некоем не совпадающем с параметрами культурного кода героя

пространством, часто экзотическом для него, либо перемещается в далекое прошлое, позволяя автору выявить устойчивые доминанты национального духовного кода, значимые и для современной ему эпохи, то есть такие, которые закрепились в категориальности национального менталитета и претерпели весьма незначительные трансформации на протяжении веков.

Безусловно, центральное место в развитии русского романтизма принадлежит М. Ю. Лермонтову, который своим творчеством одновременно и завершил романтическую эпоху, определив направление отечественного литературного процесса на целые десятилетия вперед. Исследовательский интерес в плане анализа и интерпретации влияния культурного кода на развитие художественной образности обращен к поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» [Лермонтов 1958: 7–21]. Событийность поэмы строится вокруг конфликта Кирибеевича и купца Калашникова, этот конфликт представлен у Лермонтова как трагический: разрешить его каким-либо способом, помимо открытого столкновения, невозможно, что, в свою очередь, обуславливает закономерность гибели героев. Иными словами, эстетические требования трагического осуществлены здесь в полной мере, конфликт героев непреодолим.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в настоящей статье не имеет смысла рассуждать о тех или иных фольклорных источниках поэмы, об эпической типологии, тем более, что существует весьма обширная литература по этой проблематике [см.: Филипповский 2016]. Нецелесообразным представляется и уход в исследовательской аргументации в сферу представления культурного кода посредством включения тех или иных вещных примет (предметного кода) в художественный мир лермонтовского произведения. Все эти аспекты составляют объект отдельных исследований, а многие из них еще предстоит разрабатывать лермонтоведению. Здесь же мы ставим перед собой задачу показать, как, зачастую минуя такие способы изучения классического текста, можно исследовать реализа-

цию духовного культурного кода в раскрытии образов персонажей через модели их поведения в сюжетной событийности.

М. Ю. Лермонтов воссоздает русский национальный характер как совокупность основных качеств — отваги, честности, умения и, главное, стремления отстаивать собственную честь и доброе имя своей семьи не только в поединке, и не только в словесном, и, одновременно, вспыльчивости и страстности. Все эти качества воплощены поэтом в образе Степана Парамоновича Калашникова, которого традиционно считают главным героем поэмы. Однако, поскольку речь идет о поэме романтической, у этого главного героя есть и антипод, который занимает автора едва ли не более, чем сам Калашников. Опричник Кирибеевич — это своего рода катализатор сюжетной событийности, его образ необходим для обнаружения в Калашникове всех качеств русского национального характера. Именно поэтому вполне можно утверждать, что носитель иных, нежели у главного героя, ценностей является равноправным с ним. Для отечественного литературоведения общим местом давно стало осмысление конфликта этих героев как конфликта простого человека (Калашникова) и власти (Кирибеевича и Ивана IV Грозного как его покровителя), однако не менее значимы и те параметры культурного кода, которые позволяют раскрыть глубинные слои художественного образа, оказавшиеся вне поля зрения исследователей лермонтовского творчества.

Обращает на себя внимание отсутствие у этого персонажа собственно того, что по всем грамматическим показателям соответствовало бы имени. Лермонтов выводит его только как обладателя отчества — Кирибеевич. Ясно, что отец его имеет имя Кирибей (пер. с языков тюрской языковой семьи 'непокорный'). Чем здесь руководствуется Лермонтов? Разумеется, необходимостью акцентировать внимание читателя на непокорности как *родовой* черте героя. Несомненно и то, что сам Кирибеевич принимает христианство только для того, чтобы извлечь из своего неопитства материальную выгоду, иметь доступ к неограниченным материальным ресурсам, которым располагает царь и его приближенные. Этот вывод

напрашивается сам собой потому, что его отец так и остался при своем тюркском имени, иначе при крещении ему дано было бы имя, означенное в святцах. Подчеркнем в этой связи и тот факт, что Лермонтов не развивает мотив инокультурной принадлежности Кирибеевича, никак не выдвигает этот компонент структуры произведения, который мог бы повлечь за собой и соответствующее иное развитие сюжета, на первый план. Иначе дополнительную усложненность получил бы конфликт купца и опричника на основе различных национальных характеров. Тем не менее, у героев различны этические принципы, системы ценностей и сословная принадлежность.

Очевидно, что Кирибеевич — «неславянин» по своему происхождению вовсе не случайно. Кирибеевич не помнит своих родителей, известно лишь, по словам царя Ивана Васильевича следующее: «А из роду ты ведь Скуратовых, / И семьею ты вскормлен Малютиной» [Лермонтов 1958: 9]. Конечно, отчасти здесь Лермонтов опирается на известную легенду о татарском происхождении Малюты Скуратова, но вновь не пытается сделать этот мотив основным в поэме. Кирибеевич не признает «своими» представителей ислама и татарского этноса (в приведенном фрагменте выделено курсивом), по всей видимости, стараясь побыстрее пройти различные этапы национальной идентификации с русским народом:

«Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на *копье бусурманское*;
И разделят по себе *злы татаровья*
Коня доброго саблю острую

И седельце бранное черкасское» [Лермонтов 1958: 10].

Поэт постоянно подчеркивает беззаветную преданность царю, который называет его «верный наш слуга». Кирибеевич и сам считает себя рабом царя (и это не просто этикетная формула), он просит царя: «Не кори ты раба недостойного» [Лермонтов 1958: 9]. Кирибеевич обладает завидным положением при царском дворе, что и сам царь помнит: «Не истёрся ли твой парчевой кафтан? / Не измялась ли шапка соболиная?» [Лермонтов 1958: 9]. При этом финал царской речи, обращенной к Кирибеевичу на пиру,

пророческий, хотя первоначально обнаруживает и неприкрытую иронию: «Или с ног тебя сбил на кулачном бою... сын купеческий?». Структуру царской речи определяют риторические вопросы, которые в целом говорят об осознании социального противостояния самим Иваном Грозным: с одной стороны, его верные соратники, опричники, с другой — купеческое сословие, ремесленники, холопы.

Кирибеевич в поэме имеет все признаки центрального героя, его описание едва ли не более подробно, а главное — субъективно пристрастно, нежели описание Калашникова: он «удалой боец, буйный молодец», у него «очи чёрные», «руки сильные». Признаки, которыми он наделён гусярами, — это признаки «добра молодца» или былинного богатыря: «кони лёгкие», «седельце бранное черкасское». Но с позиций духовного культурного кода развитие его образа не соответствует параметру естественного благополучия — у Кирибеевича нет невесты или жены, и красавица «не глядит на него», «не любит». Именно поэтому, в соответствии с установленными моделями поведения, диктуемыми культурным кодом, царь Иван Васильевич предлагает помощь своему верному слуге, узнав о его любовных страданиях — он по своему обыкновению советует купить любовь женщины, подарив ей «перстенёк... яхонтовый», «ожерелье жемчужное», которые даст ему сам. И уже то, что царь предлагает Кирибеевичу помощь в виде таких дорогих подарков, говорит об особом положении этого персонажа при царе.

Поэт скрывается за маской «гусяров», не высказывает собственного отношения к героям, прежде всего, потому, что жанровая и структурная организация поэмы восходит к классической исторической песне. Гусяры — это своего рода античный хор, которому поручено сообщать общеродовые, общенациональные оценки в отношении сюжетной событийности и, как следствие, о чертах характера героев. Для гусяров не имеет никакого значения высокое положение Кирибеевича при дворе Ивана Грозного, и они постоянно возвращаются к идее о хитрости и коварстве этого героя, о его неискренности

с царем. Последнее из перечисленных качество выходит вовсе за рамки духовного культурного кода, т. к. обман в отношении близких, разумеется, негативен, в том числе, и в религиозном аспекте, но обман человека, состоящего на государственной службе, в отношении олицетворения всей власти, всего государства, — вовсе непростительный грех. Такая верная в культурном пространстве этноса оценка становится возможной только в случае рассмотрения поступков Кирибеевича как бы «со стороны», что и выражено самими гусярами:

Не сказал тебе правды истинной,
 Не поведал тебе, что красавица
 В церкви Божией перевенчана,
 Перевенчана с молодым купцом

По закону нашему христианскому
 [Лермонтов 1958: 11].

Отметим, что в приведённом фрагменте акцентировано несоответствие модели поведения Кирибеевича христианскому закону, что имеет особое значение для понимания динамики его образа. Действительно, заключение брака Алёны Дмитриевны и Степана Парамоновича в церкви, освящённость супружеских уз самим Богом должно стать непреодолимым препятствием для любого носителя истинно русского культурного кода. Кирибеевич же не считает этот факт какой либо особой преградой, что и осуждает «античный хор» гусяров, выражающий народное мнение.

Соккрытие факта замужества Алёны Дмитриевны Кирибеевичем связано для Лермонтова с тем, что этот герой пока не проникся христианской верой, не усвоил необходимый для гармоничной жизни в русском обществе культурный код. Стоит обратить внимание и на то, что в некоторых коррелятивных связях с непониманием Кирибеевичем святости христианских таинств состоит и его убеждённость во вседозволенности, в возможности одобрения со стороны царя даже нарушения христианского закона. Однако гусяры характеризуют Ивана IV как блюстителя христианской морали в полном соответствии с народными представлениями. Такие народные представления о царе отражены в исторических песнях, критерием выделения

которых как отдельного жанра и признано наличие в персонажной сфере Ивана Грозного как мудрого и справедливого правителя. Царь остается защитником порядка, и поэт не может его обвинить, как не обвиняют и гусяры, в попустительстве опричнику. Напротив, в царе видится оплот государственности, а его решение о казни Калашникова — вынужденное, необходимое для сохранения незыблемости власти. Наказание же Кирибеевича, с позиций народной морали, справедливо, т.к. он компрометирует «верную жену», хотя Лермонтову-романтику симпатичен этот герой в его настойчивости и дерзости любовной страсти и притязаний на благосклонность Алёны Дмитриевны, что обнаруживает некоторые схождения образа Кирибеевича с образом романтического героя.

Исходя из рассмотрения некоторых параметров культурного кода становится также ясно, что сюжетная событийность, конфликт и динамика художественной образности в поэме М. Ю. Лермонтова не вполне раскрыты лермонтоведением. По всей видимости, стоит рассматривать как один из доказательных вариантов интерпретацию конфликта не как противостояние Калашникова тирании, не как сопротивление царской власти, а как понимание неприемлемости для русской культуры инокультурных, не совпадающих с аксиологией, ценностных установок, невосприимчивость к культурным кодам, которые могут нарушить её этическую целостность. Вполне возможно, что поэт своей поэмой утверждает также идею о необходимости для Российской империи и царя таких подданных, которые не слепо подчинялись бы государственной власти и не были бы неискренне подобострастны, но несли бы в себе нравственное начало, без которого не может функционировать и духовный культурный код нации.

Выводы

Авторское мировидение представляет собой результат многоуровневой познавательной деятельности, в которой культурным кодам отводится одна из самых важных ролей. В координатах индивидуально-авторской и художественной кар-

тин мира национальное и индивидуальное тесно взаимосвязаны и взаимодействуют, благодаря чему художественный мир предстает как эстетически мотивированная модель действительности. Автор как представитель конкретного этноса всегда подвержен воздействию культурных кодов, которое может быть скрытым, что оказывает влияние и на имплицированность той или иной идеи в художественном тексте.

Культурный код оказывается весьма востребованным в процессе проведения литературоведческого анализа, что обеспечивает раскрытие новых смыслов в изученных, на первый взгляд, классических текстах. Культурные коды отражены в художественной литературе, но одновременно и формируют её саму. Данный тезис позволяет рассматривать культурные коды как инструмент построения адекватной интерпретации художественных образов, сюжетной событийности и самой авторской идеологии, часто представленной в подтексте. Для науки о литературе представляется значимой опора на семиотический подход в изучении культурного кода, а также обращение к лингвокультурологическому знанию, вне которого объяснение динамики художественного мира и сущности мирозерцания конкретного автора останется бездоказательной.

ИСТОЧНИКИ

БФСРЯ 2006 — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* В.Н. Телия (отв. ред.). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Лермонтов 1958 — Лермонтов М. Ю. *Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова [1837]*. В кн.: Лермонтов М. Ю. *Собр. соч. в 4-х т.* И. Л. Андроников, Д. Д. Благой, Ю. Г. Оксман (ред.). Т. 2. М.: Художественная литература, 1958. С. 7–21.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 1987 — Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. В сб.: *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе.* М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 387–422.

Бахтин 1975 — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. В кн.: Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет.* М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

Красных 2002 — Красных В. В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология.* М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кубрякова 2006 — Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* М.: Языки славянской

культуры, 2004. 560 с.

Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. В кн.: Лотман Ю. М. *Избранные статьи: в 3 т.* Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 354–379.

Рапай 2010 — Рапай К. *Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему.* М.: Московская школа управления Сколково; Юнайтед пресс, 2010. 166 с.

Филипповский 2016 — Филипповский Г. Ю. «Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: аспекты эпической типологии. *Вестник КГУ.* 2016, (6): 55–60.

Шаховский 2008 — Шаховский В. И. Литературный интекст как ключ к культурной памяти российского социума (на материале публикаций А. Минина). *Политическая лингвистика.* 2008, 2 (25): 115–125.

SOURCES

БФСРЯ 2006 — *Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Cultural commentary.* V. N. Teliia (ed.). Moskva: AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. 784 p. (In Russian)

Лермонтов 1958 — Lermontov M. Iu. *A song about Tsar Ivan Vasilevich, a young guardsman and a daring merchant Kalashnikov [1837]*. In: Lermontov M. Iu. *Sobr. soch. v 4-kh t.* Vol. 2. I. L. Andronikov, D. D. Blagoi, Iu. G. Oksman (eds.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1958. P. 7–21. (In Russian)

REFERENCES

Барт 1987 — Bart R. Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, esse.* Moscow: Moscow State University Press, 1987. P. 387–422. (In Russian)

Бахтин 1975 — Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let.* M.: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 502 p. (In Russian)

Красных 2002 — Krasnykh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.* Moscow: Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russian)

Кубрякова 2006 — Kubriakova E. S. *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world.* Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian)

Лотман 1992 — Lotman Iu. M. Semiotics of culture and the concept of text. In: Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* Vol. 1. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. P. 354–379. (In Russian)

Рапай 2010 — Rapai K. *Cultural code: how we live, what we buy and why.* Moscow: Moskovskaia shk. upr. Skolkovo Publ.; Iunaited press Publ., 2010. 166 s. (In Russian)

Филипповский 2016 — Filippovskii G. Iu. A song about Tsar Ivan Vasilevich, a young guardsman and a daring merchant Kalashnikov": aspects of epic typology. *Vestnik KGU.* 2016, (6): 55–60. (In Russian)

Шаховский 2008 — Shakhovskii V. I. Literary intext as a key to the cultural memory of the Russian society (based on the publications of A. Minin). *Politicheskaia lingvistika.* 2008, 2 (25): 115–125. (In Russian)

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ШАРГУНОВА

ANNA A. TIMAKOVA

SPECIFICITY OF THE CATEGORY OF TIME IN THE SERGEI SHARGUNOV'S AUTOBIOGRAPHICAL WORKS

В статье исследуются механизмы соотношения в творчестве Сергея Шаргунова документализма и принципов художественного повествования. Документализм как один из принципов поэтики нового реализма, к которому относятся произведения писателя, воплощается в том числе в автобиографизме не просто как методе сюжетостроения (Е. О. Новикова), но и средстве создания «знаковой» истории о себе (А. И. Богатырева). Ценность такой истории для новых реалистов очевидна, поскольку через нее транслируется гуманистическая идея ценности личности. Однако автобиографическая проза С. Шаргунова в этом ряду выглядит несколько иначе. Целью работы явилось стремление определить специфику соотношения времени личного и исторического как одну из причин сложности автобиографического дискурса писателя. Материалом для исследования послужили произведения С. Шаргунова «Книга без фотографий» и сборник «Свои» (более подробно проанализирован рассказ «Последнее лето СССР»). Применялись общенаучные методы исследования — наблюдения, обобщения, интерпретации, описания, а также герменевтический и сравнительно-исторический методы. При анализе особенностей реконструкции биографического времени в «Книге без фотографий» было определено, что автобиографизм как инструмент рефлексии необходим герою не только для анализа прошлого, но и для укоренения в настоящем, что невозможно вне историко-культурного контекста. Начинаясь как роман воспитания, книга меняется уже к середине — усиливаются социальные мотивы, появляются публицистические интонации, время личное, биографическое, оставаясь сюжетным стержнем произведения, сливается с историческим. Автобиографический сюжет в рассказах сборника «Свои» нужен Шаргунову не для реализации мемуарной задачи, а для выражения личного опыта постижения или открытия чего-либо, значимого для многих. В рассказе «Последнее лето СССР» этому помогает сопряжение нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного (толстовская линия в повествовании). Полученные научные результаты являются личным вкладом автора статьи в решение задачи определения конститутивных признаков автобиографического дискурса С. Шаргунова.

Ключевые слова: новый реализм; автобиографизм; категория времени; роман воспитания; Сергей Шаргунов.

**Анна Александровна
Тимакова**

Кандидат филологических наук, доцент

► anna.a.timakova@gmail.com

Пензенский государственный университет

440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40

Anna A. Timakova

Penza State University

40, ul. Krasnaya, Penza, Russia, 440026

The article explores the correlation between fidelity to the documents and the principles of artistic narration in Sergei Shargunov's works. Fidelity to the documents as one of the principles of the poetics of New Realism, to which the works of the writer belong, is embodied, among other things, in autobiography not just as a method of plot construction (E. O. Novikova), but also as a means of creating a "sign" story about oneself (A. I. Bogatyreva). The value of such a story for the New Realists is obvious, since the humanistic idea of the value of the individual is transmitted through it. However, Shargunov's autobiographical prose in this series looks somewhat different. The aim of the work is to determine the specifics of the relationship between

personal and historical time as one of the reasons for the complexity of the writer's autobiographical discourse. The material for the study was the works by Shargunov "A Book without Photographs" and the collection of stories "Our" (the story "The Last Summer of the USSR" was analyzed in more detail). The author uses general scholarly research methods, such as observations, generalizations, interpretations, descriptions, as well as hermeneutic and comparative historical methods. When analyzing the features of the reconstruction of biographical time in "A Book without Photographs", it was determined that autobiography as a tool of reflection is necessary for the hero not only to analyze the past, but also to take root in the present, which is impossible outside the historical and cultural context. Starting as a novel of education, the book changes already towards the middle; social motives intensify, journalistic intonations appear, personal, biographical time, remaining the plot core of the work, merges with the historical one. Shargunov needs an autobiographical plot in the stories of the collection "Our" not to realize a memoir task, but to express personal experience of comprehending or discovering something significant for many people. In the story "The Last Summer of the USSR", this is helped by the conjugation of several temporal layers, namely universal, personal, historical and transtemporal (the Tolstoy line in the narrative). The obtained scholarly results are the personal contribution of the author of the article to the solution of the problem of determining the constitutive features of Shargunov's autobiographical discourse.

Keywords: New Realism; autobiography; category of time; novel about parenting; Sergei Shargunov.

Введение

Творчество Сергея Шаргунова относится к поэтике нового реализма, одним из важнейших признаков которого является присутствие в тексте образа автора, причём часто биографического. Причиной этого критики называют изменение принципа художественного осмысления действительности последних лет: от игровой модели мира в постмодернизме к натуралистичности описаний и злободневности тем. Очень точно об этом сказала Жанна Голенко: «Подлинность субъективного, а не истина объективного — вот вектор нынешней игры. Отсюда смена универсального опыта жизни опытом индивидуальным — story, главенствующая над history, как вариант литературной энтропии хаоса» [Голенко 2013]. Произведения Шаргунова отвечают этому тезису, не просто утверждая ценность личного мира («Книга без фотографий», 2011), но расширяя его до пространства своей страны («Свои», 2018). Так, «Книга без фотографий» представляет собой сборник рассказов-

воспоминаний о том, что составляет жизнь любого человека: о детстве, первой любви, рождении первенца, работе. В сборнике «Свои» встречаем «логическое продолжение уже начатой писателем темы родовой памяти» [Петровичева 2018]: с воспоминанием об отце соседствуют рассказы о жене и сыне, зарисовка о депутате, эссе о В. П. Катаеве.

Что же делает неуниверсальный опыт одного человека уникальным для многих? На этот вопрос ответил сам писатель: «Иногда мне кажется, что точность — это начало творчества, то есть созидания. Точность всегда аукается с вечностью. Точность позволяет достигать таких высот и глубин, которые и отличают настоящую вневременную, пусть бы и остро современную, литературу от любой, самой хлесткой публицистики» [Шаргунов 2019]. Действительно, точность наблюдений и описаний вкуче с уровнем художественных обобщений выводят тексты Шаргунова в авангард современной литературы, оставляя вопрос о природе его художественного метода открытым. Даже в рамках поэтики нового реализма я-повествование героя Шаргунова (или Шаргунова-героя) отличается от автобиографизма героя З. Прилепина, Р. Сенчина, А. Аствацатурова особым характером категории времени. **Целью** настоящей работы явилось стремление определить специфику соотношения времени личного и исторического как одну из причин сложности автобиографического дискурса писателя.

Состояние изучения вопроса

Своеобразие творческого метода С. Шаргунова привлекает внимание критиков и исследователей. О. Демидов в рецензии на сборник «Свои» характеризует его следующим образом: «Самое же главное в писательской оптике Шаргунова <...> — работа на стыке fiction и non-fiction. Получается этакое сочетание строгой фактологии с художественной интерпретацией всего остального» [Демидов 2018]. Правда факта «облекается» в «вымысел», приобретая форму и признаки художественного текста так же, как достоверность отображения морально-нравственных категорий при вымышленных сюжетах и героях выводит ху-

дожественное произведение на уровень общезначимого духовного опыта, человеческой правды. Именно поэтому отделить в произведениях мемуарного, автобиографического характера fiction от non-fiction бывает сложно.

М. В. Кульгавчук, анализируя творческую эволюцию С. Шаргунова, называет сборник «Свои» «эпохой в лицах» [Кульгавчук 2020], сравнивая его содержание с комментариями к семейным фотографиям. Подобная жанровая модификация уже была опробована писателем в «Книге без фотографий» и реализует такие признаки художественной эстетики новых реалистов, как достоверность, фрагментарность и бытописание. Вопросы жанра этих произведений у новых реалистов остаются вторичными. Так, «Книгу без фотографий» писатель именуется художественным произведением несмотря на то, что она полностью основана на реальных событиях. Размышляя о характере автобиографизма этого произведения, исследователь А. И. Богатырева приводит слова Шаргунова о том, что «книга <...> наводит на разные размышления, и каждый может сделать свои выводы» и заключает: «Выводы этот читатель должен сделать вовсе не об облике автора или его тяжелом жизненном пути, а как раз о себе, о своей стране. Мемуары приобретают обобщающий художественный смысл. Очевидно, что писателю хотелось бы сделать историю о себе не просто захватывающей, но знаковой, идейной» [Богатырева 2014]. Тезис про обобщающий художественный смысл мемуаров важен для понимания логики идейно-художественной эволюции писателя и основ жанровых модификаций его произведений.

С указанными А. И. Богатыревой особенностями автобиографических книг С. Шаргунова связан выделенный М. В. Селемёновой признак его автобиографического героя — праведничество и странничество: «Праведничество героя заключается в служении идеалам правды и справедливости <...> Именно в поисках правды герой едет в путешествие...» [Селемёнова 2019]. Герой такого типа, транслируя вечные ценности и защищая идеалы семьи/рода/родины, значительно усиливает «обобщающий смысл» мемуаров. И тогда писатель перестает быть только «храни-

телем родового эха» [Рудалев 2018], а выполняет кумулятивную функцию литературы — сохранить и передать главное. Вопрос о творческом методе в данном случае касается выявления способов отбора и фиксации материала действительности.

Методы

Для работы использовались метод наблюдения, позволяющий отслеживать социокультурный процесс в его развитии; метод обобщения, направленный на систематизацию собранной по теме информации; метод интерпретации для истолкования результатов наблюдения; герменевтический метод для выявления смыслов литературного текста; метод описания, цель использования которого — фиксация данных об объекте исследования; сравнительно-исторический метод, позволяющий установить внутрилитературные связи на уровне страны в их исторической динамике.

Особенности реконструкции биографического времени в «Книге без фотографий»

В 1995 году Лев Рубинштейн опубликовал поэму «Это я». Ее содержание составляют надписи к семейным фотографиям и комментарии героя, детализирующего изображенное. Включены в композицию и лирические отступления о том, что фотоаппарат отобразить не в состоянии. «Картотека Рубинштейна, — пишет критик А. Рябчикова, — является таким реестром памяти с одной оговоркой: поэт коллекционирует не образы или вещи, но интонацию, личное отношение воспринимающего субъекта к ним» [Рябчикова 2014]. Логика построения Шаргуновым «Книги без фотографий» похожа — произведение состоит из 15 глав биографического характера, устных «фотографий» моментов, вспышек, как их иногда называет автобиографический герой. Но если Рубинштейн не выбирает фрагменты из потока жизни, а складывает «Я» из них, то Шаргунов останавливается на, видимо, знаковых для себя событиях: «Мое советское детство», «Как я был алтарником», «Школы» и так далее. Тем не менее, принцип «коллекционирования» воспринимающим субъектом личного отношения к изображаемому во многом определяет семантику реконструкции им биографического времени.

Эту книгу, с определенной долей условности, можно назвать романом воспитания — его содержанием также является «внутренняя жизнь героя, постепенное формирование и самоопределение его как личности, поиски возможностей самореализации в обществе» [Поэтика 2008]. Вот герой рассказывает о себе-подростке: 1993 год, баррикады... В этой главе формально противопоставляются («Я враждовал с Советским Союзом всё детство, не вступив в октябрята — первым за всю историю школы. И в пионеры тоже не вступил»), а по сути соединяются в биографическом времени героя два времени исторических: «И все же мне жаль Родины моего детства <...> Осенью 93-го, хотя уже было поздно, подростком я возвращал долг Советскому Союзу. Убежал из дома, бросился на площадь» [Шаргунов 2011]. В мировосприятии героя переплетаются реальность историческая и биографическая («И вот, в свои четыре, в год смены Андропова на Черненко, на светлой седмице я первый раз вошел в алтарь»), причём последняя первой обусловлена лишь отчасти. Формирование автобиографического героя Шаргунова в детские и подростковые годы главным образом происходит в семье. Его воспоминания о ней лишены сладких ностальгических интонаций, пафоса достойного сына уважаемых родителей. О родителях герой говорит нечасто, но по этим характеристикам можно понять — ту моральную, духовно-нравственную основу жизни, которую он получил в семье, влияние внешних обстоятельств вытеснить не сможет. Главы «Бабушка и журфак», «Болбасы» нас в этом убеждают — рассказ о жизни студента, журналиста, начинающего писателя неразрывно связан с ощущением им дома как опоры.

Не избегает герой и фазы бунтарства: «Написав три книги и получив две премии, я создал свое движение и стал бунтовать на улице. Я бунтовал «за волю, за лучшую долю». Бунт всегда был для меня ветром. Ветром, потому что ветер особенно силен на бегу. А я, бунтуя, непременно бежал — и в атаку, и при отступлении» [Шаргунов 2011]. Мы видим, что протест молодого героя не имеет идеологического обоснования, он стихичен, как порыв любого молодого человека, — против всего плохого и за всё хорошее. М. В. Селеме-

нева называет это «экзистенциальным бунтом», но, кроме того, подчёркивает стремление героя почувствовать себя «неотъемлемой частью своего поколения, разделить его тревоги и отчаяние» [Селеменова 2019]. Желание «мутить бунт» [Шаргунов 2011] соотносится с желанием выразить себя, явить социуму свой голос. Автор романа это понимает: «О, революция, левая подруга! Я отдал немало молодых сил нашему незаконному бегу, изменяя размеренным движениям» и возвращается домой, туда, где «ужин, детский смех, халат, семейный альбом» [Шаргунов 2011]. Но это только начало истории его становления.

К середине «Книги без фотографий» фокус изображения смещается: в повествовании меняется соотношение внутреннего, глубоко личного, порой интимного, и социального. Жанровые признаки романа воспитания здесь нивелируются, поскольку его центральной темой должно быть «утверждение ценности автономной личности» [Поэтика 2008], тогда как в произведении всё более громко начинают звучать мотивы общественно значимые, с которыми неразрывно будет связана дальнейшая жизнь героя. Его самореализация отныне обусловлена стремлением «делом народу помочь» [Шаргунов 2011]. Причём исключение героя из кандидатов в депутаты способствует его внутреннему росту.

Путешествие героя по России связано с поисками правды («Как герой сказки, я искал правду. Хотел узнать что-то важное, чтобы жить дальше» [Шаргунов 2011]), и в этой части книги «автобиографизм и злободневность подпитывают друг друга, выливаясь в публицистичность» [Богатырева 2014]. Герой рассказывает о поездках в Чечню, Осетию, Грузию, словно делая дорожные зарисовки: «Город плыл мимо во всем своем великолепном бардаке. Заново отделанные фасады многоэтажек, искристый фонтан, новенькая плитка тротуаров, ёлочки, колоссальный бетонный остов будущей мечети. И рядом — многоэтажки, разрушенные бомбами, бурьян...» (Грозный. — А.Т.); «Цхинвали! Я сел на пыль, в гильзы. Был день победы. Только-только грузин сломили. Грузия начала отступать. В городе не было еды и не хватало воды, но было вино. Сладкое и сильное, оно лилось,

смывая кровь» [Шаргунов 2011]. Впечатления от увиденного, да и сам окружающий мир, раздёрванный на части, соответствуют внутреннему состоянию героя: «Мне казалось, что я один-одинёшенек и что могу сейчас читать будущее. Через час, например, я буду на волоске от смерти и всё же спасусь, а однажды не спасусь. Я читал будущее без сожалений и интереса, как будто всё, что могло, уже состоялось. Как будто я не ничтожный смертный, а зеленоватая звезда над горами» [Шаргунов 2011]. Это уже сопричастность не историческому, но бытийному.

Заканчивается роман главой «Воскресенки», где, почти по-толстовски, герой получает ответ на главный вопрос «Как жить-то?»: «Володя раскрыл в улыбке рот, где не было половины зубов: — Мышцу качай! Отжимайся. Бегай. Приседай. Я вот со своим хозяйством качаюсь — там вскопаю, здесь выкошу, и сердце радуется! — И это все? — Это для начала! — Последний крестьянин деревни Воскресенки отвернулся и пошел к кладбищенскому выходу» [Шаргунов 2011]. Нехитрая модель организации биографического времени и пространства, по которой, собственно, и жил автобиографический герой, вернувшись в Москву, в финале книги звучит универсальным рецептом возвращения каждого из нас к себе.

«... Книга эта, наверное, еще продолжится» — говорит герой этого романа, осознавая необходимость для себя мысленно возвращаться к событиям и людям из прошлого. Как пишет С. В. Волошина, через автобиографический дискурс «создаётся соотношение субъективной и объективной истории» [Волошина 2014]. Автобиографизм как инструмент рефлексии необходим герою не только для анализа прошлого, но и для укоренения в настоящем, что невозможно вне историко-культурного контекста.

Структура категории времени в рассказе «Последнее лето СССР» (сборник «Свои»)

«Книга», действительно, продолжилась в 2018 году сборником рассказов «Свои». А. Рудалев указал на ее переключку с довлатовским сборником «Наши» (1983) [Рудалев 2018] — также произведением автобиографического характера.

Героями рассказов С. Д. Довлатова являются близкие ему люди, и ощущение неразрывности связи с ними особенно остро было необходимо писателю в эмиграции, где и создавался этот сборник. Социальный контекст книги С. Шаргунова шире. Свои — это не только семья, близкие по духу люди, но и не близкие тоже, потому что «всех жалко» [Шаргунов 2018] — национальная формула *сочувствования*, когда сострадание приходит вслед за пониманием причин.

Отталкиваясь от мысли о том, что повествование в литературе развивается «по законам внешней (хронологической) последовательности и внутренней (каузальной) обусловленности настоящего и будущего — прошлым» [Литературная энциклопедия 1935], проанализируем структуру временной ткани одного из рассказов сборника «Последнее лето СССР». В экспозиции повествования даны время и место действия, легко узнаваемые теми, кто проводил августовский месяц школьных каникул на даче или в деревне. Август, щедрый на плоды, открывающий низкое ночное небо, в восприятии героя становится ключом к «Войне и миру»: «Ослепительное прояснение, спровоцированное ясной погодой, открыло толстовский мир, который не даст никакой литературовед» [Шаргунов 2018]. Причем «толстовский мир» в контексте этого рассказа — это не столько поэтика романа-эпопеи, но ощущение глубины, всеохватности, полноты мира, отображённого писателем и воспринимаемого героем здесь и сейчас: «В этом простецки-изыщном, солнечно-затуманенном толстовском мире я поехал на велосипеде за арбузом. Я ехал по страницам Толстого. Август, торжественно окружавший, огрубевшая за лето зелень <...> Толстой пребывал везде» [Шаргунов 2018]. Универсальный временной план, августовское лето, неразрывно связан здесь с планом надвременным, толстовским, таким же вечным, как ночное время августа, но содержательно иным — с ним соотносится далее всё, что будет происходить с героями.

Событий в рассказе мало: встреча с девочкой Жанной, которая нравилась герою, его драка с «врагом» — задирой Сирэ, появление отца девочки, который разнимает дерущихся, и эпи-

лог — окончание истории с Сирэ, чтения «Войны и мира», августа... Событийная линия в тексте не главная. Анализируя особенности развития нового реализма, Е. О. Новикова пишет об увеличении у писателей интереса к собственной жизни, когда «автор становится героем, пропуская через себя события, происходящие в мире. Автор креативно использует воспоминания и собственный житейский опыт. Автобиографизм становится методом сюжетостроения» [Новикова 2019]. Автобиографический сюжет в этом художественном произведении нужен Шаргунову не для реализации мемуарной задачи, а для выражения личного опыта постижения или открытия чего-либо, значимого для многих. В рассказе «Последнее лето СССР» этому помогает сопряжение нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного.

К «личному» времени отнесём историю дачной мимолетной увлечённости. Девочка Жанна нравилась герою, и это вполне осознаваемое им, одиннадцатилетним, чувство так и осталось бы фоновым, если бы не их случайное столкновение на дороге. Из разговора подростков узнаем более точные детали времени исторического: «Такие события! Коммунистов победили. Ты знаешь? — Ну да, — она поскучилась. — Папа говорит: теперь плохо будет» [Шаргунов 2018]. Появившись в кульминационный момент драки героя и Сирэ, разняв их, отец по дороге домой говорит дочери о потере им работы. От него «оглушительно пахло выпивкой», костюм на нём измят и заляпан, и в целом его образ похож на обломок части чего-то целого, бывшего раньше важным. В эпилоге герой, приводя все линии того лета к логическому завершению, говорит о том, что позже отец Жанны «нашёл себя в бизнесе», добавляя еще одну узнаваемую деталь к картине исторического времени.

В сборнике «Свои» много таких деталей — фактографии и зарисовки мировосприятия людей рубежного для страны периода девяностых-нулевых годов. Так, например, в рассказе «Русские на руинах» руинами предстают не только бывший тракторный и сахарный заводы, но «остатки той жизни, которая одним дорога, а другим кажется ненужным мифом» [Кульгавчук 2020]. Отчасти

финал рассказа «Последнее лето СССР» способствует такой мифологизации, ведь будущее его героев осталось там, в августе: «Его, это будущее, сложившееся и зрелое, как август, не взяли с собой, забыли за поворотом, и оно ноет там, и бродит, и никогда не оставляет в покое» [Шаргунов 2018]. Ощущению временного разрыва способствует и название рассказа — не последнее лето в стране, а «завершение» страны, эпохи, исторического отрезка времени. Но прошлое в любом случае обуславливает настоящее и будущее. В рассказе эта обусловленность не явлена очевидно, наоборот, подчеркивается рубежность эпох, но время личное и историческое сошлись в герое. Его «story» главенствует над «history» [Голенко 2013], однако он сам — часть этой «history». И если в процессе (и результате) мифологизации должен присутствовать художественный вымысел, то здесь мы видим, с одной стороны, процесс овеществления мифа, а с другой, обретение им бытийных признаков. Этому способствует наличие в художественной ткани рассказа надвременного плана — толстовской линии.

Образ Толстого так или иначе присутствует в каждом из элементов композиции. В экспозиции чтению героем «Войны и мира» посвящен целый фрагмент текста, где мир бытовой органично соединён с художественным: «С затрёпанным томом я пошёл на кухню, набил карманы джинсов грецкими орехами и отправился в сад, в солнце, на деревянную горячую скамейку. Я переворачивал страницу и раскалывал по ореху. Пьер Безухов в захваченной Москве, Наполеон как Антихрист, ожидание французской пули, знакомство с Платоном Каратаевым <...> Читая, выедаю орех из осколков, я постепенно пришёл в такой нежный транс, в причудливое очарование такое, что неожиданно почувствовал себя другим» [Шаргунов 2018]. Примечательно, что «инаковость» героя связана с постижением им многомерности толстовского произведения. Учитывая, что «субъективность перцепции предопределяет особую роль индивидуального в авторской картине мира» [Щирова 2018], можно сделать вывод о своеобразии видения автобиографическим героем Шаргунова действительности. Толстовская

линия, эта устойчивая единица повествования, связана не с событиями, а с осмыслением героем всего происходившего с ним в последнее лето СССР. Отсылки к образу писателя по своей глубине разные («Невидимый Лев Толстой почесал бороду», «... толкнул в грудь, отрицая толстовство...», «Простой, как Лев Толстой...» [Шаргунов 2018]), но важно то, что открывается герою: «... все слова и мысли на свете связаны» [Шаргунов 2018]. Это и есть надвременный уровень, связывающий биографического героя, историческое время и писателя, стремящегося к слиянию личного и вечного.

Выводы

Анализируя «семейно-мемуарную» прозу конца XX века, Т. А. Рытова пишет, что «преодоление энтропии духа по-прежнему связывается с выходом за пределы личного, частного времени включением своего жизненного пути в поток истории» [Рытова 2004]. Это заключение справедливо как для исследуемого ею творчества В. Катаева, С. Довлатова, А. Чудакова, так и для автобиографической прозы С. Шаргунова. Автобиографизм «Книги без фотографий» становится для героя отправной точкой для осмысления себя в мире, и в сборнике «Свои» мир расширяется, ломая биографические границы. Это устойчивый признак автобиографических произведений современного периода развития словесности: «Автобиографический дискурс, безусловно, имеет свои особенности, собственную модель, в которой преломляется не только внешний мир, но и внутренний, создается соотношение субъективной и объективной истории» [Волошина 2014]. В рассказе «Последнее лето СССР» и некоторых других, составляющих сборник «Свои», это соотношение устанавливается с помощью объединения нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного.

Своеобразие категории времени в автобиографических произведениях С. Шаргунова влияет и на определение их жанровой принадлежности, поскольку «... художественное время как часть хронотопа является одним из жанроформирующих факторов» [Ковалева 2016]. Этот вопрос

можно назвать перспективой исследования автобиографического дискурса писателя.

Ретроспективность некоторых произведений С. Шаргунова не отказ от «жизнестроительных стратегий» [Ковтун 2017] новых реалистов, а создание «текста жизни» [Ковтун 2017] не только здесь и сейчас, но и от сегодня к завтра. Похожие интонации встречаем в «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина: «...ощущенья России и того, что она моя родина <...>, ощущенья связи с былым, далеким, общим, всегда расширяющим нашу душу, наше личное существование, напоминая нам нашу причастность к этому общему...» [Бунин 1929]. На этом пути автору важно расставить акценты между «я» и «остальной мир», не потерять «мир как смысл» [Татаринев 2011]. Многоуровневая структура категории времени в автобиографических произведениях С. Шаргунова этому помогает.

ИСТОЧНИКИ

- Бунин 1929 — Бунин И. А. *Жизнь Арсеньева. Рассказы*. М.: Советская Россия, 2019.
- Шаргунов 2011 — Шаргунов С. *Книга без фотографий*. М.: Альпина Диджитал, 2011.
- Шаргунов 2018 — Шаргунов С. *Свои*. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
- Шаргунов 2019 — Шаргунов С. Точность аukaется с вечностью. *Независимая газета*. 2019, 24 апреля.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Литературная энциклопедия 1935 — Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 9. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1935.
- Поэтика 2008 — *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008.

ЛИТЕРАТУРА

- Богатырева 2014 — Богатырева А. И. Автобиографизм в творчестве «новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова). *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015, (14): 74–82.
- Волошина 2014 — Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2014, (2): 267–273.
- Голенко 2013 — Голенко Ж. А. Каждый текст — автобиография. Вопрос лишь — какая? *Вопросы литературы*. 2013, (1): 435–453.
- Демидов 2018 — Демидов О. *Все – свои*. Национальный бестселлер. 2018. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2018/>

review/vse---svoi/ (дата обращения — 15 июля 2022 г.)

Ковалева 2016 — Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». *Проблемы исторической поэтики*. 2016, (14): 361–383.

Ковтун 2017 — Ковтун Н.В. Историзация мифа: от благословенной Матери к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина). *Гуманитарные исследования*. 2017, (4): 81–87.

Кульгавчук 2020 — Кульгавчук М.В. Путь к своим. Сергей Шаргунов. *Вопросы литературы*. 2020, (4): 51–63.

Новикова 2019 — Новикова Е.О. «Новый реализм» – его авторы и герои. *Сибирский филологический форум*. 2019, (2): 45–54.

Петровичева 2018 — Петровичева М. Остановить мгновение. О новой книге Сергея Шаргунова. *Завтра.ру*. 2018, 11 июля.

Рудалев 2018 — Рудалев А. Хранитель родового эха. *Литературная газета*. 2018, (14).

Рытова 2004 — Рытова Т.А. Тексты как сопротивление энтропии времени в «семейно-мемуарной» прозе конца XX века (В. Катаев, С. Довлатов, А. Чудаков). В сб.: *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог*. Томск: Издательство Томского университета, 2004. С. 180–200.

Рябчикова 2014 — Рябчикова А. Это он — Лев Рубинштейн. *Прочтение*. 2014, 19 февраля.

Селеменова 2019 — Селеменова М.В. Тема русского бунта в творчестве Сергея Шаргунова. В сб.: *Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции*. СПб.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2019. С. 258–269.

Татаринов 2012 — Татаринов А. В. Автобиографический дискурс в современной русской прозе. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2012, (1): 94–97.

Щирова 2018 — Щирова И.А., Гончарова Е.А. *Многомерность текста: понимание и интерпретация*. СПб. Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 136.

SOURCES

Бунин 1929 — Bunin I. A. *Life of Arseniev. Stories*. M.: Soviet Russia, 2019. (In Russian)

Шаргунов 2011 — Shargunov S. *A book without photographs*. Moscow: Alpina Digital, 2011. (In Russian)

Шаргунов 2018 — Shargunov S. *Own*. M.: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina, 2018. (In Russian)

Шаргунов 2019 — Shargunov S. Accuracy echo of eternity. *Nezavisimaia gazeta*. April 24, 2019. (In Russian)

DICTIONARIES AND REFERENCES

Литературная энциклопедия 1935 — *Literary Encyclopedia*: In 11 vols. Vol. 9. Moscow: Sovetskaia enciklopedia Publ., 1935. (In Russian)

Поэтика 2008 — *Poetics: a dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publ.; Intrada Publ., 2008. (In Russian)

REFERENCES

Богатырева 2014 — Bogatyreva A.I. Autobiography in the work of the «new realists» (on the example of Z. Prilepin, S. Shargunov). *Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia*. 2015, (14): 74–82. (In Russian)

Волошина 2014 — Voloshina S.V. Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2014, (2): 267–273. (In Russian)

Голенко 2013 — Golenko Zh. A. Each text is an autobiography. The only question is — which one? *Voprosy literatury*. 2013, (1): 435–453. (In Russian)

Демидов 2018 — Demidov O. *They all are our. Natsional'nyi bestseller*. 2018. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2018/review/vse---svoi/> (date of access: 15.07.2022) (In Russian)

Ковалева 2016 — Kovaleva T.N. Types of artistic time and their role in the novel by I. A. Bunin «The Life of Arseniev». *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2016, (14): 361–383. (In Russian)

Ковтун 2017 — Kovtun N.V. Historicization of the myth: from the blessed Matera to Pylevo... (about the author's dialogue between V. Rasputin and R. Senchin). *Gumanitarnye issledovaniia*. 2017, (4): 81–87. (In Russian)

Кульгавчук 2020 — Kul'gavchuk M. V. The path to ours. Sergei Shargunov. *Voprosy literatury*. 2020, (4): 51–63. (In Russian)

Новикова 2019 — Novikova E. O. «New Realism» — its authors and heroes. *Sibirskii filologicheskii forum*. 2019, (2): 45–54. (In Russian)

Петровичева 2018 — Petrovicheva M. Stop a moment. About the new book by Sergei Shargunov. *Zavtra.ru*. 2018, 11.07. (In Russian)

Рудалев 2018 — Rudalev A. Ancestral Echo Keeper. *Literaturnaia gazeta*. 2018, (14). (In Russian)

Рытова 2004 — Rytova T.A. Texts as resistance to the entropy of time in «family-memoir» prose of the late 20th century (V. Kataev, S. Dovlatov, A. Chudakov). In: *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004. P. 180–200. (In Russian)

Рябчикова 2014 — Riabchikova A. This is a Lev Rubinstein. *Prochtenie*. 2014, 19.02. (In Russian)

Селеменова 2019 — Selemenova M.V. The theme of Russian rebellion in the work of Sergei Shargunov. In: *Pushkinskie chteniia — 2019. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. SSt. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2019. P. 258–269. (In Russian)

Татаринов 2012 — Tatarinov A. V. Autobiographical discourse in modern Russian prose. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2012, (1): 94–97. (In Russian)

Щирова 2018 — Shchirova I.A., Goncharova E.A. *Multidimensional text: understanding and interpretation*. St. Petersburg. Izd-vo RPGU im. A. I. Gertsena, 2018. P. 136. (In Russian)

О ЖЕНЩИНАХ, НЕЖНОСТИ И НУЖНОСТИ В ПАРОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

OLGA I. SEVERSKAYA
ZHENSHCHINA 'WOMAN'; NEZHNOST' 'TENDERNESS' AND NUZHNOST' 'NEEDINESS'
IN THE PARONYMIC FORMULAS OF RUSSIAN POETRY

**Ольга Игоревна
Северская**

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник

► oseverskaya@yandex.ru

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

121352, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, Russia, 121352

Статья посвящена паронимическим лексико-семантическим парадигмам и появляющимся в поэтических текстах устойчивым сочетаниям паронимов-аттрактантов, которые можно назвать «формульными». Автор определяет паронимию как системное языковое явление сближения сходно звучащих, но различающихся по морфемному составу и семантике слов, которое становится возможным из-за выделения в них квазиморфов, своего рода эвфонических этимонов. Рассматривая «формульные» корреляции лексем *женщина*, *нежный/нежность*, *нужно* и *жизнь* в 150 фрагментах поэтических текстов конца XVIII — начала XXI в., автор показывает возможности возникновения внутри парадигмы комбинаций, формирующих парасинтаксические предикативные единства, в которых аттрактанты образуют звуковые метонимии и метафоры и расширяют свои исходные значения за счет транслируемых при аттракции дополнительных сем. Слова-аттрактанты при этом превращаются в компоненты сложносоставной номинации некоего объекта или ситуации. Благодаря установлению даже при дистантном расположении аттрактантов логико-семантических отношений предикации каждый из аттрактантов может быть как «определяемым», так и «определяющим», представляя собой пропозициональный компонент. Микропропозициям (*Жизнь это женщина*, *Жизнь это нежность*, *Женщина это нежность*, *Жизни и женщине нужна нежность* и т. п.) соответствует макропропозиция, объединяющая все элементы парадигмы. Анализ, отраженный в статье, подтверждает предположение, что устойчивые паронимические корреляции объединяют не случайные слова, а своего рода мифологемы. В данном случае как мифологемы рассматриваются слова-концепты *женщина*, *жизнь* и *нежность*. Исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка методами корпусного, семантического, синтаксического, текстового анализа.

Ключевые слова: паронимическая аттракция; паронимические формульные сочетания; лексико-семантическая парадигма; фонический синтаксис; семантические преобразования; образ женщины; поэтический текст.

The article is devoted to paronymic lexical and semantic paradigms and stable combinations of paronyms-attractants that appear in poetic texts, which can be called “formulaic”. The author defines paronymy as a systemic linguistic phenomenon of convergence of words that sound similar, but differ in morphemic composition and semantics, which becomes possible due to the allocation of quasimorphs in them, a kind of euphonic etymons. Considering the “formulaic” correlations of the lexemes *zhenshchina* (‘woman’), *nezhnyy / nezhnost’* (‘tender / tenderness’), *nuzhno* (‘necessary’) and *zhizn’* (‘life’) in 150 fragments of poetic texts of the late 18th — early 21st centuries, the author shows the possibility of occurrence within the paradigm

of combinations that form parasyntactic predicative unities, in which attractants form sound metonymies and metaphors and expand their original meanings at the expense of additional semes transmitted during attraction. At the same time, attractant words turn into components of a complex nomination of a certain object or situation. Thanks to the establishment of logical-semantic relations of predication even with a distant location of attractants, each of the attractants can be both “definable” and “defining”, representing a propositional component. Micropropositions (Life is a woman, Life is tenderness, Woman is tenderness, Life and a woman needs tenderness, etc.) correspond to a macroproposition that combines all the elements of the paradigm. The analysis reflected in the article confirms the assumption that stable paronymic correlations unite not random words, but a kind of mythologemes. In this case, the words-concepts *zhenshchina* (‘woman’), *zhizn’* (‘life’) and *nezhnost’* (‘tenderness’) are considered as mythologemes. The study was carried out on the material of the poetic subcorpus of the Russian National Corpus using the methods of corpus, semantic, syntactic, textual analysis.

Keywords: paronymic attraction; paronymic “formulaic” combinations; lexico-semantic paradigm; phonic syntax; semantic transformations; image of a woman; poetic text.

Предварительные замечания

Связь звука и смысла, иконичность звуковой материи и особый статус, который она обретает в поэтическом тексте, превращаясь в чувственно воспринимаемую, «предметную» реальность, способность звуковых сущностей выделять особые фрагменты поэтической реальности — все это вопросы, которые традиционно стоят перед лингвистической поэтикой и не теряют актуальности и сегодня.

В фокусе внимания все чаще (в том числе и в связи с заимствованием поэтических практик разными типами дискурсов) оказывается паронимическая аттракция (далее — ПА), суть которой — в системном семантическом сближении близкозвучных слов [Быстрова, Левицкий 1973; Григорьев 1979; Векшин 2008; Северская 2015; Guiraud 1967; Gauthier 1973; Valesio 1974; Meul 2013] за счёт выделения в них похожих структурных элементов, называемых квазиморфемами [Невзглядова 1969: 151; Lord 1970: 483]. Любое слово при этом может стать центром паронимических соответствий [Valesio 1974: 1008], образующих лексико-семантическую парадигму, которая в речи способна продуцировать различные свободные знаковые комбинации. Результатом ПА каждый раз становится (на что обращает внимание Е. Г. Лукашанец

[Lukashanec 2018: 185]) индивидуальная номинация одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотнесённых слов стандартного языка.

Попыткой исчисления возможных общеязыковых квазиморфемных соответствий стали «Материалы к словарю паронимов» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой [Григорьев и др. 1992]. При этом в дальнейшем учёными был отмечен факт «особой устойчивости» отдельных лексических пар внутри паронимических гнезд [Кожевникова, Петрова 2009: 411]. Устойчиво воспроизводимые сопоставления аттрактантов, повторяющиеся в различных текстах разных авторов, будем называть «формульными». Некоторые из паронимических «формул» — а именно, *город, гора, дорога и дом, дым, дума* [Северская 2018] — уже были описаны.

Цель статьи — рассмотреть семантико-синтаксические процессы, свойственные ПА, на примере одной из «формульных» парадигм: *женщина – жизнь – нежность – нужность*. Существующие представления об особом «фоническом» синтаксисе [Кожевникова 1981: 182; Cohen 1966: 220], благодаря которому даже при рассеянном, дистантном звуковом повторе смысловые связи между соотносимыми словами имитируют связи синтаксические, создавая отношения предикации, позволяют представить эту парадигму и как знак некой референтной ситуации, и как модель определённого «положения дел», и как «свёртку» полипропозитивной структуры, в которой каждый из паронимов возможно рассматривать как пропозициональный компонент, т. е. смысловую единицу, способную самостоятельно составить высказывание о том или ином аспекте называемого «положения дел». Эту гипотезу можно подтвердить анализом конкретных реализаций рассматриваемой «формульной» парадигмы в поэтических текстах.

Исследование было выполнено **на материале** поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ: www.ruscorgpora.ru), включающего тексты конца XVIII — начала XXI в., с **использованием методов** корпусного, семантического, семантико-синтаксического и текстового анализа.

Состав парадигмы и структурные характеристики аттрактантов

Картотеку исследования составили 150 фрагментов поэтических текстов, в которых встретились аттрактанты *женщина, нежность, нежная, нежна, нужно, нужен, нужна*; в нескольких случаях этот ряд был дополнен аттрактантом *жизнь*.

Корреляция именно этих лексем обладает устойчивостью [Григорьев и др. 1992: 257, 267], поскольку обусловлена исчисляемыми системными соответствиями консонантных квазиоснов паронимов. Консонанс связывает, прежде всего, корни аттрактантов, которые являются основными носителями смыслов, передаваемых от слова к слову. В корреляции корней *жен-* / *неж-* представлена (в соответствии с классификацией В. П. Григорьева [Григорьев 1979: 251–300]) метатетическая ПА, с расподоблением по вокалическому типу при соотношении с корнем *нуж-*. В корреляции *жен-* / *жизн'* вокалическое расподобление корней осложняется ПА эпентетического типа, поскольку внутрь квазикорня включается еще один согласный. Таким образом, объединяющий корреляты конструкт имеет структуру СГ(С)С и отождествляется в восприятии с нормальной для русского языка корневой морфемой, становясь, по определению Г. В. Векшина [Векшин 2006: 113], «простейшим психологическим и конструктивным, ядерным звеном» звуко-смысловой непрерывности текста.

Паронимическая формула «женщина – нежность»

Как справедливо отмечает М. Ю. Лотман, в ПА вступают не случайные слова, а своего рода мифологемы [Лотман М. 1979: 103]. В случае ПА лексемы *женщина* с теми, что представляют концепт «нежность», фоносемантическое сближение мотивируется характерным для русской языковой картины мира представлением о *нежности* как неотъемлемом качестве *женского* гендера, для которого характерны (в полном соответствии со значением соответствующей лексемы) ласковость, мягкость в обращении, слабость.

Обратившись к НКРЯ, мы легко найдём тому подтверждение в упоминаниях *нежного пола*,

начиная с XVIII в. до наших дней (всего найдено 45 употреблений словосочетания в 36 документах основного, поэтического и газетного корпусов).

В поэзии не так много обращений к *нежному* гендеру: *Увы! нет сил мне быть ни в малом вам подобным, Но чувствую себя сие сказать способным, Что сколько нежный пол природой одолжен, Столь миру заслужил, и стал им обожен* (М. И. Попов, «Собрание прелестей, веселия престол...», 1772); *Цвети, о нежный пол! и сыпь на нас цветы!* (Н. М. Карамзин, Послание к женщинам, 1796); *С тех пор как нежный пол смеётся сердца стонам, Амур в моем саду грозит одним воронам* (И. И. Дмитриев, «С тех пор как нежный пол смеётся сердца стонам...», 1810); *Давно разрешено сомненье, Что любопытен нежный пол* (М. Ю. Лермонтов, «Тамбовская казначейша», 1838); *Она хоть нежный пол и ходит в кринолине, Но не уступит прав на кафедру мужчине* (А. И. Фет, «Тебя искал мой стих по всем концах земли...», 1864).

Основной массив примеров представлен в прозе. Так, в «Пересмешнике» М. Д. Чулкова (1766–1768) есть такой пассаж: *Женщины украшали мужчин цветами и, украсив, любовались ими, осызали их, целовали, ласкали и, словом, показывали им все те приятности, коими наградила природа нежный пол женский*, а далее писатель отмечает и «все те слабости, которым подвержен нежный пол». А И. М. Долгоруков в своей «Повести о рождении...» (1799) упоминает «опасности, которой сей нежный пол подвергается с людьми развращёнными», а Т. Г. Шевченко в повести «Капитанша» (1855) рассуждает об «опасном влиянии на нежный пол» бравых гвардейцев. В классической русской литературе можно найти и упоминания о том, как *дамы, нежный пол*, при виде драки в присутствии от испуга падают в обморок и поднимают крик, проявляя свою слабость (М. А. Салтыков-Щедрин, Статьи из «Современника», 1863), или о том, как *нежный пол* «питал элегантную слабость» к шармеровским пиджакам и неустрашимому присутствию духа одного *monsieur*, усмирившего в одиночку бунт (В. В. Крестовский, Панургово стадо, 1869). А. С. Грин в «Жизнеописаниях великих людей» (1913) характеризует устами персонажа *нежный пол* как «самую лакомую сла-

дость». В XX–XXI вв. *нежный пол* становится распространённым синонимом *слабого пола*: *Чесать репы на предмет того, куда пристроить нежный пол, а куда все-таки не следует, военачальникам дозволено до 2016 года* (Комсомольская правда, 2013); и при этом *нежность* приписывается гендеру как мужчинами: *Представительница нежного пола* запоминает порой такие твои фразы, которые ты сам не вспомнишь уже через минуту после того, как произнёс (АиФ, 2003), так и самими женщинами: *И у нас, девушек, есть право хоть раз в году почувствовать себя слабым и нежным полом, прекрасной половиной человечества* (АиФ, 2004).

Эти устойчивые представления о женщинах как воплощении *нежности* (во всех её смыслах) предопределяют возникновение поддержанных ПА отношений предикации как при контактном, так и при дистантном употреблении соответствующих лексем.

Нежность как неотъемлемое качество женщины при контактной ПА представлена в генитивных конструкциях со значением неотторжимой принадлежности: *В форме каждого злого пальчика — Нежность женщины, дерзость мальчика* (М.И. Цветаева, «Ты проходишь своей дорожкой...», 1915), или в сочетаниях с притяжательным прилагательным *женский*: *Есть нежность женская* (А.И. Несмелов, О нежности, 1924).

Контактно в характеризующем значении используется качественное прилагательное *нежный*: *Лик женщины нежной и кроткой* (М.О. Цетлин (Амари), *Смерть невесты*, 1906); *На старом бульваре, под старым каштаном, Где столько дорог человечеством пройдено, Легко ль очутиться бездомным, беситанным, Без женщины нежной и даже без родины?* (П.Г. Антокольский, *Новогодняя кинохроника*, 1938); *Не смогла ты холодным блеснуть метеором, Слишком женщиной, нежной и теплой, была ты* (Н.М. Коржавин, «Ты сама...», 1941); *И нежной женщины крылатая рука Вдруг позовет ребенка...* (Ю.П. Мориц, *Встреча*, 1979). Прилагательное в краткой форме может использоваться в позиции предиката контактно (*Женщина нежна*), однако в рассмотренном материале появляется на некоторой дистанции, поддерживаясь структурно-синтаксическими отношения-

ми и характеризуя женщину-субъект: *О как была нежна и хороша Та женщина, чей дух передо мной* (Ю.П. Кузнецов, «Задумавшись, я был ни тут, ни там...», 1993).

Наречие *нежно* связано контактной ПА с существительным *женщина*, однако используется как квалификатор действий субъекта: *И в небесах гудит пропеллер, Но нежно женщины страны Поют теперь, как прежде пели, Святые песни старины* (А.И. Несмелов, *Как на Россию непохоже*, 1940), и в приведённом контексте контакт двух аттрактантов позволяет рассматривать их как единую номинацию денотата «женская нежность / нежная женственность», в сравнении с денотатом «грубая жестокость», представляющим реальность.

Женщина может быть как субъектом, так и объектом *нежности*: *Есть нежность женская, она всегда лукава, Кошачья в ней и вкрадчивая лесть. <...> Есть нежность к женщине. Она на сердце ляжет, Когда в пути, руке твоей отдав Свою всю слабость и свою всю тяжесть, Обнимет сил лишующий удав* (А.И. Несмелов, О нежности, 1924), здесь ПА в сопоставлении женской и мужской *нежности* проявляет признак ‘сила в слабости’. «Двойная» *нежность*, чувство, связующее влюблённых, характеризует женщину в субъектно-объектной позиции: *Он любил: Он нежной женщине нежнейшим другом был* (Н.М. Карамзин, *Послание к женщинам*, 1796); в некоторых случаях краткое прилагательное в позиции предиката соотносится с *мы* инклюзивным, объединяющим *я* и *ты*: *В те минуты мы особенно нежны И женщина нам кажется мучительно красивой, Когда душе предчувствия ясны Неотвратимого разрыва* (А.Б. Мариенгоф, «В 0.30 отходит курьерский...», 1939), и всё же, благодаря контактной ПА, именно женщина воспринимается как носитель «эталонного» качества ‘быть нежным’.

Этим объясняется множество сравнительных конструкций, среди которых доминируют те, в которых используются простая и превосходная степени сравнения прилагательного *нежный* и наречия *нежно*. В этом случае возможно сравнение «эталонной» женщины с другими: *И снилась женщина, нежнее, чем сестра, Истомные глаза*

и голос детски-свежий (Г.В. Голохвастов, *Одиночество*, 1903), а женщина может быть как предметом сравнения: *И вы, о женщины, нежнее вешних роз, Над птицей раненой ручьи прольёте слез...* (П.Д. Бутурлин, *Ad multas*, 1880); [о музе поэта] *По октябрю, по болдинской аллее / уходит вдаль, слезы не обронив, — / Нежнее женщин и мужчин вольнее, / чтоб заплатить за тех и за других* (Б.А. Ахмадулина, «Теперь о тех, чьи детские портреты...», 1973), так и его образом: *Смотрели лани кроткими глазами На женщину, нежнее, чем оне...* (В.А. Меркурьева, «За лепестки, что как улыбки были...», 1928); *Плачешь ты и просишь ты о многом, И не знаешь, что мечта твоя Как невеста медлит за порогом Твоего земного бытия. Переступишь — и к тебе прижмётся, Самой нежной женщины нежней...* (Д.И. Кленовский, «Плачешь ты...», 1948). При этом нежность мыслится признаком сравнения: *Хрупкие кости (Нежнее сахара) Весёлых женщин И романтических мальчиков* (В. Блаженный, «Вселенная перемалывает жерновами смерти...», 1941), здесь ПА как бы «удваивает» признак сравнения: *кости — нежнее сахара, нежнее женщин*, в первом случае в образе сравнения *сахар* акцентируются семы 'белый' (при имплицитном, но очевидном сравнении *кости белее сахара) и 'нежный, сладкий', а потенциально и 'слабый' (сахар легко растворяется, теряя свою твёрдость и крепость), именно эти семы доминируют в значении привлечённого к сравнению паронима-аттрактанта *женщина*. Достаточно в изученном материале и конструкций с маркером сравнения *как*, в них *женщина* — образ, а *нежность* — приписываемый предмету признак сравнения: А.Б. Мариенгоф, например, упоминает *руки царя Ирода Нежные, как женщина на заре* («Руки царя Ирода...», 1919); у Д.Л. Андреева найдем образ *нежной, как женщина, луны* («Лунная мелодия», 1950). Встречаются и метафоры-сравнения, выраженные творительным падежом: *Нежным телом волна — / гордой женщиной саги и эдды — / обвивает утёс, обладаньем сильна / и взволнована счастьем победы* (А.В. Фотинский, *Гибель Гельгоlanda*, 1929).

Особый интерес представляют случаи дистантной ПА, которая тем не менее формирует

представление о неразрывной связи женщины и нежности.

Образ женщины кристаллизуется из нежности, разлитой в природе, — тем самым связывается макрокосм и микрокосм, а ПА порождает сравнение, образ *дождя, нежного как женщина: Бьет древний, нежный, холодный дождь / И в женщинах шум звонкий роц* (В.А. Моница, *Весна-река*, 1925–1926), или в окружающем человека мире: *В нежном свете гаснущего газа мелькают женщины, как летучие мыши* (И.Г. Эренбург, «В нежном свете...», 1913).

Знаком присутствия женщины не только в пространстве и предметном мире, но и во времени могут быть «нежности», то есть нежные чувства и эмоции: *Пусть этот чайник ясный, В час нежный отразит Лик женщины прекрасной И алый цвет ланит* (В.Я. Брюсов, *Китайские стихи*, 1914); *боль нежнейшую* ассоциирует при дистантной ПА с каждой из *женщин* В.И. Нарбут (*Самое*, 1916). Нежность чувств (сердца) и души может быть как манифестацией женской сущности: *Женщина вся в нежном сердце и в мягкости линий, Женщина вся в чистоте, в непорочности чувства* (К.К. Случевский, *Мои желанья*, 1860), так и обманутым ожиданием, если в женщине отмечается (в противовес мужской) «нулевая нежность», делающая её «ненастоящей», ненужной: *Я всегда хотел, чтоб сердце меньше Билось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин — Легкодумных, лживых и пустых!* (С.А. Есенин, «Может, поздно, может, слишком рано...», 1925).

Таким образом, ПА, даже при дистантном расположении аттрактантов, иконически указывает на женщину и нежность в их единстве, обозначая некоторую сущность поэтического мира и порождая, благодаря возникающим отношениям предикации, серию высказываний о ней: «Женщина есть нежность», «Нежность есть проявление женщины», «Нежность — особое женское качество», «Женщина есть эталон нежности», «Женщина есть нежности, то есть поступки и слова, выражающие нежные чувства», «Существуют нежность женская и нежность мужская», «Женщина дарит и получает нежность» и т.п.

Паронимическая формула «нежный, нежно, нежность – нужно»

Нежность называется *нужной*, прежде всего, как воплощение высокого, божественного: *Попечение об нас божие колы нежно, Видишь, сколь нужен солнечный нам в свете свет* (В. К. Тредиаковский, Феоптия, 1750), которое, однако, может не быть востребовано: например, О. А. Седакова упоминает избыток дареного, *нежного, уже не нужного света* (Земля, 1987–1990), подкрепляя формульную ПА консонансом (уже не), созвучным каждому из объединяемых аттракцией квазиморфов.

Синонимизируются и *нежность* и «*нужность*» в их земных воплощениях, называя оттенки качеств, связанных причинно-следственными отношениями: *От нежных драм, <...> От нужных чудакам Отеллам драм, Весёлый странник, обратись к дверям...* (М. А. Тарловский, *Весёлый странник*, 1935); *Друг любимый, драгоценный, безупречный, Милый-милый, бедный — нежный! — нужный друг* (Д. Кнут, «Расколосось наше счастье, размолосось...», 1938); *Я был тогда нежней, Я был тогда себе нужней, А нынче стал нужней другим* (Д. Самойлов, «Как поумнел я с той поры...», 1957). Порой даже сообщается о *нужном — нежно*: *И сказал-пропел, окарин нежней: «Вам оно нужней!»* (А. И. Несмелов, «Кто из жизни в смерть перекинет мост?», 1924–1945). Часто ПА подкрепляется рифмой, и постановка аттрактантов в семантически сильную позицию [Григорьев 1979: 148] связывает их отношением предикации (*нежность*_s *нужна*_p) вне зависимости от реальных синтаксических связей в тексте: *Сеча теменью по темени — как мачеха нежна, / и отдал бы башку, да самому нужна* (О. Г. Чухонцев, *Осажденный*, 1960).

Как правило, утверждается *нужность нежности/нежностей*: *Мне все понятно: этот нежный час И что для счастья нужно очень мало* (Ф. Дмитриева, *Снежный поцелуй*, 1940). Но и *ненужная нежность* встречается часто: *Я совету удивилась И на друга рассердилась, Что глаза его нежны: «И на что вы мне нужны?»* (А. А. Ахматова, *Сказка о черном кольце*, 1917); *Дети, как цветы, нежны, Цветы бойцам не нужны* (М. М. Шкапская, «Как камню идти ко дну...», 1925); *Что мне сила моя, что моя бесполезная нежность — Мне она не нуж-*

на, потому что тебе не нужна (Л. А. Алексеева, «Пахнет горькой водой и медузами...», 1964). Более того, *нежность* иногда трактуется как причина *ненужности*: *Ты мать и мачеха, для кого когда, А для меня была так всегда нежна, Что я самой себе стала не нужна* (А. А. Галич, *Песня-баллада про генеральскую дочь*, 1966).

Особо отметим те контексты, в которых *нежность* подразумевает присутствие в поэтической ситуации **женщины*, хотя её образ не эксплицирован соответствующей лексемой, а угадывается благодаря другим его словесным знакам (например, местоимениям *вы, ты*) или ассоциациям: *Мы / теперь / к таким нежны — / спортом / выпрямишь не многих, — / вы и нам / в Москве нужны, / не хватает длинноногих* (В. В. Маяковский, *Письмо: Татьяне Яковлевой*, 1928); *Ведь только ты одна всегда, всегда нежна, В печальной осени душе всегда нужна* (И. Северянин, *Ведь только ты одна!* 1929).

Так, ПА выявляет амбивалентность «*нужности*» *нежности*, ассоциируя её с *женщиной* в пропозициональной форме «*Нежность (женщина)*_s *нужна / не нужна*_p».

Паронимическая формула «женщина – нужно»

В этом сегменте формульной парадигмы конкретные случаи ПА различаются, прежде всего, синтаксически. И, как ни странно, семантически они чаще отражают ту или иную «ненужность».

У М. Ю. Лермонтова найдем разность представлений о том, что *нужно* мужчинам (*здоровье и не мешкать*) и женщинам (*Парни питомец нежный*) («*Девятый час уж...*», 1832), у С. Е. Нельдихена — утверждение: *Любви, положим, теперь нет. Но всё равно, женщине теперь нужно одно: Забыться* (Праздник, 1920), здесь *забыться* значит предаться (возможно, нежным) грезам. Итак, можно предположить: *женщине нужна нежность*. Впрочем, в картотеке исследования есть пример вполне материальных женских желаний: Н. И. Глазков (*Одиночество*, 1950) полагает, что *женщинам* (как и всем) *нужны* *автомобили, трактора и швейные машины*.

Что же *не нужно* женщинам? Книги

(И. А. Крылов, К другу моему, 1778), *объясняя* (П. А. Вяземский, К друзьям, 1814–1815), *третий* в любовном треугольнике (Д. Самойлов, Беатриче, 1985), *огромный мир* (В. Блаженный, «Трепещущая плоть женщины...», 1990).

Часть корреляций затрагивает непростые отношения женщин и мужчин: *Но, женщины, у вас каприз один: Вам нужны те, которым вы не нужны* (А. А. Фет, Откровенность, 1840) — здесь ПА акцентирует амбивалентность (не)нужности; *Мне нужна не женщина, мне нужна лишь тема* (А. Н. Вертинский, Полукровка, 1930) — в этом случае речь, скорее, не о женщине, а о её нужной духовной и не нужной телесной ипостаси, что подразумевает имплицитная ПА тема 'идея' — *тело; и в этих отношениях залогом нужности может стать подразумеваемая обоюдная нежность (в следующем примере с ней ассоциируются любимые по ночам женщины и, соответственно, *нежности): *Кому еще нужны мы, кроме / любимых женщин по ночам?* (Г. С. Семенов, Другу, 1962). Вместе с тем, ненужность мужчины становится своего рода тестом на женственность: *Пусть дней немало вместе пройдено, Но вот — не нужен и чужд, Ведь вы же женщина — о Родина!* (А. И. Несмелов, Переходя границу, 1931).

Как можно заметить, ПА создает следующие пропозициональные смыслы: «Женщина нужна / не нужна», «Нежность нужна женщине», «Женщине не нужно ничего, кроме нежности».

Паронимическая формула «жизнь – нежное, нежность»

ПА в этом сегменте наиболее частотна: в поэтическом подкорпусе НКРЯ обнаружилось 78 примеров (почти половина от общего числа) корреляций лексемы *жизнь* с именованями разного рода «нежностей».

При контактной ПА *нежное* принадлежит жизни: *Как всё это нежно в жизни, Как это в природе грубо!* (Н. Н. Ушаков, 1931), а *жизнь* либо погружается в нежность: *опасностей те не встречаются, Коих вся в нежности жизнь протекает* (Г. Р. Державин, Пиндарова олимпийская первая песнь, 1805), либо идет с ней бок о бок: *на дыбе нежность, жизнь на плахе* (С. И. Кирсанов, Эдем,

1945). *Жизнь* и сама характеризуется как *нежная*: например, у В. И. Иванова *вне времени, пределов и пространств / плывёт и жизнью нежной дышит / душа* (Дриады, 1904); *милые обличья жизни нежной* упоминает В. Я. Брюсов (Лишь миги, 1921). Даже на некоторой дистанции, благодаря формальной субъектно-предикатной синтаксической структуре аттрактанты кажутся неразрывно связанными: *О, как нежна, как упоительна Жизнь мотыльков!* (В. В. Гофман, Мотыльки, 1902); *Жизнь оправдается, нежна и синеока* (А. С. Кушнер, «В отчаянье или в беде...», 1990); *Пусть трепещет мгла и бездна в глубине, где жизни влага — Нежнее памяти, которая плывет Во сне волнами...* (Ю. П. Мориц, «Нежнее памяти, которая во сне...», 2008).

ПА связывает и *жизнь* с её нежными проявлениями-атрибутами в олицетворяющих генитивных метафорах: *нежный ропот жизни* встречается у Н. М. Минского (Мелодия, 1907), *нежный жизни шелест* у Ю. П. Мориц (Ничтожный повод, 1986); *жизни нежный гений* у К. Д. Бальмонта («Уходят дни...», 1893), *жизни нежное дыхание* у А. П. Платонова (Вечер после труда, 1919), *жизни нежный волосок* у С. В. Петрова (Агностицизм, 1933), *жизни нежное начало* у А. С. Присмановой («Нежнейших чувств дано нам только пять...», 1933), *линия нежная жизни* у И. В. Чиннова («Эта нежная линия счастья...», 1965) и др.

Жизнь может нежно проявлять себя, совершая какие-то действия: *Я ждал, что вспыхнет впереди Заря и жизнь свой лик покажет И нежно скажет: «Иди!»* (Ф. К. Сологуб, «Я ждал...», 1892); *Заслонив свечу рукою, Снова вижу, как во мне Жизнь рубиновую кровью Нежно светит на огне* (И. А. Бунин, При свече, 1906). *Жизнь* проявляется и в аркадских песнях *нежных* (Н. М. Карамзин, Лавиния, 1789), *в восторге нежном сердец* (В. В. Капнист, Ода на счастье, 1792), *в дружбе нежной* (Н. А. Львов, «Сердце, счастьем растворённо...», 1796), *в страсти нежной и сердце нежном* (Е. П. Растопчина, «Была весна...», 1848), то есть в основном в нежных чувствах, эмоциях, отношениях.

Нежность может восприниматься и как отблеск угасающей жизни — в природе: *Утро поднимется выше и за город выйдет, / и останется от*

жизни лишь нежно-противная нестрадь (С. В. Петров, Рынок, 1940), и в человеке (о чем речь пойдет еще дальше). *Жизнь* при этом как оживляет нежность: *жизнь* <...> *в лице прекрасном, юном, нежном* (Г. Р. Державин, Провидение, 1794); *Ах, это нежное лицо, И эта жажда жизни смелой...* (М. А. Кузмин, Вступление, 1924), ср. *Поцеловал он нежные ланиты — И краски жизни им возвращены* (М. Ю. Лермонтов, Измаил-бей, 1832), так и (в редких случаях) стирает её с лиц: *Наши нежные лица от прожитой жизни черны* (А. П. Цветков, «Надвигается вечер...», 1978). И в таких случаях можно говорить о том, что ПА «стягивает» аттрактанты, придавая цельнооформленность олицетворяющей жизнь антропоморфной метафоре (*нежное лицо / нежные ланиты жизни*).

Довольно много связанных ПА компаративных тропов, где *жизнь* — это и предмет сравнения: *Людская жизнь течёт, Как нежный, снежный, краткий Сквозной водоворот* (А. Белый, Зима, 1908); *жизнь* <...> как *воздух нежный, земляничный* (П. Н. Васильев, Христоробовские ситцы, 1935); *О, до чего эта жизнь хороша и сладка, Шёлка нежней, бархатистого склона покатай!* (А. С. Кушнер, Пчела, 1980), и образ сравнения для чего-то *нежного*: *Тихий, бурный, нежный, стройно-важный, Ты — как жизнь* (К. Д. Бальмонт, Воззвание к Океану, 1903); *нежные стихи — сгоревшей жизни прах* (Г. А. Шенгели, Февраль, 1926). Паронимы-аттрактанты встречаются и в сложных образах, указывая на один денотат: *Ведь рифмы — это грустной жизни розы, Моя любовь — их нежный аромат* (Т. Л. Щепкина-Куперник, Тебе, 1901) — ПА имплицитно сравнение *нежность жизни — аромат роз, Отпылало лёгкой жизни пламя, Нежный мир испепелён* (О. Э. Мандельштам, Неизвестному солдату, 1925) — здесь ПА образует номинацию *нежный мир жизни*.

Наконец, аттрактанты *нежность* и *жизнь* в некоторых случаях вступают в потенциальную ПА с представленной имплицитно (на что указывают контекстуальные синонимы) лексемой **женщина*: например, *милую называет жизни спутницей и нежною подругой* К. П. Масальский (Последние средства, 1828), ср.: *Пойдем, мой нежный*

друг, — Там жизнь, цветы и аромат у И. О. Ляличкина (Серенада, 1891).

Возникающая при ПА предикация позволяет вывести суждения: «Жизнь есть нежность», «Нежность есть проявление жизни», а общий компонент *нежность*, связывающий две формулы, и суждение «Женщина есть жизнь».

Контексты, отмеченные многокомпонентной формульной ПА

Исследование позволило обнаружить контексты, в которых встречаются все или многие компоненты рассматриваемой формульной парадигмы.

Например, в «Послании женщинам» Н. М. Карамзина (1796) *нежная женщина* привносит *цвет жизни*, а в *жизни нежные души* (к *нежнейшей женщине* присоединяется ее *нежнейший друг*) оказываются по воле поэта в *хижине* (и нельзя в этой связи не вспомнить о «рае в шалаше с мылом»). *Женщина*, таким образом, воплощает и *жизнь*, и *нежность*.

Лирическому герою стихотворения «Мои желания» К. К. Случевского (1860) *нужны женщина* *вся в нежном сердце* и **нежности — ясные очи* <...> и *подчас поцелуи*, именно с ними ассоциируется *жизнь*. *Жизнь* тем самым состоит в *нужности женщины и нежности* (или *женской нежности*).

В стихотворении Т. Л. Щепкиной-Куперник «У могилы Чехова» (1912) даже при дистантном расположении аттрактанты формируют звуковой образ: *Он с нами навсегда: <...> И в нежной девушке в задумчивости взгляда, И в скорбной женщине с надломленной душой, <...> И будет жизнь ещё прекрасной и святой!* — ПА позволяет выделить «свёртку» образа и актуализировать пропозицию «В нежной женщине — жизнь».

В «Буре» М. Л. Михайлова (1855) появляется *прекрасная / больная женщина, / нежно-прозрачная*. В проекции на болезнь *нежность* (пусть и *прозрачная*, а потенциально при имплицитной ПА и **призрачная*) ассоциируется с проблесками *жизни в женщине* (эта ассоциация поддерживается устойчивостью корреляций *жизнь — нежность* и *женщина — нежность*). Вместе с тем определённый оттенок к подобной интерпретации

добавляет сопоставление с «Расставаньем» Д. Самойлова (1966): *Расставанье, Мне уже не нужно, Стонешь ты, как женщина недужная, Где-то за туманной пеленой* — здесь ПА позволяет охарактеризовать *недужную женщину* (больную) как *недужную*, в полном соответствии с народной мудростью, согласно которой «нужна жена здоровая».

Заключение

Рассмотренная парадигма паронимов-аттрактантов, безусловно, может быть названа устойчиво воспроизводимой как в отдельных идиолектах, так и в поэтическом языке в целом на протяжении трёх веков развития русской поэзии. «Формульность» ПА в ней определяется как её неизменностью, так и способностью кратко и точно выражать определённые представления об именуемых аттрактантами сущностях и продуцировать суждения, напоминающие математические формулы-уравнения.

Паронимические формулы позволяют определить концепты-мифологемы «жизнь», «женщина», «нежность» благодаря установлению даже при дистантном расположении аттрактантов логико-семантических отношений предикации. При этом каждый из аттрактантов может быть как «определяемым», так и «определяющим», в зависимости от принятой интерпретатором текста точки зрения и избранного фокуса контраста. Микропропозициям, которые в большинстве своём уже были приведены в ходе анализа, соответствует макропропозиция, объединяющая все элементы парадигмы: «Женщина (S) есть жизнь (P1), нежность (P2) и нужность (P3)». Она может трансформироваться и расширяться и за счёт новых комбинаций элементов формульной парадигмы, и за счёт привлечения к ПА новых номинаций, варьирующих базовую консонантную квазиоснову.

ЛИТЕРАТУРА

- Быстрова, Левицкий 1973 — Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1973 (26, 6): 501–601.
- Векшин 2006 — Векшин Г. В. *Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования*. М.: МГУП, 2006. 462 с.
- Векшин 2008 — Векшин Г. В. Метафония в звуковом по-

вторе (к поэтической морфологии слова). *Новое литературное обозрение*. 2008, (90): 229–250.

Григорьев 1979 — Григорьев В. П. *Поэтика слова*. М.: Наука, 1979. 343 с.

Григорьев и др. 1992 — Григорьев В. П., Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. *Материалы к словарю паронимов русского языка*. М.: ИРЯ РАН, 1992. 293 с.

Кожевникова, Петрова 2009 — Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. О словарном описании паронимии. В кн.: Кожевникова Н. А. *Избранные работы по языку художественной литературы*. М.: Знак, 2009. С. 409–412.

Невзглядова 1969 — Невзглядова Е. В. Явление семантического осложнения в поэтической речи. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1969 (28, 2): 148–154.

Северская 2015 — Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте. В кн.: *Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв.* Фатеева Н. А. (отв. ред.). М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.

Северская 2018 — Северская О. И. Паронимические формулы в словарях поэтического языка и идиолектах поэтов XX–XXI вв. В сб.: *Современные проблемы авторской лексикографии*. Шестакова Л. Л. (отв. ред.) М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 268–280.

Cohen 1966 — Cohen J. *Structure du langage poétique*. Paris: Flammarion, 1966. 233 p.

Gauthier 1973 — Gauthier M. *Les équations du langage poétique*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud 1967 — Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris: Larousse, 1967. 211 p.

Lord 1970 — Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. В кн.: *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Vol. II. Bucarest: Éditions de l'Académie de la Roumanie, 1970. P. 433–441.

Lukashanec 2018 — Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. В кн.: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Liashchova L. (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 179–189.

Meul 2013 — Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. В кн.: *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 68–94.

Valesio 1974 — Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. В кн.: *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: Società ed. il Mulino, 1974. P. 1006–1016.

REFERENCES

- Быстрова, Левицкий 1973 — Bystrova L. V. Levitskiy V. V. Phonetic similarity of semantically related words. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1973 (26, 6): 501–601. (In Russian)
- Векшин 2006 — Vekshin G. V. *An essay on phonostylistics of the text. Sound repetition in the perspective of meaning formation*. Moscow: MGUP Publ., 2006. 461 p. (In Russian)
- Векшин 2008 — Vekshin G. V. *Metaphony in sound repetition*

(to the poetic morphology of the word). *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2008, (90): 229–250. (In Russian)

Григорьев 1979 — Grigor'iev V. P. *Poetics of the word*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 343 p. (In Russian)

Григорьев и др. 1992 — Grigor'iev V. P., Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Iu. *Materials for the dictionary of paronyms of the Russian language*. Moscow: Russian language institute of RAS Publ. 292 p. (In Russian)

Кожевникова, Петрова 2009 — Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Iu. On the lexicographic description of paronymy. In: Kozhevnikova N. A. *Izbrannyye raboty po iazyku khudozhestvennoy literatury*. Moscow: Znack Publ., 2009. P. 409–412. (In Russian)

Невзглядова 1969 — Nevzglyadova E. V. The phenomenon of semantic complication in poetic speech. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i iazyka*. 1969 (28, 2): 148–154. (In Russian)

Северская 2015 — Severskaya O. I. Paronymic attraction as a phenomenon of interlayer interaction in language and text. In: *Osnovnye tendentsii razvitiya poeticheskogo yazyka v XX–XXI vv.* Fateeva N. A. (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2015. P. 20–107 (In Russian)

Северская 2018 — Severskaya O. I. Paronymic formulas in dictionaries of poetic language and idiolects of poets of the XX–XXI centuries. In: *Sovremennyye problemy avtorskoj leksikografii. Sbornik nauchnykh statej*. Shestakov L. L. (ed.). Moscow: RLI of RAS Publ., 2018. P. 268–280. (In Russian)

Cohen 1966 — Cohen J. *Structure du langage poétique*. Paris:

Flammarion, 1966. 233 p.

Gauthier 1973 — Gauthier M. *Les équations du langage poétique*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud 1967 — Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris: Larousse, 1967. 211 p.

Lord 1970 — Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. In: *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Vol. II. Bucarest: Éditions de l'Académie de la Roumanie, 1970. P. 433–441.

Lukashanec 2018 — Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. In: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Liashchova L. (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 179–189.

Meul 2013 — Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. In: *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 68–94.

Valesio 1974 — Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. In: *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: Società ed. il Mulino, 1974. P. 1006–1016.

[хроника]

МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-РУСИСТОВ СОСТОЯЛСЯ В ВЕНГРИИ

19 ноября в Российском культурном центре прошёл методический семинар для венгерских преподавателей-русистов с участием руководства Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и коллег из Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Состоялась презентация национально-ориентированного учебно-методического комплекса «Мост дружбы. Учим русский самостоятельно и на уроке», разработанного совместным российско-венгерским коллективом авторов — специалистов из Российского университета дружбы народов и Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Учебник адресован венгерским студентам и школьникам, начинающим изучать русский язык и может быть использован при смешанном и дистанционном обучении. Соавторы пособия с российской стороны — доктор педагогических наук, профессор Ольга Ивановна Руденко-Моргун и кандидат педагогических наук, доцент Алла Леонидовна Архангельская приняли участие в обсуждении методических вопросов в онлайн-формате, продемонстрировали типы заданий и рассказали о методике использования печатного и цифрового контента учебника «Мост дружбы»

при смешанном обучении. Было подчеркнуто, что благодаря технологическим решениям учебный комплекс представляет собой модель, на основе которой могут быть разработаны другие национальные учебники. Профессор, кандидат филологических наук, Мария Янкович и кандидат педагогических наук, профессор Светлана Хамшовски, принявшие участие в разработке учебно-методического комплекса с венгерской стороны, обратили внимание присутствующих на актуальность печатного и электронного изданий для молодёжи, изучающей русский язык в Венгрии.

Старший преподаватель РУДН Ольга Михайловна Кутсони в очном режиме поделилась опытом организации педагогического взаимодействия в онлайн-среде, проектирования онлайн-урока по РКИ, а также методическими приёмами обучения русской грамматике в очном и онлайн-форматах. В завершение провела мастер-класс для изучающих русский язык с использованием видеосюжетов о том, как молодые люди проводят свободное время и о студенческой жизни в России.

21 ноября для студентов Будапештского экономического университета прикладных наук Ольга Михайловна Кутсони провела занятие по теме «Маркетинг и реклама».

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ «УЧИТЕЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ», ПОСВЯЩЁННЫХ ПЕРЕХОДУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ДИСТАНЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ

KSENIIA A. VOZMISHCHEVA

EMOTIVE VOCABULARY IN THE PUBLICATIONS OF THE "UCHITELSKAYA GAZETA" ("TEACHER'S NEWSPAPER")
DEDICATED TO THE TRANSITION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS TO REMOTE FORMS OF WORK

**Ксения Александровна
Возмищева**

Аспирант

► gimnaz46_vozmishheva@mail.ru

Вятский государственный университет
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36

Kseniia A. Vozmishcheva

Vyatka State University
36, ul. Moskovskaya, Kirov, Russia, 610000

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей семантики и функционирования эмотивной лексики в публицистической разновидности педагогического дискурса. Исследование эмотивных аспектов языка и речи является одним из перспективных направлений современной лингвистики, однако, несмотря на многочисленные исследования, существуют трудности научного описания и классификации эмотивных языковых единиц. Под эмотивной лексикой в работе вслед за Л. Г. Бабенко понимается совокупность лексики эмоций и эмоциональной лексики в их традиционном осмыслении. Педагогический дискурс рассматривается в своей публицистической разновидности на материале «Учительской газеты». Целью данной статьи является характеристика эмотивной лексики, представленной в публицистической разновидности педагогического дискурса, в семантическом, морфологическом и ситуативно-тематическом аспектах. Материалом исследования послужили публикации «Учительской газеты», посвященные переходу образовательных учреждений на дистанционный формат обучения в связи с пандемией коронавируса. Отбор языкового материала проводился методом сплошной выборки. Новизна исследования заключается в том, что объектом изучения становится языковой материал, который ранее не был объектом специального рассмотрения. В работе использовался метод дискурсивного анализа, компонентного анализа, метод семантических полей, метод количественных подсчётов. Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов о функционировании эмотивной лексики в публицистических высказываниях участников педагогического дискурса. Во всех типах источников лексика эмоций незначительно преобладает над эмоционально окрашенными единицами. Среди лексики эмоций единицы с отрицательной оценкой значительно преобладают над единицами с положительной оценкой в высказываниях учителей и родителей, а в речи школьников и студентов встречаются примерно в равных пропорциях. Во всех источниках языкового материала представлены семантические группы «напряжение, усталость» и «беспокойство, страх». Среди эмоционально окрашенных лексических единиц преобладает эмоционально-окрашенная лексика, представленная различными частями речи, отмечены единичные случаи усиления эмоциональности за счёт использования устойчивых выражений, средств словообразования и иронии.

Ключевые слова: эмотивная лексика; вербализация эмоций; лексика эмоций; эмоционально окрашенная лексика; педагогический дискурс; «Учительская газета».

The article explores the features of semantics and functioning of emotive vocabulary in the journalistic variety of pedagogical discourse. The study of emotive aspects of language and speech is one of the promising areas of modern linguistics, however, despite numerous studies, there

are difficulties in the scholarly description and classification of emotive language units. Emotive vocabulary in the work, following L.G. Babenko, is understood as a set of vocabulary of emotions and emotional vocabulary in their traditional understanding. Pedagogical discourse is considered in its journalistic variety on the material of the "Uchitelskaya Gazeta" ("Teacher's Newspaper"). The purpose of the article is to characterize the emotive vocabulary presented in the journalistic variety of pedagogical discourse, in semantic, morphological and situational-thematic aspects. The research material was the publications of the "Teacher's Newspaper" devoted to the transition of educational institutions to a distance learning format in connection with the coronavirus pandemic. The selection of language material was carried out by the continuous sampling method. The novelty of the study lies in the fact that the object of study is language material that has not previously been the object of special consideration. The method of discursive analysis, component analysis, the method of semantic fields, the method of quantitative calculations were used in the work. The conducted research allows us to draw a number of conclusions about the functioning of emotive vocabulary in the journalistic statements of participants in pedagogical discourse. In all types of sources, the vocabulary of emotions slightly prevails over emotionally colored units. Among the vocabulary of emotions, units with a negative assessment significantly prevail over units with a positive assessment in the statements of teachers and parents, and in the speech of schoolchildren and students they occur in approximately equal proportions. The semantic groups "tension, fatigue" and "anxiety, fear" are presented in all sources of language material. Among emotionally colored lexical units, emotionally colored vocabulary prevails, represented by various parts of speech, isolated cases of increased emotionality due to the use of stable expressions, means of word formation and irony are noted.

Keywords: emotive vocabulary; verbalization of emotions; vocabulary of emotions; emotionally colored vocabulary; pedagogical discourse; "Uchitelskaya gazeta" ("Teacher's Newspaper").

Введение

Изучение эмоций и средств их выражения в речевых актах является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Наука, занимающаяся изучением языкового отражения эмоций, получила название эмотиология, а лексика, способная называть, описывать и выражать эмоции, — эмотивной.

Наше исследование посвящено анализу эмотивной лексики в педагогическом дискурсе, под которым мы вслед за Н.С. Остражковой понимаем «профессиональное общение теоретиков-исследователей, педагогов-практиков и обучающихся в устной или письменной форме, непосредственное или опосредованное специальной лите-

ратурой» [Остражкова 2004: 8]. Мы обратились к анализу публицистической разновидности педагогического дискурса, к которой, согласно классификации Н.С. Остражковой, относятся публикации о проблемах образования в средствах массовой информации, в том числе в периодических изданиях [Остражкова 2004: 8]. Источником языкового материала для нашего исследования послужили статьи «Учительской газеты» [Учительская газета], посвящённые переходу образовательных учреждений на дистанционные формы работы в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Вынужденное обращение участников педагогического дискурса к электронно-опосредованной коммуникации вызвало у них противоречивые чувства и оценки. О различном отношении членов социума к электронно-опосредованной коммуникации см., например, [Авдеева 2020]. Настоящее исследование является попыткой выявить и систематизировать эмоции участников педагогического дискурса по поводу дистанционного обучения.

Цель

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы 1) проследить соотношение лексики эмоций и эмоционально окрашенной лексики в высказываниях учителей, учеников и родителей; 2) сравнить наиболее часто выражаемые участниками педагогического дискурса положительные и отрицательные эмоции и их причины.

Состояние изучения вопроса. Методы

Одной из главных проблем современной эмотиологии является исследование языковых средств выражения эмоций, их описание и классификация. Имманентное свойство любого языка выражать психологические состояния и переживания получило название эмотивность. Категория эмотивности является дискуссионной, так как исследователи по-разному определяют её объем. В узком понимании эта категория соотносится с экспрессивной эмотивной лексикой либо отождествляется с коннотацией или её компонентом: эмоциональным компонентом, оценочностью. В широком понимании эмотивность охватывает все языковые, в том числе и лексические средства

отображения эмоций [Бабенко 1989: 15]. И узкое, и широкое понимание эмотивности имеет в отечественном языкознании свою традицию. Кратко охарактеризуем различные подходы к определению эмотивной лексики и её классификации.

Такие лингвисты, как И. В. Арнольд, Д. Н. Шмелёв, В. И. Шаховский придерживаются того взгляда, что к собственно эмотивной лексике можно относить слова и фразеологические единицы, способные выражать эмоции говорящего. При этом в состав эмотивной лексики не следует включать номинации самих эмоций. Так, по мнению И. В. Арнольда, лексику, которая выражает эмоции только понятийно, следует относить к эмоционально-нейтральной на том основании, что такие слова лишь называют эмоции, но не выражают отношение говорящего к данному понятию [Арнольд 1959: 92]. К эмоционально-окрашенной лингвист относит «ласкательные слова, бранные слова, междометия, так как только они передают одобрение, неодобрение, признание или восхищение ...» [Арнольд 1959: 94–95]. Д. Н. Шмелев к эмотивной лексике относит только слова, «эмоциональная значимость которых создаётся при помощи словообразовательных средств», а также слова, «в собственно лексическом значении которых заключена определённая оценка обозначаемых ими явлений» [Шмелев 1973: 164]. В. И. Шаховский относит к эмотивной лексике в первую очередь такие слова, у которых эмотивное значение является единственным компонентом лексического значения («аффективы»): междометия, бранные слова, вульгаризмы, эмоционально-оценочные наречия и прилагательные, адресативы [Шаховский 2008: 75]. Лексика эмоций занимает, согласно теории В. И. Шаховского, промежуточное положение между эмотивной и неэмотивной лексикой. Отражение эмоций в семантике таких слов чаще всего бывает рациональным, в таком случае оно «не выражает эмоцию, а служит для идентификации понятия об определенной эмоции», однако в условиях текста скрытая эмосема может актуализироваться, и тогда слово, обозначающее эмоцию, перестаёт быть нейтральным [Шаховский 2013: 34].

В работах Н. М. Баженова и А. М. Финкеля, Е. М. Галкиной-Федорук, Л. Г. Бабенко отражена другая точка зрения, согласно которой к эмотивной лексике относятся не только эмоционально и экспрессивно окрашенные языковые средства, но и сами названия эмоций. По мнению Е. М. Галкиной-Федорук, «эмоциональная лексика выражает чувства и настроение человека, по значению эта лексика делится на лексику, называющую чувства и выражающую отношение к явлениям действительности, положительным или отрицательным» [Галкина-Федорук 1954: 137]. При этом лексика, называющая чувства, является важной семантической группой в словарном составе языка, на что обращают внимание Н. М. Баженов и А. М. Финкель: «Одной из наиболее устойчивых групп является та группа слов, где некоторый оттенок чувства заключён в самом значении слова, т. е. такие слова, которые обозначают чувства, отношение, любовь, ненависть... и т. д.» [Баженов, Финкель 1951: 81–82]. По замечанию Л. Г. Бабенко, эмоции имеют двойной способ обнаружения в языке: «проявляются как эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок» и «отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность» [Бабенко 1989: 11]. Более того, Л. Г. Бабенко указывает, что семантическую категоризацию эмоций следует осуществлять обязательно с учетом лексики, называющей эмоции, так как «в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы, стабильны» [Бабенко 1989: 13].

Ещё одной проблемой эмотиологии является создание классификации эмотивной лексики. В современной науке не выработано всеобъемлющей единой типологии эмотивной лексики. Существуют различные классификации, которые отличаются в зависимости от представления лингвистов о границах и составе эмотивной лексики, а также в зависимости от подхода к описанию эмоций. Рассмотрим некоторые из них.

Ю. Д. Апресян в статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» выделяет следующие типы лексики, способной

представлять эмоциональные состояния:

1) Базовая лексика, включающая глагольные синонимические ряды (*беспокоиться, бояться, сердиться...* и т. д.), а также ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий (*беспокойство, радость, рад...* и т. д.);

2) Слова, которые включают в своё значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент выполнения какого-то действия или нахождения в каком-то состоянии (*любоваться, засмотреться...* и т. д.);

3) Слова, не называющие эмоции в собственном смысле, но имеющие к выражению эмоций самое непосредственное отношение, например световые и цветовые метафоры (*блестеть, сверкать...* и т. д.) [ср.: Апресян 1995: 51].

В основе классификации А. Вежбицкой лежат семантические категории. Согласно представлениям лингвиста, эмоциональную лексику можно разделить на 4 группы.

1) «Первую группу эмоциональных концептов в этой классификации объединяет общая идея того, что происходит с нами или с другими людьми, плохое или хорошее, эмоции и состояния.

2) Вторая группа сообщает о том, что делают люди, опять же, хорошее или плохое.

3) Третья группа — представление о том, что мы думаем о себе и что другие люди думают о нас.

4) Четвертая группа обозначает эмоциональное отношение к другим людям (*любовь, ненависть, уважение*)» [Вежбицкая 1996: 339].

В. И. Шаховский выделяет 3 типа лексики, отражающей эмоции, в зависимости от способа обнаружения эмоции в языке: 1) лексика называющая, обозначающая эмоции; 2) лексика, описывающая эмоции; 3) лексика, выражающая эмоции [Шаховский 2013: 34].

Подробную классификацию эмотивной лексики разрабатывает Л. Г. Бабенко. В своей работе учёный описывает грамматические и семантические классы эмотивной лексики.

Согласно первой классификации, лингвист выделяет шесть грамматических классов:

1) Эмотивные глаголы, которые способны выражать состояние, отношение, воздействие,

внешнее проявление эмоций.

2) Эмотивные существительные, которые обозначают состояния, отношения и действия; эмоциональные качества; субъекта-носителя эмоционального состояния или лицо, на которое направлено чувство и т. д.;

3) Эмотивные прилагательные, передающие эмоцию как бытийное состояние, каузацию состояния, выражение эмотивного состояния, эмоциональное отношение;

4) Эмотивные наречия выполняют функцию эмоционального сопровождения и ориентированы на описание состояния или сопутствующего состояния;

5) Эмотивные междометия, выражающие эмоции в определённой конситуации при поддержке интонации, мимики и жестов;

6) Эмотивные слова категории состояния [Бабенко 1989: 62–71].

В семантической классификации, предложенной Л. Г. Бабенко, выделяется семь функционально-семантических классов (ФСК) слов:

1) ФСК слов эмоционального состояния (*дрожать, пылать, кипеть, киснуть*);

2) ФСК слов становления эмоционального состояния (*сплотиться, затуманиться, просветлеть*);

3) ФСК слов эмоционального воздействия (*душить, щекотать, потрясти*);

4) ФСК слов эмоционального отношения (*жаждать, тянуться, переварить*);

5) ФСК слов внешнего выражения эмоций (*взорваться, скулить, таять*);

6) ФСК слов эмоциональной характеристики (*перец, гроза, лихорадочный*);

7) ФСК слов эмоционального качества (*влюбчивость, нежность*) [Бабенко 1989: 72–80].

Принимая во внимание всё разнообразие предлагаемых в науке точек зрения на состав и возможности классификации эмотивной лексики, в своей работе мы берём за основу подход Л. Г. Бабенко. К средствам вербального представления эмоций в языке мы относим две основные группы слов, внутри которых существует своя дифференциация.

1) Лексика эмоций, т. е. слова разных ча-

стей речи типа *любовь, отчаяние, нравиться, презирать, обожаемый, отвратительный, грустно* и т. д. Такие слова называют «базовые (универсальные) эмоции, которые семантизируются эмоционально даже вне контекста, так как они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики» [Шаховский 2008: 130–131]. Отдельно описываем контексты, в которых лексика эмоций использована иронически. Отнесённость слов к лексике эмоций уточнялась по толково-идеографическим словарям под редакцией Л. Г. Бабенко, в которых лексика эмоций помещена в специальные рубрики [Большой толковый словарь русских существительных 2005; Толковый словарь русских глаголов 1999]. Дополнительно использовались также «Русский семантический словарь» [Шведова 2007] и «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 2005].

2) Эмоционально окрашенная лексика, к которой мы, вслед за И. Б. Голуб, относим: а) слова с ярким оценочным значением, слова-характеристики (*брюзга, делячество, дивный, вдохновить, напакостить* и т. п.); б) многозначные слова, получающие яркую оценочную окраску при метафорическом употреблении (*тряпка, дуб, змея, шипеть, пилить* и т. п.); в) слова с суффиксами субъективной оценки (*сыночек, бородачица, казёница* и т. п.) [ср.: Голуб 1997: 59–60]. К эмоционально окрашенным языковым единицам мы относим также устойчивые образные выражения — фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова, прецедентные тексты, способные выразить эмоциональное отношение говорящего к предмету речи.

В рамках исследования нами было проанализировано 24 публикации за 2020 год общим объемом 19 703 слова. Материал для исследования составил 283 контекста, содержащих эмотивную лексику, вербализирующую переживания участников педагогического дискурса по поводу перехода образовательных учреждений на дистанционную форму работы. В 92 контекстах содержится эмотивная лексика, передающая чувства учителей школ и преподавателей вузов, в 136 — чувства школьников и студентов, в 29 — чувства родителей, в 26 контекстах содержится лексика, описы-

вающая переживания, свойственные всем участникам педагогического дискурса.

Исследование эмотивной лексики проводилось с помощью методов контент-анализа, дискурсивного анализа, компонентного анализа, метода семантических полей, метода количественных подсчётов.

Обсуждение

1. Лексика, характеризующая эмоции учителей

Эмотивная лексика, передающая эмоции учителей, в 53 контекстах представлена лексикой эмоций, в 39 — эмоционально окрашенной лексикой. Охарактеризуем сначала лексику эмоций, вербализирующую переживания учителей, и приведём основные семантические группы этой лексики по принципу убывания количества примеров. В описании примеров указывается номер «Учительской газеты» за 2020 год.

1.1. Лексика эмоций

1. Беспокойство, страх, неуверенность (13 контекстов): *волнение* (3), *тревога* (2), *страх* (2), *нет уверенности* (2), *сомнение, опасение, страшный, скептически*. Ср.: *Первое: даже когда все технические и организационные вопросы благополучно решатся и уладятся, нет уверенности, что все дети в отсутствие привычных условий смогут (захотят) получить полноценное образование* (В. Кострова. Принцип «моя хата с краю» сегодня моральное преступление. № 15); *К идее телеуроков сначала, признаюсь, отнеслась скептически* (Е. Иващенко. Вопрос недели. № 17). Сильное беспокойство и дискомфорт у учителей вызван необходимостью быстро и эффективно организовать дистанционную форму работы в условиях отсутствия опыта проведения онлайн-обучения.

2. Унижение (10 контекстов): *унизительный* (3), *унижающий* (2), *унизительно* (2), *унижать, унижение, униженный*. Многим учителям пришлось столкнуться не только с трудностями организации дистанционного обучения, но и с давлением со стороны администрации. Приведём примеры: *Учителя сегодня, особенно провинциальные, испытывают настоящее унижение, видя подоб-*

ное и лоя тот же Интернет, шагая по квартире или даже выходя на улицу (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19).

3. Напряжение, усталость (7 контекстов): *вымотанный, озабоченный, обессилеть, переутомление, вызов, не расслабленный, психологическая нагрузка*. Приведем примеры: *Так почему сегодня горячие линии органов исполнительной власти раскалены от звонков родителей, учителя вмиг обессилели от тщетных попыток перевести всё традиционное во всё инновационное, директора судорожно пытаются найти онлайн-выход?* (С. Соколова, Р. Новиков. «Земля Санникова» современной школы. № 17); *Родители доходят до нервного срыва, сидя дома и выполняя домашние задания с детьми, а учителя в свою очередь предельно вымотаны бесконечными досадными сложностями* (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19). Необходимость в кратчайшие сроки перенести привычные уроки в онлайн-формат, освоить новые инструменты обучения, разработать эффективные методические приемы привела к значительному увеличению нагрузки, что сказалось на психологическом состоянии преподавателей, привело к эмоциональному выгоранию и усталости.

Кроме перечисленных, среди лексики эмоций выделяется и ряд более мелких групп: **сожаление, грусть** (6 контекстов): *к сожалению* (3); *досадный, грустно, тоска*; **оптимизм, уверенность** (6 контекстов): *уверенный, надеяться, нравиться, удовлетворять, оптимистичный, унынию не предаваться*; **неодобрение, неприятие** (3 контекста): *претензия, не нравиться, недоумение*; **общее обозначение эмоций** (2 контекста): *чувствовать что-л., чувство чего-л.* Ср.: *Пока я не знаю, какие слова найду на своем первом недистанционном уроке, надеюсь, он не за горами* (В. Кострова. Принцип «моя хата с краю» сегодня моральное преступление. № 15); *И школа опустела. Знаете, это очень грустно, когда стоит звенящая тишина в школе. Ты чувствуешь себя никому не нужным...* (М. Сорокина. Такого еще не было. № 15).

Ряд лексем остались вне групп: *недоверие, самоотверженно, стыд, ответственность, успокаивать, потерпеть*.

Таким образом, в высказываниях учителей чаще всего используется лексика эмоций, вербализирующая негативные переживания. Главными причинами отрицательных эмоций можно назвать неготовность большинства преподавателей к резкому переходу на дистанционный формат обучения, увеличение и без того большой рабочей нагрузки и ответственности за результаты учеников, а также нередко неуважительное отношение со стороны администрации. Сложившуюся картину подтверждает и анализ эмоционально окрашенной лексики, встретившейся в публикациях газеты.

1. 2. Эмоционально окрашенная лексика

Эмоционально окрашенная лексика в речи учителей складывается из характеризующей эмоционально-оценочной лексики, устойчивых образных выражений и единичных примеров использования иронии и средств словообразования.

1) **Характеризующая эмоционально-оценочная лексика** встречается в 30 контекстах. Данная группа лексики преимущественно представлена именами существительными (16 контекстов: *перегрузка, узда, понукание, трудность, неопределённость, быдло, мошенничество* и др.); далее по частоте употребления следуют слова категории состояния (6 контекстов: *сложно, нелегко, трудно, непросто*), имена прилагательные (4 контекста: *ущербный, сложный, неожиданный, необычный, ценный*); глаголы и глагольные формы (3 контекста: *понукать, перегружен, вынужден*), наречие (1 контекст: *судорожно*).

Приведем примеры: *Вести урок для двух операторов сложно — они молчат, на вопросы не отвечают и у карты работать не будут* (А. Шевченко. Вопрос недели. № 17); *Для учителей это новый и необычный формат проведения занятий* (Э. Джатцева. Вопрос недели. № 17); *Учителя испытывают трудности с той же самой организацией конференции, поскольку возникает целый комплекс проблем: пропадает звук, видео, не включаются микрофоны у детей и т. д.* (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19).

2) **Устойчивые образные выражения** встретились в 5 высказываниях учителей: *не дай бог, брать на себя, испытывать головную боль*,

не давать вздохнуть. Ср.: Как отмечает наше руководство, в настоящее время, особенно в условиях противодействия распространению коронавируса, любое сообщение в WhatsApp — это приказ, и **не дай бог** на него не отреагировать (Н. Муханова. Ознакомился с приказом — отпишись. № 15); **Воспитателям, учителям, педагогам не дают свободно вздохнуть** (Н. Муханова. Под надзором отпишись, отметься, отчитайся. № 20).

Также в проанализированных статьях нами были отмечены три случая привнесения эмоциональной оценочности за счёт **иронии** и 1 случай использования **средств словообразования**. Приведём примеры: *Все вечера и ночи — это подготовка к урокам и проверка сфотографированных тетрадок (то есть бесконечная переписка с сотней бедных заточенных **детюшек** по ту сторону **баррикад**). Утренние же и дневные часы — это череда мини-спектаклей одного актёра с использованием подручных средств (то бишь кошки, бананов-апельсинов, игрушек, книжек, укулеле, губной гармошки, кубиков, венецианских масок и прочих **ценных** предметов, попавшихся на глаза) во имя уничтожения занудства и повышения градуса любознательности у зрителей* (В. Кострова. Принцип «моя хата с краю» сегодня моральное преступление. № 15).

Таким образом, в публикациях «Учительской газеты» учителя, выражая свое отношение к дистанционному обучению, предпочитают использовать прямую номинацию эмоций. По частоте употребления доминирующее положение занимает лексика, выражающая негативные переживания.

Следует отметить, что «Учительская газета» — это в первую очередь трибуна для обсуждения проблем образования учителями и преподавателями. Однако в отдельных рубриках, таких как «Студсовет», «Вопрос недели», «Эпицентр», «Газета в газете» свое мнение по поводу тех или иных вопросов могут высказать обучающиеся. Из таких материалов было извлечено 136 контекстов, содержащих эмотивную лексику: в 76 контекстах использовалась лексика эмоций, в 60 — эмоционально окрашенная лексика.

2. Лексика, характеризующая эмоции обучающихся

2.1. Лексика эмоций

Обратимся к более подробному анализу семантических групп **лексики эмоций**, вербализирующей переживания **обучающихся**.

1) **Грусть, скука, сожаление** (15 контекстов): *скучать* (3), *соскучиться* (3), *к сожалению* (2), *скучный, нудный, огорчать, печально, жаль, жалко, пожалеть*. Ср.: Я очень **соскучилась** по преподавателям и одноклассникам и по работе в студенческом совете общежитий (А. Хренова. Студенты о самоизоляции. № 15); У меня была идея записаться на интернет-курс известного программиста и изучать дизайн. Но, **к сожалению**, все мои задумки разбились о дистанционное обучение (Е. Ярошенко. Карантин научил любить. № 17). Проанализированные примеры позволяют понять, что главным источником грусти и сожаления как учеников, так и студентов являются, во-первых, невозможность живого общения с преподавателями или одноклассниками/одноклассниками, а во-вторых, несовершенства организации дистанционного обучения.

2) **Радость, веселье, симпатия** (14 контекстов): *нравиться* (7), *весело* (2), *понравиться, обрадоваться, радовать, забавно, положительное впечатление*. Ср.: Дома учиться очень хорошо и **весело**. Мы теперь получаем только четверки и пятёрки и, наверное, все скоро станем отличниками (А. Перевозчикова. Вопрос недели. № 15); Очень **радует**, что не прекратились занятия в Школе вожатского мастерства, хотя это бесплатное и добровольное дело (А. Барина. Дистанционное образование не катастрофа, № 19). Стоит обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве проанализированных контекстов студенты говорили о приятии дистанционного обучения в связи с бытовым комфортом, а не об удовольствии от процесса обучения в онлайн-формате. Ср.: Мне **нравится** просыпаться за 10 минут до пары. А ещё есть можно в любое время (Б. Колачевская. Дистанционное образование не катастрофа, № 19); Когда я узнала о том, что будет обучение на дому, **обрадовалась**: не надо будет рано вставать и ездить в школу!

(К. Фатеева. Вопрос недели. № 15).

3) Напряжение, усталость, недовольство (13 контекстов): *отвратительно, недовольство, ужасный 'неприятный', уставать, неприятный, не нравится, насильно, заставлять, не хватает, психологическая нагрузка, психологически тяжело, сплошные нервы, нервно-психологические перегрузки*. Дистанционное обучение, безусловно, потребовало от студентов и школьников большей самостоятельности в освоении материала, что привело к увеличению нагрузки и, как следствие, усталости и эмоциональному напряжению. Приведем примеры: *Если бы не задавали так много, может, было бы и ничего. Сажу за уроками с утра до вечера, очень устаю* (Сима Г. Вопрос недели. № 15); *С одной стороны, это хорошо, так как более безопасно, с другой же, в частности с точки зрения учёбы, сплошные нервы* (Валерия Р. Студенты о самоизоляции. № 15).

4) Желание/отсутствие желания (11 контекстов): *хотеться (6), хотеть (3), захотеться, мечтать*. Приведем примеры: *На удаленке учиться, конечно, труднее, так как требуется делать больше, чем при нормальной учёбе. К тому же дома учиться не очень хочется...* (П. Коржавин. Дистанционное образование не катастрофа, № 19); *Возникают некоторые внутренние сложности: хотелось бы почаще быть на связи с педагогом, побольше спросить, но неловко* (А. Барина. Дистанционное образование не катастрофа, № 19). Несмотря на все удобства дистанционного обучения, упомянутые выше, многие школьники и студенты мечтают скорее вернуться в стены школ и университетов и продолжить обучение в традиционном формате.

5) Спокойствие, вера, терпение (10 контекстов): *спокойно (3), спокойный, нет давления, уверен, верить в свои силы, терпение, упорство, психологически нетрудно*. Ср.: *Думаю, скоро вся эта скучная теория, как говорится, будет от зубов отскакивать. Главное — верить в свои силы и стараться* (Д. Чебуреев. Карантин научил любить. № 17); *Мне больше нравится учиться дистанционно, хотя скучаю по друзьям из класса. Но отвечать спокойнее на расстоянии* (Д. Хорошавина. Вопрос недели. № 15). Некоторые сту-

денты отмечают, что один из главных плюсов дистанционного обучения для них заключается в возможности работать в своем темпе в удобное для них время.

6) Страх, беспокойство, неловкость (5 контекстов): *бояться, пугать, беспокоить, волнуемый, неловко*. Безусловно, особое беспокойство и тревогу испытывали выпускники, которое долгое время находились в состоянии неопределённости из-за предстоящих экзаменов. Приведем примеры: *У меня много проблем с математикой, и я боялся, что не смогу сдать экзамен по этой дисциплине* (Д. Чебуреев. Карантин научил любить. № 17); *Выпускников сейчас очень беспокоит вопрос конкретных дат переноса ЕГЭ* (А. Бутусов. Здоровье важнее экзаменов. № 20).

Несколько лексем остались вне данной классификации: *ответственно (2), удивительно, интересно, любознательность, не осудить, по-доброму, чувство неизбежного веселья*. Ср.: *Уже первое дистанционное занятие школьников дома в связи с коронавирусной эпидемией и карантином заставили многих из них по-доброму вспомнить о школе, пожалеть об отсутствии общения с одноклассниками* (В. Наперов. Дистанция огромного размера. № 17).

В целом следует отметить, что лексика эмоций, вербализирующая отрицательные эмоции обучающихся, незначительно преобладает над лексикой эмоций, обозначающей позитивные переживания. Несмотря на высокую нагрузку, усталость, сложность самоорганизации ученики и студенты отмечают и положительные стороны нового формата.

2.2. Эмоционально окрашенная лексика

Эмоционально окрашенная лексика в высказываниях обучающихся складывается из характеризующей эмоционально-оценочной лексики, устойчивых образных выражений и единичных примеров использования средств словообразования.

1) Характеризирующая эмоционально-оценочная лексика встречается в 55 контекстах. Среди данной лексики по морфологической принадлежности преобладают слова категории состояния (20 контекстов: *тяжело, трудно, сложно,*

легко, нетрудно, хорошо, удобно); далее по частоте употребления следуют глаголы и глагольные формы (12 контекстов: *не париться, настроиться, выдохнуть, страдать, ухудшаться, рваться, заточенный* и др.), прилагательные (8 контекстов: *прекрасный, замечательный, удобный, положительный, бедный* и др.); существительные (6 контекстов: *удар, катастрофа, (психологические) трудности, (внутренние) сложности, загруженность*); наречия (4 контекста: *неудобно, тяжело, зря*).

Ср.: *Из плюсов: экономия денег и времени на дороге. И если студенту не нужны знания или хорошие оценки, то на дистанционке можно не париться* (Ольга С. Студенты о самоизоляции. № 15); *Я могу организовать себя, поэтому дистанционное обучение для меня не катастрофа. Но многим студентам это даётся тяжело* (Б. Колачевская. Дистанционное образование не катастрофа, № 19).

2) **Устойчивые образные выражения** в высказываниях учеников и студентов встречаются крайне редко. Используются такие обороты, как *выбить из колеи, воспринять на ура, было бы ничего, вроде бы чего сложного*. Ср.: *Программа у нас масштабная, работы много, но дистанционное обучение абсолютно не выбило из колеи наш институт* (Д. Бучнева. Студенты о самоизоляции. № 15); *Дистанционную форму обучения большинство детей восприняли на ура, а учителя-предметники стали испытывать настоящую головную боль* (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19).

Также нами было отмечено одно высказывание, в котором для придания эмоциональности использовалось средство словообразования, ср.: *Из минусов могу также назвать огромное количество писанины* (Ольга С. Студенты о самоизоляции. № 15).

Таким образом, в высказываниях обучающихся эмоционально окрашенная лексика, выражающая позитивные и негативные переживания, встречается примерно в равных пропорциях. Однако следует отметить, что позитивные эмоции, как правило, относятся к сфере бытового удобства и комфорта, а отрицательные, напротив, описывают отношение к системе дистанционно-

го обучения, которая у большинства, несмотря на высокий уровень владения компьютерными технологиями подростками, вызывает серьёзные трудности.

3. Лексика, характеризующая эмоции родителей

3.1. Лексика эмоций

В некоторых публикациях газеты встречаются немногочисленные описания переживаний родителей по поводу дистанционного обучения детей. В 21 контексте из 29 встречается лексика эмоций, в 8 — эмоционально окрашенная лексика. Преимущественно вербализируются негативные чувства, достаточно разнообразные по семантике. Можно выделить семантическую группу со значением **эмоциональное напряжение, усталость** (9 контекстов: *усталость, тяжелое испытание, мучение, нервный срыв, раздражительность, не давать покоя, хотеть, чтобы оставили в покое, стрессовый*), а также микрогруппы со значением **грусти, сожаления** (3 контекста: *пожалеть, жаловаться, печальный*), **обеспокоенности, страха** (2 контекста: *побояться, обеспокоенный*). Приведем примеры: *Родители доходят до нервного срыва, сидя дома и выполняя домашние задания с детьми...* (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19); *Коллеги прислали письмо, в котором мама ученика просит директора школы выставить своему сыну двойки за четверть, чтобы прекратилось это мучение — онлайн-обучение* (Т. Ильина. Дистанция огромного размера. № 17).

3.2. Эмоционально окрашенная лексика

Характеризующая эмоционально-оценочная лексика встречается в 8 контекстах (*горе-уроки, вынужденный, выживание, добить 'окончательно сломить'* и др.). Ср.: *«Мой сын, — пишет заявительница, — не будет продолжать заниматься дистанционно, от таких горе-уроков страдает психика и детей, и родителей»* (Т. Ильина. Дистанция огромного размера. № 17); *И уж совсем добились занятия дополнительного образования. Соглашусь, что они пострадали от ухода на дистанционку сильнее, чем общеобразовательная школа* (О. Мохова. Пока все дома, или как пережить дистанционное обучение ребенка. № 18).

Из приведённых примеров видно, что для родителей дистанционное обучение тоже стало серьёзным испытанием. Многие из них, особенно родители младших школьников, были вынуждены принимать участие в образовательном процессе, совмещая помощь детям с удалённой работой и домашними делами.

4. Лексика, характеризующая эмоции всех участников педагогического дискурса

4.1. Лексика эмоций

Также отметим, что нами были извлечены 26 контекстов, содержащих эмоции, переживаемые всеми участниками педагогического дискурса: учителями и преподавателями, обучающимися и родителями. Лексика эмоций встречается в 13 контекстах, 12 из которых передают негативные переживания. Можно выделить две основные семантические группы со значением **страха и беспокойства** (6 контекстов: *волновать, волнение, страх, тревожность, паника, острые эсхатологические переживания*), а также со значением **усталости** (4 контекста: *усталость, устать, бессилие, нет сил*). Приведём примеры: *Степень тревожности с ЕГЭ, ОГЭ и ВПР у детей, родителей и иных родственников зашкаливает* (Т. Файн. Возможные варианты. № 16). *Усталость из-за постоянного сидения за компьютером и смартфоном* (М. Павлова. Учителя тоже герои. № 19).

4.2. Эмоционально окрашенная лексика

Эмоционально окрашенная лексика, передающая переживания всех участников педагогического дискурса, содержится в 13 контекстах и представлена **характеризующей эмоционально-окрашенной лексикой** (10 контекстов: *отлипнуть 'перестать назойливо заниматься чем-л., трудно, неудобно, неопределённость, «зависнуть» 'оказаться в неопределённом положении' и др.)* и устойчивыми образными выражениями (3 контекста: *не вешать нос, попить крови, съесть уйму времени*). Приведём примеры: *Я, директор школы, не могу ответить на вопрос учителей, родителей и детей, когда они наконец-то смогут отлипнуть от компьютера* (Т. Есина. Здоровье важнее экзаменов. № 20); *Тренировочные электронные задания*

тоже крови попили и съели уйму времени... (О. Мохова. Пока все дома, или как пережить дистанционное обучение ребенка. № 18).

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Субъектами эмоций на страницах «Учительской газеты» выступают преимущественно преподаватели и обучающиеся, однако в отдельных случаях поделиться своими переживаниями могут и родители. В высказываниях всех участников педагогического дискурса прямая номинация эмоций (лексика эмоций) несколько преобладает над средствами непрямого обозначения эмоционального состояния (эмоционально окрашенной лексикой). Соотношение прямой и непрямой номинации составляет 58%:32% в описании эмоций учителей; 56%:34% в описании чувств учеников и 72%:28% в выражении чувств родителями. Среди лексики эмоций, передающей эмоциональное состояние преподавателей и родителей, доминируют негативные переживания. Лидирующее положение занимают семантические группы «беспокойство, страх» и «усталость, эмоциональное напряжение». Взгляд обучающихся на дистанционное обучение более оптимистичен, эмотивная лексика в их высказываниях, вербализирующая позитивные и негативные переживания, находится примерно в равных пропорциях.

ИСТОЧНИКИ

Ожегов, Шведова 2005 — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005. 944 с.

Шведова 2007 — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Н.Ю. Шведова (ред.). В 6 т. Т. 4. М.: РАН ИРЯ, 2007. 952 с.

Учительская газета. URL: <http://www.ug.ru/> (дата обращения: 08.09.2021).

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева 2020 — Авдеева И. Б. Электронно-опосредованная коммуникация: степень её влияния на пользователей. *Мир русского слова*. 2020, (4): 86–95.

Апресян 1959 — Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. 1995, (1): 37–65.

Арнольд 1959 — Арнольд И. В. *Лексикология современного*

английского языка. М.: Высшая школа, 1959. 351 с.

Бабенко 2005 — *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы.* Л. Г. Бабенко (ред.). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Бабенко 1989 — Бабенко Л. Г. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке.* Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1989. 211 с.

Бабенко 1999 — *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы.* Л. Г. Бабенко (ред.). М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

Баженов, Финкель 1951 — Баженов Н. М., Финкель А. М. *Современный русский литературный язык.* Киев: Радянська школа, 1951. 539 с.

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание.* М.: Русское слово, 1996. 411 с.

Галкина-Федорук 1954 — Галкина-Федорук Е. М. *Современный русский язык.* М.: Высшая школа, 1954. 336 с.

Голуб 1997 — Голуб И. Б. *Стилистика русского языка.* М.: Рольф; Айрис-Пресс, 1997. 448 с.

Остражкова 2004 — Остражкова Н. С. *Обучение пониманию содержательного компонента педагогического дискурса лекции: Английский язык, языковой вуз.* Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2004. 18 с.

Шаховский 2008 — Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций.* М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский 2013 — Шаховский В. И. *Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 128 с.

Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики.* М.: УРСС, 1973. 278 с.

SOURCES

Ожегов, Шведова 2005 — Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Explanatory dictionary of the Russian language.* Moscow: ITI Tekhnologii Publ., 2005. 944 p. (In Russian)

Шведова 2007 — *Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings.* Shvedova N. Iu. (ed.). Vol. 4. Moscow: IRIa RAN, 2007. 952 p. (In Russian)

Учительская газета — *Teacher's newspaper.* URL: <http://www.ug.ru/> (date of access: 08.09.2021). (In Russian)

REFERENCES

Авдеева 2020 — Avdeieva I. B. Electronically mediated communication: the degree of its impact on users. *Mir russkogo slova.* 2020, (4): 86–95. (In Russian)

Апресян 1959 — Aprasian Iu. D. The image of a person according to language data: an attempt at a system description. *Voprosy iazykoznaniiia.* 1995, (1): 37–65. (In Russian)

Арнольд 1959 — Arnold I. V. *Lexicology of the modern English language.* Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1959. 351 p. (In Russian)

Бабенко 2005 — Babenko L. G. (ed.). *A large explanatory*

dictionary of Russian nouns: An ideographic description. Synonyms. Antonyms. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2005. 864 p. (In Russian)

Бабенко 1989 — Babenko L. G. *Lexical means of indicating emotions in the Russian language.* Sverdlovsk: Ural University Press, 1989. 211 p. (In Russian)

Бабенко 1999 — Babenko L. G. (ed.). *Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms.* Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 1999. 704 p. (In Russian)

Баженов, Финкель 1951 — Bazhenov N. M., Finkel A. M. *Modern Russian literary language.* Kiev: Radian'ska shkola Publ., 1951. 539 p. (In Russian)

Вежбицкая 1996 — Vezhbitskaia A. *Language. Culture. Cognition.* Moscow: Russkoe slovo Publ., 1996. 411 p. (In Russian)

Галкина-Федорук 1954 — Galkina-Fedoruk E. M. *Modern Russian language.* Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1954. 336 p. (In Russian)

Голуб 1997 — Golub I. B. *The style of the Russian language.* Moscow: Rol'f; Airis-Press Publ., 1997. 448 p. (In Russian)

Остражкова 2004 — Ostrazhkova N. S. *Teaching to understand the content component of the pedagogical discourse of the lecture: English, language university.* Abstract dis. ... PhD in Pedagogy: Tambov, 2004. 18 p. (In Russian)

Шаховский 2008 — Shakhovskii V. I. *Linguistic theory of emotions.* Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russian)

Шаховский 2013 — Shakhovskii V. I. *Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology.* Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2013. 128 p. (In Russian)

Шведова 2007 — Shvedova N. Iu. (ed.). *Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings.* Vol. 4. Moscow: IRYa RAN, 2007. 952 p. (In Russian)

Шмелев 1973 — Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary.* Moscow: URSS Publ., 1973. 278 p. (In Russian)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ПО ЧТЕНИЮ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОСНОВНОЙ КОРПУС УРОКОВ ЧТЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

NATALIA V. KULIBINA

EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR READING RUSSIAN FICTION:
THE MAIN BODY OF READING LESSONS AND PROMISING AREAS OF DEVELOPMENT

В статье дано одно из возможных определений понятия «образовательная среда» и описана Образовательная среда по чтению русской художественной литературы, создаваемая коллективом специалистов Института Пушкина на портале «Образование на русском». Задачами проекта является обучение чтению как пониманию, или смысловому восприятию текстов художественной литературы и/или совершенствование навыков, необходимых для квалифицированной читательской деятельности. Ядро Образовательной среды по чтению — интерактивный авторский курс «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой», включающий более 50 уроков чтения по художественным текстам русских писателей XVIII–XXI веков от М. В. Ломоносова до С. В. Лукьяненко в двух версиях «Читателям» и «Учителям», а также дополнительные онлайн и офлайн ресурсы к ним: уроки «Учим наизусть» и «Читаем сами», Приложения в формате PDF, аудио- и видеотексты. Также в статье представлены перспективные направления развития Образовательной среды по чтению русской художественной литературы. Одним из таких направлений является разработка уроков чтения для детей с дислексией. В настоящее время на сайте интерактивного курса уже размещены три логопедические версии уроков чтения, которые отличаются иным представлением учебного материала на экране, а также наличием дополнительных подготовительных материалов для предтекстовой работы. То и другое объясняется потребностями детей с особенностями речевого развития. До конца текущего года предполагается значительное увеличение числа версий уроков чтения, адресованных таким детям. Вторым направлением расширения целевой аудитории Образовательной среды по чтению является разработка методики и создание ресурсов для интеллектуального развития детей дошкольного возраста, не владеющих техникой чтения, с использованием текстов русской детской художественной литературы (4+). В статье приводятся скриншоты, которые позволяют представить, каким образом будет организована эта работа. Параллельно с этими направлениями предполагается работа по совершенствованию методики обучения смысловому восприятию художественных текстов, оптимизации структуры интерактивного курса и обогащению его содержательного контента, созданию новых уроков чтения и многое другое.

Ключевые слова: образовательная среда; художественная литература; смысловое восприятие текста; уроки чтения; дислексия; дошкольники.

The article gives one of the possible definitions of the concept of “educational environment” and describes the Educational environment for reading Russian fiction, created by a team of specialists from the Pushkin Institute on the portal “Education in Russian”. The objectives of the project are to teach reading as understanding, or semantic perception of fiction texts and/

**Наталья Владимировна
Кулибина**

Доктор педагогических наук, профессор

► NVKulibina@pushkin.institute

Государственный институт русского
языка имени А. С. Пушкина

117485, Россия, Москва, ул. Волгина, 6

Natalia V. Kulibina

Pushkin State Russian Language Institute

6, ul. Volgina, Moscow, Russia, 117485

or improve the skills necessary for qualified reading activity. The core of the Educational Reading Environment is the interactive author's course "Reading Lessons - a holiday that is always with you", which includes more than 50 reading lessons based on literary texts of Russian writers of the 18th – 21st centuries from Mikhail Lomonosov to Sergei Lukyanenko in two versions "For Readers" and "For Teachers", as well as additional online and offline resources for them: lessons "Learn by heart" and «Read by yourself», supplements in PDF format, audio and video texts. The article also presents promising directions for the development of the educational environment for reading Russian fiction. One of these areas is the development of reading lessons for children with dyslexia. At present, three speech therapy versions of reading lessons have already been posted on the interactive course website, which differ in a different presentation of the educational material on the screen, as well as in the presence of additional preparatory materials for pre-text work. Both are explained by the needs of children with special needs of speech development. By the end of this year, a significant increase in the number of versions of reading lessons addressed to such children is expected. The second direction of expanding the target audience of the Educational Environment for Reading is the development of methods and the creation of resources for the intellectual development of preschool children who do not know the technique of reading, using the texts of Russian children's fiction (4+). The article provides screenshots that allow you to imagine how this work will be organized. In parallel with these areas, it is planned to work on improving the methodology for teaching the semantic perception of literary texts, optimizing the structure of the interactive course and enriching its meaningful content, creating new reading lessons, and much more.

Keywords: educational environment; fiction; semantic perception of the text; reading lessons; dyslexia; preschool children.

«Много на свете хороших книг, но эти книги хороши только для тех людей, которые умеют их читать.

Умение читать хорошие книги вовсе равносильно знанию грамоты»

Д. И. Писарев

«Художественный текст должен прежде всего должен быть понят как сообщение на естественном языке»

Ю. М. Лотман

«Если читатель не идёт к хорошей книге, надо сделать, чтобы сама книга пошла к нему»

Н. А. Рубакин

Хороший читатель — тот, кто располагает воображением, памятью, словарем и некоторым художественным вкусом.

В. В. Набоков.

Введение

Обучение чтению сложных текстов всегда было и остаётся насущной методической пробле-

мой преподавания русского языка. Знакомство в начальной школе на элементарных учебных текстах с техникой чтения создаёт (у учащегося, родителей, а нередко и учителя) обманчивое впечатление полноценного овладения всеми навыками, необходимыми для квалифицированной читательской деятельности. Лакуны в подготовке читателя выявляются позднее на встрече со сложными текстами, например, при необходимости понять непростую формулировку задачи по математике или физике в 5–8 классах (исследование О. А. Дроздовой наглядно показывает, что неудачи учеников в этих случаях объясняются не незнанием того или иного учебного предмета, а проблемами с русским языком [Дроздова 2017]).

Ещё хуже обстоит дело с пониманием даже старшеклассниками сложных художественных текстов русской литературы XIX–XX веков, что провоцирует некоторых методистов на абсурдные (с нашей точки зрения) и вредные «идеи» адаптации текстов классиков русской литературы даже для читателей-носителей русского языка, т. е. вместо того, чтобы поднимать уровень читательской грамотности школьников предлагается упрощать, сводить к примитиву главное достояние русского народа — русскую литературу. Ссылок на работы авторов этих идей мы по понятным причинам приводить не будем.

Выдающийся отечественный педагог К. Д. Ушинский писал: «В основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа... Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях» ([Ушинский 1988:195]; выделено нами — НК). Нет сомнений в том, что особенный идеал русского человека и его «воспроизведение в отдельных личностях» как нельзя более полно (в нюансах и вариантах) представлены в русской художественной литературе. Формирование личности происходит не столько вследствие объяснений воспитателя и/или учителя, «что такое хорошо и что такое плохо», сколько благодаря самостоятельным наблюдениям и размышлениям индивидуума, возможно,

под чутким руководством наставника, над поступками людей, их интенциями, эмоциями и иными проявлениями активности под влиянием тех или иных событий, ситуаций, обстоятельств и др.

Состояние изучения вопроса. Цель

История изучения вопроса, к сожалению, коротка. За исключением классиков отечественной филологической и методической мысли, чьи высказывания использованы нами в качестве эпиграфов к настоящей статье, а также писателей, не только русских, но и зарубежных (нельзя не вспомнить Умберто Эко, убежденного в том, что главная задача писателя — «воспитание идеального читателя» [Эко 2016]), мало кто из специалистов занимался проблемой обучения собственно ЧТЕНИЮ как самостоятельному пониманию читателем художественного текста «как сообщения на естественном языке» (Ю. М. Лотман), т. е. без использования терминологии и приёмов научного анализа.

С 90-х годов прошлого века в Институте Пушкина нами разрабатывается методика обучения чтению художественной литературы на русском языке применительно к разным категориям учащихся: детям и взрослым; билингвам и инофонам-носителям разных языков и культур и т. д. Многолетний опыт теоретического осмысления проблемы и обобщения практических наблюдений отражён в многочисленных учебных и методических публикациях в профессиональных изданиях, программах дополнительного профессионального образования русистов и др., а также в монографии автора настоящей статьи «Методика обучения чтению художественной литературы», вышедшей в 2022 году третьим изданием в московском издательстве «Флинта» [Кулибина 2022].

В настоящее время можно говорить о создании образовательной среды по чтению русской художественной литературы как сложного учебно-воспитательного комплекса, предполагающего реализацию процесса специально организованного целенаправленного формирования личности по определённому образцу [Ясвин 2001]. Вслед за В. А. Ясвиным, под образователь-

ной средой (или средой образования) мы понимаем «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для её развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [Ясвин 2001: 14]. «Заданный образец» в нашем случае во всём своём разнообразии представлен в произведениях русских писателей XVIII–XXI веков.

На наш взгляд, возможным решением проблемы «воспитания читателя» было бы включение уроков чтения в программы русской словесности для различных учебных заведений, для чего требуется особая методика, учитывающая специфику текстового материала (художественного текста) и особенности его непосредственного смыслового восприятия в естественных условиях, а также включающая интерактивные приёмы организации урока чтения в учебных условиях.

Обсуждение. Результаты

Представляется, что определённые трудности при работе с художественным текстом в языковом учебном процессе возникают в связи с тем, что он одновременно принадлежит двум мирам: во-первых, художественный текст — часть множества текстов, созданных на данном языке (устных и письменных; разговорных, научных деловых и др.) и в этом качестве его основная функция — быть средством общения, во-вторых, он — произведение искусства, факт культуры и тем самым как бы вынесен на пределы обыденной речевой коммуникации, и в этом случае к коммуникативной функции добавляется эстетическая — быть средством «общения искусством» (термин А. А. Леонтьева). Наши теоретические методические построения и педагогическая практика основываются на принципиальном положении Ю. М. Лотмана, вынесенном нами в эпиграф настоящей статьи: прежде всего художественный текст должен быть понят как «сообщение на естественном языке» [Лотман 1999].

В уроках чтения нами используются аутентичные, т. е. не подвергавшиеся методической обработке (сокращению и/или адаптации) худо-

жественные тексты, созданные на русском языке (не переводы). При создании методического аппарата урока чтения — комплекса интерактивных (побуждающих читателя к ответным действиям) вопросов и заданий к художественному тексту — учитываются закономерности читательской деятельности: уровневая структура чтения и когнитивные стратегии, необходимые для преодоления трудностей, возникающих при восприятии текста. Сам урок чтения организуется по модели естественного взаимодействия читателя и книги в реальных условиях.

Эти теоретические положения практически реализованы нами как в печатных учебных пособиях [Кулибина 2004; 2019] и др., так и в цифровой среде — в Интерактивном авторском онлайн-курсе «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой», размещённом на портале «Образование на русском» <https://ac.pushkininstitute.ru/course1.php>.

Онлайн-курс по обучению чтению художественной литературы включает более 50 уроков чтения по художественным текстам русских писателей XVIII–XXI веков от М. В. Ломоносова до С. В. Лукьяненко и более 300 дополнительных онлайн и офлайн ресурсов к ним: уроков «Учим наизусть» и «Читаем сами», аудио- и видео-текстов, а также PDF-Приложений к урокам чтения.

Целевые группы пользователей — читатели, преподаватели-словесники и логопеды. Ориентация на естественное речевое общение читателя и книги позволяет создавать интерактивные уроки чтения, которые могут быть использованы в детской и взрослой аудитории носителей языка, билингвов и изучающих русский язык как иностранный/неродной в России и зарубежных странах (A2–C2), а также детей с особенностями речевого развития (дислексия). Индивидуализация обучения достигается путём выбора художественного текста, соответствующего интересам, потребностям, возможностям и специфике потенциального читателя. Уроки чтения и дополнительные ресурсы к ним могут использоваться как для групповой аудиторной работы в учебных заведениях разного

типа, так и для самостоятельного обучения в домашних условиях.

Весь проект открытый, бесплатный, его ресурсы доступны пользователям интернета в любом уголке мира. За период пандемии и в наше непростое для всего русского время аудитория электронного курса по обучению чтению русской художественной литературы не только не «просела», но реально выросла: ресурсы проекта используются во всех регионах России и 136 странах мира (по данным Яндекс.Метрика).

Курс постоянно обновляется: создаются новые уроки чтения, например, по художественным текстам писателей-юбиляров текущего года (юбиляры 2022 года: С. Я. Маршак, К. Г. Паустовский, К. И. Чуковский и др.) и дополнительные ресурсы к ним.

Рис. 1. Главная страница Интерактивного авторского курса «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой»

Ещё одной задачей является расширение аудитории проекта, привлечение новых групп пользователей. Здесь есть два перспективных направления.

Уроки чтения для детей с дислексией

Первое (впрочем, не совсем новое) направление — увеличение числа специальных ресурсов для детей с особенностями речевого развития. В настоящее время на сайте интерактивного курса размещены несколько логопедических версий уроков чтения из основного корпуса проекта. В этом случае используемый художественный

текст и видеозапись основного урока не подвергались адаптации или сокращению, изменения коснулись лишь расположения материала на экране и установления кнопок некоторых новых опций (например, повтора фрагмента видеозаписи), а также снабжения урока дополнительными ресурсами для предтекстовой части урока.

Рис. 2. Раздел «Логопедам» Интерактивного курса «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой»

Детям с тяжёлыми речевыми нарушениями предлагается раздел «Предупреждаем трудности» с подготовительными интерактивными лексико-грамматическими упражнениями, которые помогут справиться с возможными трудностями в произношении и понимании сложных слов и выражений. Также рекомендуется использование Карточек с подготовительными лексико-грамматическими упражнениями: набор упражнений в карточках не просто дублирует содержание раздела «Предупреждаем трудности» в традиционном виде, но и даёт возможность организовать коррекционную работу с подгруппой учащихся. Карточки предназначены для комбинирования видов работы: традиционных и интерактивных. Если в результате коррекционной работы — использования логопедической версии урока — были достигнуты положительные результаты, рекомендуется переходить к основным вариантам уроков чтения.

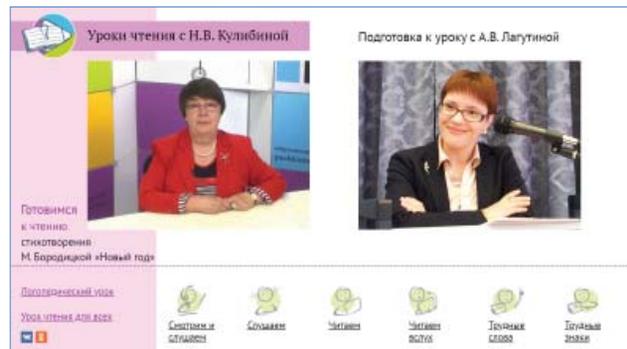

Рис. 3. Логопедическая версия урока чтения по стихотворению М. Бородицкой «Новый год»

Дополнительные ресурсы и дизайн экрана логопедических версий уроков чтения разработаны совместно с доцентом кафедры логопедии Института детства Московского педагогического государственного университета Анастасией Владимировной Лагутиной, канд. пед. наук. Все материалы неоднократно с успехом опробованы ею и могут быть рекомендованы для использования в групповой и индивидуальной работе в аудитории детей с нарушениями речевого развития [Лагутина 2018; Кулибина, Лагутина 2020].

Логопедические версии уроков используются не только в практической работе с детьми, но и в качестве наглядного материала для слушателей онлайн курса повышения квалификации специалистов «Нарушения чтения и письма у детей» https://pushkininstitute.ru/external_courses/329, один из модулей которого разработан автором настоящей статьи, а также на консультациях для родителей детей с нарушениями речевого развития. Онлайн-курс и консультации проводятся по инициативе Ассоциации родителей детей с дислексией.

Читаем с дошколятами, не умеющими читать

Второе направление расширения аудитории интерактивного курса «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой» — создание материалов онлайн-занятий для интеллектуального развития дошкольников, не владеющих техникой чтения (4+), на основе обучения смысло-

вому восприятию текстов детской русской художественной литературы.

В качестве эпиграфа к настоящей статье приведено высказывание В. В. Набокова, в котором он перечисляет качества, необходимые хорошему читателю: воображение, память, словарь и художественный вкус. Несмотря на то что часть этого «богатства» человек может получить от природы, нет сомнения в том, что важную роль в формировании хорошего читателя играет практика чтения, причём практика чтения хороших книг. Стоит обратить внимание, что писатель не говорит о важности совершенного владения техникой чтения (например, скоростью чтения), возможно, потому что воображение и художественный вкус требуют свободы, в том числе и не ограниченной временем, что отнюдь не означает, что можно стать хорошим читателем, не владея технической стороной чтения. Однако начинать целенаправленное развитие у ребёнка качеств, перечисленных В. В. Набоковым, стоит уже в самом нежном возрасте ещё до овладения грамотой.

Обычно знакомство малышей с детской художественной литературой происходит на занятиях по развитию речи в дошкольных образовательных организациях. Качество проводимых занятий напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки воспитателя, требуется постоянное повышение квалификации, развитие профессиональных навыков, совершенствование культуры речи и др.

Вместе с тем не все российские дети охвачены дошкольным образованием. Родители дошкольников в силу жизненных обстоятельств и/или отсутствия необходимых знаний не всегда в состоянии самостоятельно обеспечить своих детей полноценным обучением смысловому восприятию художественных текстов. Знакомство детей с литературой в этом случае сводится к прочтению некоторых произведений вслух, что не позволяет использовать весь потенциал художественной литературы в речевом и когнитивном развитии ребенка. Нет сомнений в том, что и воспитатели детских садов, и родители дошкольников нуждаются в современных каче-

ственных цифровых продуктах, что, во-первых, сделало бы более доступными эффективные методики работы с художественными текстами, а во-вторых, позволило бы познакомить будущих читателей с лучшими образцами детской литературы.

Период дошкольного детства характеризуется активным формированием речевой коммуникации ребёнка, что предполагает не только освоение большого объёма языковых и речевых средств, но и приобретение детьми опыта и знаний, позволяющих ориентироваться в социальной жизни, определять мотивы поступков других людей, иными словами, происходит параллельное развитие интеллектуальной, эмоциональной и морально-нравственной сфер личности ребёнка. Смысловое восприятие текстов детской художественной литературы развивает детей интеллектуально, служит средством эстетического и нравственного воспитания, формирует творческую личность.

В силу особенностей дошкольного возраста — уровня когнитивной зрелости и степени сформированности психических процессов (восприятия, памяти и внимания) у детей 4–7 лет — прямой перенос методик, разработанных для школьников и более взрослых читателей, невозможен. Онлайн-ресурс для детей дошкольного возраста требует принципиально иных формулировок и способа подачи инструкций и заданий, исключающих использование письменного текста, насыщенных специальными пиктограммами, знаками и символами, необходима также разработка интуитивно понятного дошкольникам и взрослым (неспециалистам) интерфейса.

Так как использование печатного текста не имеет смысла, все необходимые текстовые материалы — собственно художественные тексты (последовательно по фрагментам и целиком), вопросы и задания — предлагаются в аудио-формате. Варианты ответов в тестовых заданиях даются картинками и озвучиваются. Юному «читателю» предлагается выбрать нужную картинку, отвечая на устный вопрос, например, «За чем дед пошёл в лес?» (в онлайн-занятии по русской сказке «Ручейчик»):

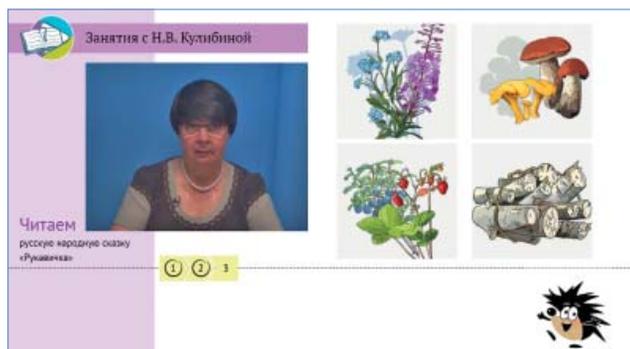

Рис. 4. Сцена из онлайн-занятия для дошколят по русской народной сказке «Рукавичка» (рабочая версия)

Если ребёнок выбирает правильную картинку, вместе с ним радуется и «помощник учителя» — Ёжик, который сопровождает читателя на протяжении всего урока, оценивая его ответы: «Умница!», «Молодец!», «Верный выбор!» или «Ошибочка вышла!», «Подумай ещё!» и «А если подумать?». Время на ответ и количество попыток не ограничиваются: малыш может перепробовать все варианты и правильный ответ в конце концов будет найден. Этот подход является принципиальным, т. к. речь идёт не о контроле, а об обучении: все варианты ответа (в том числе и неправильные) могут обсуждаться и аргументироваться. Также Ёжик никогда не квалифицирует ответ как неправильный или плохой, а предлагает подумать.

Уже существуют рабочие версии нескольких интерактивных онлайн-занятий по обучению смысловому восприятию художественных текстов для интеллектуального развития дошкольников (4+) с набором дополнительных ресурсов к каждому из них: аудио- и видеoverсий художественных текстов, онлайн-ресурсов с играми и приложения в формате pdf для продолжения работы за пределами онлайн-занятия. В онлайн-занятиях используются художественные тексты, рекомендуемые для детей возрастных групп до 7 лет как классиков русской детской литературы (А. Л. Барто, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского и др.), так и современных писателей (М. Я. Бородинской, В. А. Левина, Ю. П. Мориц и др.). Все материалы проекта до конца текущего года

будут размещены в специально созданном разделе сайта интерактивного курса «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой» на портале.

Рис. 5. Главная сцена раздела (рабочая версия)

В качестве дополнительных ресурсов к онлайн-занятиям предполагаются игры, в которых используются ситуации и герои соответствующих художественных текстов, как, например, в квесте онлайн-занятию по стихотворению С. Я. Маршака «Где обедал, воробей?»

Мультимедийные онлайн-занятия для дошколят, не умеющих читать, можно использовать как для групповой работы в условиях детских дошкольных учреждений, так и для индивидуальных занятий дома с мамой или бабушкой. Целевая аудитория онлайн-занятий по обучению чтению художественной литературы — дошкольники (4+), в том числе: носители русского языка, дети-граждане России, для которых русский язык не является родным, а также дети-билингвы, проживающие в России и зарубежных странах.

Качества, необходимые, по мнению В. В. Набокова, для хорошего читателя (воображение, память, лексический запас и художественный вкус), сформированные у ребёнка ещё в добуквенный период (до школы) и дополненные в дальнейшем обучении навыками техники чтения, помогут воспитать «идеального читателя», по словам Умбер-

то Эко, солидарного с русским писателем в том, что «лучший герой, которого создаёт писатель — это его читатель» (В.В. Набоков).

Итоги

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что Институтом Пушкина на портале «Образование на русском» создаётся (и в основе своей создана) образовательная среда по чтению русской художественной литературы, содержащая

- научное методическое обоснование;
- учебные онлайн и офлайн ресурсы с использованием художественных текстов русских писателей XVIII–XXI веков для различных категорий читателей и их преподавателей;

- подборку видеозаписей лекций, мастер-классов, вебинаров, выступлений автора настоящей статьи в рамках различных форм дополнительного профессионального образования для учителей и логопедов, а также дополнительно образования родителей;

- обратную связь: почти 100 отзывов об использовании онлайн-уроков чтения и описаний проведенных уроков чтения в различных учебных заведениях и домашних условиях и др.

Параллельно с деятельностью по реализации новых направлений развития Образовательной среды по чтению русской художественной литературы предполагается работа по оптимизации её структуры и обогащению содержательного контента, созданию новых уроков чтения и дополнительных ресурсов, а также совершенствованию методики обучения смысловому восприятию художественных текстов и многое другое.

ИСТОЧНИКИ

Кулибина 2004 — Кулибина Н. В. *Написано женщинами. Учебное пособие по чтению*. М.: Русский язык; Курсы, 2004. 271 с.

Кулибина 2008 — Кулибина Н. В. *Читаем по-русски на уроках и дома. Книга для ученика*. Рига: RETORIKA-A, 2008. 191 с.

Кулибина 2019 — Кулибина Н. В. *Читаем стихи русских поэтов. Учебное пособие по чтению для изучающих русский язык как иностранный*. СПб.: Златоуст, 2019. 90 с.

ЛИТЕРАТУРА

Богин 1991 — Богин Г. И. Рефлексия и понимание в ком-

муникативной подсистеме «человек — художественный текст». В сб.: *Текст в коммуникации*. М., 1991, с.2–40.

Дроздова 2017 — Дроздова О. Е. *Метапредметный подход к обучению русскому языку в разных предметных областях школьного образования*. Автореф. дис. ... док-ра пед. наук. М.: 2017.

Кулибина 2022 — Кулибина Н. В. *Методика обучения чтению художественной литературы*. М.: Флинта, 2022. 302 с.

Кулибина, Лагутина 2020 — Кулибина Н. В., Лагутина А. В. Человек читающий в заколдованном круге чтения. ПРОчтение: дислексия в XXI веке. В сб.: *Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии, Москва, 10 сентября 2020 года*. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 117–125.

Лагутина 2018 — Лагутина А. В. Из опыта использования цифровых технологий в коррекции речевых нарушений учащихся старших классов общеобразовательной школы. В сб.: *Чтение в цифровую эпоху: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии, Москва, 15 мая 2018 года*. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 146–149.

Лотман 1999 — Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

Ушинский 1988 — Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании. В кн.: *Педагогические сочинения*. Том 1, М., 1988. С. 194–256.

Эко 2016 — Эко, Умберто. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. Москва: АСТ; CORPUS, 2016. 640 с.

SOURCES

Кулибина 2004 — Kulibina N. V. *Written by women. Reading Tutorial*. Moscow: Russkii iazyk Publ.; Kursy Publ., 2004. 271 p. (In Russian)

Кулибина 2008 — Kulibina N. V. *We read Russian in class and at home. Book for the student*. Riga: RETORIKA-A Publ., 2008. 191 p. (In Russian)

Кулибина 2019 — Kulibina N. V. *We read poems by Russian poets. Reading textbook for learners of Russian as a foreign language*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2019. 90 p. (In Russian)

REFERENCES

Богин 1991 — Bogin G. I. Reflection and understanding in the communicative subsystem «man — literary text». In: *Tekst v kommunikatsii*. Moscow, 1991, p. 2–40. (In Russian)

Дроздова 2017 — Drozdova O. E. *Meta-subject approach to teaching the Russian language in different subject areas of school education*. Abstract dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2017. (In Russian)

Кулибина 2022 — Kulibina N. V. *Methods of teaching reading fiction*. Moscow: Flinta Publ., 2022. 302 p. (in Russian)

Кулибина, Лагутина 2020 — Kulibina N. V., A. V. Lagutina. A person reading in an enchanted reading circle. PROreading:

dyslexia in the XXI century. In: *Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-practicheskoy konferencii Rissiskoj asociacii disleksii, Moskva, 10 sentiabria 2020 goda*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Press, 2020. P. 117–125. (In Russian)

Лагутина 2018 — Lagutina A. V. From the experience of using digital technologies in the correction of speech disorders in high school students. In: *Chtenie v cifrovuiu epokhu: Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-practicheskoy konferencii Rissiskoj asociacii disleksii, Moskva, 15 maia 2018 goda*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Press, 2018. P. 146–149. (In Russian)

Лотман 1999 — Lotman Iu. M. *Inside the thinking worlds*.

Man — text — semiosphere — history. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 464 p. (In Russian)

Ушинский 1988 — Ushinskii K. D. On nationality in public education. In: *Pedagogical essays*. Tom 1, M., 1988. P. 194—256.

Эко 2016 — Eco, Umberto. *The role of the reader. Studies in text semiotics*. Moscow: AST Publ.; CORPUS Publ., 2016. 640 p. (In Russian)

[хроника]

ИТОГИ ПРОЕКТА «РОССИЯ-КИРГИЗИЯ: ЯЗЫК, ПРЕДМЕТ, ЗНАНИЕ»

2 декабря в Кыргызстане с успехом завершился пятидневный курс повышения квалификации для методистов и учителей, преподающих предметы на русском языке.

Специалисты Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена уже во второй раз проводят в республике мероприятия по повышению квалификации, однако в горные регионы Нарынской и Таласской областей Киргизии приехали впервые. Программа мероприятий проходила в живописнейших местах у подножья Тянь-Шаньских гор, обучение проводилось по 6 дисциплинам: физика, химия, математика, русский язык, биология, а также преподавание русского в начальной школе.

В городе Таласе, где РГПУ им. А. И. Герцена представляли преподаватели С. С. Гаврилов, Н. В. Кочуренко, А. Л. Левченко, К. Р. Мохова, М. А. Реутова и Г. С. Щеголева, курсы повышения квалификации прошло 139 киргизских учителей и методистов. В городе Нарыне под руководством преподавателей Герценовского университета М. Б. Елисеевой, Ю. Г. Карпеченковой, Н. В. Карташовой, В. В. Крылова, И. А. Орловой и Д. Э. Темнова квалификацию повысили 132 человека. Данные проведенного анонимного анкетирования участников курсов показали, что материал, представленный преподавателями Герценовского университета, был актуальным и практико-ориентированным. На занятиях доминировал благоприятный эмоционально-

психологический климат, который также поддерживался усилиями организаторов мероприятия. Массштабную поддержку проекту оказало представительство Россотрудничества в Киргизской Республике и организация «Центр трекинга Горы Азии».

Благодаря поддержке Таласского государственного университета и Нарынского государственного университета, на базе которых проходили мероприятия по повышению квалификации, занятия проводились в комфортных, оборудованных необходимой техникой аудиториях, что не могли не отметить и российские преподаватели, и киргизские учителя.

Добрые слова поддержки и благодарности за проделанную работу услышали сотрудники Герценовского университета и от руководства университета в Таласе, где проректор ТГУ Самат Субанкулович Жумалиев выразил надежду на дальнейшее сотрудничество между РГПУ им. А. И. Герцена и Таласским государственным университетом.

Реализованный проект «Россия–Киргизия: язык, предмет, знание» полностью выполнил те задачи, которые ставились перед его исполнителями: поддержать практику преподавания русского языка и предметов на русском языке в школах Киргизии, познакомить коллег с содержательными новациями и современными образовательными технологиями в области преподавания русского языка и литературы, математики, биологии, химии, физики, а также русского языка в начальной школе.

БОЛЬШОЙ ПУТЬ И БОЛЬШАЯ ДОРОГА: КАК НЕ ЗАБЛУДИТЬСЯ? (СИНТАГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОРИЕНТИР В ПОНИМАНИИ ИХ ИНОСТРАНЦАМИ)

LIUDMILA B. SAVENKOVA

A GREAT WAY AND A GREAT ROAD: HOW NOT TO GET LOST?

(SYNTAGMATICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A REFERENCE IN UNDERSTANDING THEM BY FOREIGNERS)

При обучении иностранцев русскому языку необходимо достигать трех целей: учить использовать чужую языковую систему для формулирования собственных высказываний, учить понимать высказывания на чужом языке в соответствии с особенностями семантики и грамматики, осуществлять аккультурацию обучающихся. Первая цель наиболее проста, две других достижимы только в тесной взаимосвязи. Успешности их реализации может помочь 1) предварительная аналитическая работа обучающего с лексическими минимумами по русскому языку как иностранному на каждом уровне для изыскания возможностей добавления к нему в ходе обучения социокультурно актуальных устойчивых выражений, деривационно связанных с единицами осваиваемых лексических минимумов, 2) ранжирование фразеологических единиц по степени сложности их осмысления и выстраивание порядка обращения к ним на контактных занятиях, 3) отбор газетных публикаций с такими устойчивыми выражениями, 4) их предварительный количественный и качественный анализ для выявления контекстов, в наибольшей мере отвечающих задаче демонстрации иностранцу ценностных установок носителей изучаемой лингвокультуры, 5) контактное обучение иностранцев синтагматическому и контекстуальному анализу как средству восприятия и понимания текста. В силу сложности фразеологической семантики работа с фрагментами современных публицистических текстов может осуществляться в достаточном объеме только в филологической аудитории — на старших курсах бакалавриата, в магистратуре и аспирантуре. Ход синтагматического анализа должен показать обучающемуся несовпадение сочетаемости элементов переменного сочетания и сочетаемости фразеологической единицы с её окружением. Контекстуальный анализ проводится для того, чтобы обучающийся обнаружил возможность выдвижения на первый план различных семантических признаков слов как самостоятельных языковых единиц и как строительного материала для фразеологических единиц. При этом следует демонстрировать сохранение связи семантики фразеологической единицы в контексте с этимологом слова, поддерживающего внутреннюю форму устойчивого выражения. Проводимый анализ должен показывать иностранцу ценностные установки современных россиян.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; фразеологическая единица; синтагматика; синонимы; синтагматический анализ; контекстуальный анализ.

The author argues that in teaching foreigners the Russian language, it is necessary to achieve three goals: to teach how to use a foreign language system to formulate their own statements, to teach to understand statements in a foreign language in accordance with the peculiar properties of semantics and grammar, to acculturate students. The first goal is the simplest; the

**Людмила Борисовна
Савенкова**

Доктор филологических наук, профессор

► savenkova@sfned.ru

Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42

Liudmila B. Savenkova
Southern Federal University
150/42, ul. Pushkinskaya,
Rostov-on-Don, Russia, 344006

other two are achievable only if interrelated. The success of their implementation can be determined by 1) preliminary analytical work of the teacher with basic vocabulary in Russian as a foreign language at each level in order to find the possibilities of adding socioculturally relevant set expressions, derivationally associated with the units of the basic vocabulary being mastered, 2) ranking phraseological units according to difficulty of their comprehending, and building the order of referring to them in classes, 3) selecting newspaper publications with such set expressions, 4) carrying out their preliminary quantitative and qualitative analysis to identify the contexts that best meet the task of demonstrating to a foreigner native speakers' value system of the studied linguistic culture, 5) face-to-face learning to carry out a syntagmatic and contextual analysis as a means of perception and understanding of the text. Due to the complexity of phraseological semantics, all kinds of activities with fragments of modern journalistic texts can be conducted to a sufficient extent only in a class of linguistics students, in senior undergraduate, graduate and postgraduate courses. The syntagmatic analysis routine should show a student the discrepancy between the compatibility of the elements of the variable combination and the compatibility of the phraseological unit with its environment. The contextual analysis is to be carried out for a student to discover the possibility of highlighting various semantic features of words as independent language units and as building material for phraseological units. At the same time, it is necessary to demonstrate the preservation of the connection of phraseological unit's semantics in the context and the etymon of the word that supports the internal form of the stable expression. The analysis should show the foreigner the value system of contemporary Russians.

Keywords: Russian as a foreign language; phraseological unit; syntagmatics; synonyms; syntagmatic analysis; contextual analysis.

Введение

При обучении иностранцев русскому языку расширение их лексико-фразеологического запаса достигается, с одной стороны, развёртыванием лексико-тематических групп, а с другой — донесением до сознания обучающихся мысли о том, что слова, включаемые в одном значении в единую лексико-тематическую группу, в силу семантического развития могут выходить за её пределы и не только транслировать иные смыслы, но и участвовать в деривационных процессах, результатом которых являются структурно более сложные, чем слово, языковые знаки, — фразеологические единицы (далее — ФЕ). Для полноценного употребления лексики, таким образом, необходимо усвоение иностранцами нюансов, передаваемых синонимами, знание семантической структуры каждого слова, в одном из своих значений вхо-

дящего в лексико-тематическую группу, и усвоение устойчивых словесных комплексов (в первую очередь ФЕ, соотносимых с понятиями), в состав деривационной базы которых включаются вышеупомянутые синонимы.

Учет совокупности перечисленных факторов обеспечит обучающемуся приобретение умения передавать сообщения на изучаемом языке.

Однако общение не может сводиться только к транслированию адресату своих мыслей, эмоций, волеизъявлений. Иностранцу надо ещё и уметь правильно распознавать входящую информацию, а следовательно, выявлять значения, в которых используются языковые единицы в воспринимаемом им тексте.

Естественно, что в процессе аккультурации индивид учится не только бытовой или учебно-научной коммуникации. Он должен усваивать и общественно значимую информацию, которую получает в процессе ознакомления с материалами средств массовой коммуникации. Уже на первом уровне (ТРКИ–1/В1) владения русским языком как иностранным обучающемуся с лексическим минимумом до 2300 единиц необходимо «уметь читать небольшие тексты из газет, журналов и книг, понимать общее содержание прочитанного, а также отдельные детали, выводы и оценки автора» [Приказ МОН РФ 2014]. Именно звучащий в процитированном документе акцент на том, что иностранцу надо уметь понимать газетные и журнальные материалы заставляет искать пути повышения эффективности восприятия текстов современной российской периодики инокультурным обучающимся. Без сомнения, начальные шаги в осмыслении хотя бы относительно завершённых высказываний инофон делает в пространстве информационных речевых произведений, где он опирается на знание отдельных слов, а сами фрагменты подбираются преподавателем так, чтобы в них можно было сосредоточить внимание на тексте, а не на подтексте. Если в их составе обнаруживаются элементы лингвокультурной информации, они, как правило, обеспечивают знакомство обучающегося с бытом, традициями, обычаями, системой образования, достопримечательностями и т. п., то есть обеспечивают линг-

вострановедческий аспект обучения. Между тем глубокое проникновение в чужую картину мира должно быть связано со способностью читающего делать выводы о ценностной системе, о социокультурных установках носителей постигаемой лингвокультуры, а это возможно только на основе сопоставления смыслов множества прочитанных текстов, как информационных, так и аналитических.

Приблизиться к верному восприятию текста на чужом языке помогает знание не только словарных значений (особенно учет полисемии), но и сочетаемости освоенных лексических единиц. Это помогает сориентироваться в том, сохраняет ли единица самостоятельность в функционировании или выступает в качестве строительного материала для другого, составного языкового знака, а значит, иначе участвует в создании текстовой семантики.

Цель исследования — на примере анализа особенностей функционирования в газетных материалах составных языковых знаков, в деривационную базу которых включены синонимы, соединяемые с одним и тем же компонентом, показать, как учет особенностей синтагматики близкозначных лексем может повышать эффективность восприятия иностранцем публицистического текста и одновременно способствовать аккультурации обучающегося. В качестве материала взяты сочетания *большая дорога* и *большой путь*.

Состояние изучения вопроса. Методы

История вопроса может быть сформирована на пересечении таких проблемных областей, как 1) концептуальная значимость представлений о пути и дороге в этнических картинах мира; 2) когнитивная семантика слов *дорога* и *путь* в русском языке; 3) ФЕ с компонентами *дорога* и *путь* в русском языке; 4) лексемы *дорога* и *путь* в газетных материалах; 5) синтагматика как средство уточнения лексической и фразеологической семантики; 6) синтагматический и контекстуальный анализ языковых единиц как составляющие методики обучения пониманию смысла текста.

Насколько позволяют заключить имеющиеся в распоряжении современной отечественной

гуманитаристики сведения, представления о пути и дороге относятся к числу важнейших в разных этнических сознаниях. Так, за последние четверть века российские ученые анализировали их по отношению не только к русской лингвокультуре, но и к зарубежным: английской, египетской, китайской, немецкой, украинской и др. Во многих случаях авторы обращаются к сопоставлению представлений о пути и/или дороге в разных языках, к примеру, в славянских, иранских, монгольских и тюркских, русском и китайском, русском и немецком, французском и русском и др. Это не удивительно: пространство и движение являются основными философскими категориями и не могут быть обойдены человеческим вниманием. Однако сложно не согласиться с Н. Д. Арутюновой, в конце прошлого столетия начавшей статью «Путь по дороге и бездорожью» актуальными для того времени словами: «Для нашей страны — страны бездорожья и беспредела, беспутства, распутицы и Распутиных, стихии, хаоса и безудержной воли “на просторах родины чудесной” — понятия дороги и пути играют необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах) в семантике, метафорике, символическом, художественном творчестве. Они определяют сам способ мышления о жизни и человеке» [Арутюнова 1999: 3]. Не случайно о пути и дороге пишут именно русскоязычные авторы. Часть их рассматривает упомянутую проблематику в рамках лингвокультур, развивающихся в пределах российского государства, в тесных контактах с русской лингвокультурой: чувашской, удмуртской, башкирской, калмыцкой, аварской, карачаево-балкарской и др. Это углубляет знания о когнитивной семантике русских лексем *дорога*, *путь* и смыслов, передаваемых благодаря использованию их или включающих их в свою структуру составных языковых знаков.

В то же время нет работ, которые рассматривали бы данный вопрос в аспекте РКИ. Кажется рациональным восполнить существующую лауну. Наиболее уместным для этого представляется обучение иностранцев синтагматическому и контекстуальному анализу. Кстати, именно на эти виды анализа ориентируются исследова-

ния, посвящённые функционированию лексем *дорога* и *путь* в художественных произведениях (например, штудии, рассматривающие представления о дороге и/или пути в творчестве М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Кузмина, М. И. Цветаевой, М. А. Шолохова и мн. др.). Для примера сошлемся лишь на одну из работ, в которой выявляется использование образа дороги в формировании когнитивной метафоры «дорога — жизнь» в повести А. П. Чехова «Моя жизнь». Общий вывод лингвиста — «... образ дороги является важнейшим, базовым компонентом концепта “жизнь” в повести “Моя жизнь”. Он воплощается во многих деталях повествования, обуславливая предметно-словесный состав текста. Дорога — это образ жизни в её онтологии, автор показывает различные преломления его в сознании героев, что соответствует их поведению, поступкам, истинной духовной свободе или нивелировке личности» [Щаренская 2013: 100]. Этот вывод складывается из обращений к синтагматике слова *дорога* и его текстовым переключкам с единицами, ассоциативно (часто — через этимологический анализ) формирующими апелляцию к тому же образу.

Подобный подход в интерпретации связанных высказываний представляется уместным и в обучении иностранцев русскому языку, однако рациональнее при этом обращаться к материалам газет, чтобы обучающиеся могли усваивать не индивидуально-авторские трактовки образов, а когнитивную информацию, актуальную для большинства представителей лингвокультуры и помогающую составить представление о ценностных установках и приоритетах нынешнего российского общества.

Главное когнитивное различие семантики слов *путь* и *дорога*

Подходя к разграничению дороги и пути с когнитивных позиций, Н. Д. Арутюнова определяет её в такой оригинальной оппозиции: «Дороги обозначают артефакты, “встроенные” в природу; пути, наоборот, природу, превращенную в артефакт» [Арутюнова 1999: 5]. Отсюда, как отмечает исследователь, сосредоточенность упоминаний о дороге как пространственно-предметном дено-

тате, на её конкретных характеристиках как некоего места, полосы для движения, имеющей материальные приметы, определённые геометрические и географические (топографические) параметры и связанной с точками (пунктами) отправления и прибытия различных субъектов/объектов. Для представлений о пути подобная конкретизация не является центральной. Путь — это среда, в которой происходит движение субъекта к цели, причём целью далеко не обязательно оказывается физическое перемещение в пространстве. Путь может осмысляться просто как возможность или способ достижения цели. Апелляция к *пути* высвечивает «темпорально-динамический» аспект ситуации [Арутюнова 1999: 8]. Эти денотативно обусловленные различия естественным образом влияют и на семантику вторичных составных языковых знаков — ФЕ с компонентами *путь* и *дорога*.

Группировка фразеологических единиц с компонентами *дорога* и *путь* по степени сложности восприятия

Наблюдая за семантической нагрузкой обих слов в формировании значений ФЕ, С. Г. Дрыга фактически подтверждает выводы Н. Д. Арутюновой: «<...> дорога осмысливается как весьма конкретный объект, по которому перемещаются и в пределах которого совершаются какие-либо действия, а путь — это чаще направление, траектория движения, которая может быть истинной и ложной, указанной Богом или выбранной человеком. Лексема *путь* здесь имеет более отвлеченный характер, содержит семы ‘истинности’, ‘верности’, ‘правильности’, что подтверждается сочетаемостью с единицами, обладающими христианской символикой» [Дрыга 2010: 17–18].

Приведённые результаты семантического анализа, осуществлённого предшественниками, как будто делают очевидным и несложным для разъяснения иностранцам смысл ФЕ с синонимичными в прямых значениях компонентами *дорога* и *путь*: *скатертью дорога*; *на дороге не валяется*; *становиться на дороге* кого, чьей; *выходить на дорогу*; *забывать дорогу* к кому, куда; *наставлять на путь* кого; *сбивать с пути* кого; *сбиваться с пути*, поскольку в них названные компоненты не участвуют даже в образовании вариантов ФЕ

и уж тем более не создают отдельных составных языковых знаков. Правда, преподаватель должен обратить внимание обучающихся на внешнюю синтагматику таких единиц, чтобы отличить их от переменных сочетаний той же формы. Однако, как показывает обращение к Газетному корпусу Национального корпуса русского языка (далее — ГК НКРЯ; все приводимые ниже фрагменты газетных материалов цитируются по этому источнику — Л. С.), в публицистических материалах почти все эти единицы имеют тенденцию проявляться исключительно или преимущественно в какой-то одной из двух возможных ролей. Так, сочетания *скатертью дорога, наставлять/наставить на путь* (чаще с добавлением расширения *истинный/истины*) и лексико-грамматический дериват *наставление на путь, на дороге не валяется* встречаются в газетных публикациях исключительно как ФЕ, *забыть дорогу* — преимущественно как устойчивые обороты (65 из 74 употреблений), зато сочетание *выходить/выйти на дорогу* в 259 из 269 контекстов использовано как переменное. ФЕ *становиться на дороге* кого, чьей оказалась неостребованной современной публицистикой (интересно, что и омонимичное переменное сочетание не попало в фокус внимания журналистов).

В составе других ФЕ (*пути/дороги расходятся/разошлись* кого, чьи; *идти прямым путем / прямой дорогой*; *находить путь/дорогу к сердцу* кого, чьему) лексическая вариантность присутствует, ср.: «европейские мастера *шли прямым путем* технического прогресса, и форма клинка решала прикладные задачи — например, должна была *разрубить щит или кольчугу*» (Vesti.ru, 2011.12); «динамовцы *идут к своей цели прямой дорогой*, уступив в турнире лишь в двух играх» (Советский спорт, 2006.04). Однако эта вариантность затрагивает только форму, не создавая семантической разницы. Распознавание использования тех же сочетаний как переменных не составляет труда, поскольку в ближайшем контекстном окружении встречаются слова из семантического поля «Перемещение», указывающие на географические или топографические реалии, а также на способ перемещения, ср.: «пока не знают о новом *прямом пути*, который открыл еще один *выезд из города на федеральную трассу*

“Пенза—Тамбов”»; «*идти к столице прямым путем, вдоль шоссе*» и т. п.

В некоторых случаях ощущение семантического различия, вносимого в устойчивых выражениях выбором лексемы *путь* или *дорога*, размывается. Так, судя по словарю «Доброе слово», в традиционных благопожеланиях, при прощании адресуемых отъезжающему, обычно преобладают формулы с компонентом *путь: счастливого/доброго пути, счастливый/добрый путь, в добрый путь* [Балакай 1999: 87–88]. Автор словаря приводит и благопожелания с одновременным использованием обеих лексем: *Путь да дорога!*; *Путь-дорога (дорожка)!*; *Путем-дорога!*; *Скатертью дорога, лентой ровный путь!*; *Широкий путь — вольная дорожка (дороженька)*; *Бог на дорогу, Никола в путь!*; *Никола в путь (Христос по дорожке)* [Балакай 1999: 87–88], а также упоминает и вариант *Счастливой дороги!* [Балакай 1999: 157]. В этом материале чувствуется некоторая противоречивость. С одной стороны, народное сознание отмечало важность благополучного достижения путником цели, хотя признавало и значимость тех обстоятельств, в которых эта цель становится результатом. Отсюда параллельное обращение внимания не только на *путь*, но и на *дорогу*. С другой стороны, в пожелании *Скатертью дорога, лентой ровный путь!* нельзя не видеть полной синонимизации обоих анализируемых существительных, которые делают акцент на предметно-событийной стороне ситуации. В тех случаях, когда наблюдается не сосуществование, а возможность свободного выбора одной из двух лексем, говорящий (во всяком случае, сегодняшний носитель русского языка), вероятно, все же вкладывает в этот выбор семантическое разграничение. Примечательно, что и в художественной, и в публицистической речи наблюдается явное количественное преобладание формул *счастливого/доброго пути* по сравнению с вариантами *счастливой/доброй дороги*. Если, к примеру, в ГК НКРЯ первых — 157/28, то вторых — только 11/2. Конечно, при первом предъявлении эти формулы благопожелания можно просто предлагать инофону для запоминания с комментарием о различии в частотности использования. Однако в целом имеет

смысл привести этимологические комментарии, которые позволят увидеть, что для россиян более значимым представляется достижение результата (из этимологизации лексемы *путь* М. Фасмером можно увидеть переключку представления о пути с мыслью об узнавании, нахождении, то есть о достижении результата, способом к которому является движение, динамика [Фасмер 1987: 3, 413]; в то же время обращение к этимону слова *дорога* позволяет обнаружить отсылку к идее трудности, преодоления препятствий, так как дорога изначально воспринималась как «продранное в лесу пространство» [Фасмер 1986: 1, 530].

Сложности у иностранных обучающихся могут возникать при восприятии таких активных в современных газетных публикациях ФЕ, которые соединяют синонимичные лексемы *путь* или *дорога* с прилагательным *большой*. На степень их употребительности указывает количество примеров, включающих такие сочетания. Оно значительно превышает все остальные. Сочетание *большая дорога* в ГК НКРЯ обнаружено в 401 употреблении, из которых около 350 составляют употребления ФЕ. Сочетание *большой путь* встретилось в 435 контекстах, в которых только 19 употреблений можно с уверенностью квалифицировать как использование переменных словосочетаний. Необходимо тем не менее обратить внимание на то, что два упомянутых сочетания во фразеологическом воплощении не всегда выступают как самостоятельные единицы. В зону исследовательского внимания попали и единицы типа *выйти на большую дорогу, разбойники с большой дороги, начало большого пути, этапы большого пути* и т.п.

Наличие опыта восприятия существительных *дорога* и *путь* как синонимов в прямых значениях затрудняет разграничение смыслов их сочетаний в соединении с одним и тем же прилагательным, поскольку необходимо осознать, являются ли данные сочетания переменными или устойчивыми, а во втором случае — представляют ли они собой самостоятельные единицы или могут расцениваться как фрагменты еще более объемных единиц.

Привлечение синтагматического и контекстуального анализа к разграничению переменных и устойчивых сочетаний *большой путь* и *большая дорога* и акцентуации их семантических различий на фразеологическом уровне

Именно в подобных контекстах надо предлагать обучающимся обращаться к окружению сочетаний *большая дорога, большой путь*, то есть рассматривать их в синтагматическом ключе. Проанализируем последовательно случаи включения в газетные материалы сочетаний *большая дорога* и *большой путь*.

Преподавателю стоит напомнить обучающимся о том, что при участии в процессах образования ФЕ одно и то же слово может актуализировать разные семантические признаки. Так, от прилагательного *большой* в сочетании *большая дорога* чаще можно ожидать ассоциаций с пространственными параметрами. Здесь часто реализуется ассоциация значительного размера (длины, ширины) полосы земли для движения с тем, что на ней есть возможность много чего поместить, расположить, а следовательно, и со многим на ней встретиться, столкнуться и т.п. В сочетании *большой путь*, где возникает мысль о нахождении, достижении, узнавании чего-то, прилагательное *большой* может способствовать реализации идеи значимости, весомости того, что произойдет за время перемещения субъекта или иного его изменения.

Еще одно «напутствие» обучающимся перед чтением контекстов с рассматриваемыми единицами — сообщение о том, что в публицистических материалах языковые единицы часто обладают лингвокультурной нагруженностью и при этом отражают актуальные множественные мнения, бытующие в сегодняшнем социуме.

Поскольку для человеческого сознания категории пространства и движения являются основополагающими, слова *дорога* и *путь* в социально ориентированном общении часто могут передавать переносные смыслы или, по крайней мере, участвовать в их формировании. Однако это не исключает их использования и в прямых значениях. Убедиться в том, что слова не выступают в переносных значениях, можно, посмотрев на их

окружение. Если в контексте в пределах предложения, включающего словосочетание *большая дорога*, обнаруживаются лексемы, которые именуют географические или топографические реалии либо конкретизируют ситуации, условия, обстоятельства, способы и средства перемещения, или встречаются предлоги с пространственным значением, акцентирующие внимание на направлении движения или его маршруте, границах (например, *от ... до...*), такое сочетание в газетных публикациях используется для обозначения полосы земли, соединяющей крупные населенные пункты, или внутригородской дороги с интенсивным движением, ср.: «В этот раз я сразу *направился к большой дороге*, чтобы найти *транспорт*» (lenta.ru, 2019.11); «Она должна будет поставить под дополнительный контроль строительство *магистральных путей, транспортных развязок, мостов и большой дороги от Керчи до Симферополя* и дальше — *на Севастополь*» (lenta.ru, 2016.09). Надо указать, что современный толковый словарь отмечает это значение как связанное с реалиями прежних эпох, ср.: «в старину: тракт между крупными населенными пунктами» [Кузнецов 2008: 277], однако журналисты охотно включают его в свои тексты, чтобы подчеркнуть: описываемые события могут касаться многих жителей страны. Для обозначения разновидности «полосы земли, служащей для езды и ходьбы» [Кузнецов 2008: 277] сочетание используется в разных падежных формах и с разными пространственными предлогами (*с, от, вдоль к, по, на, над, о*). Однако оно может употребляться и в переносных значениях. Так, толковый словарь фиксирует устойчивый оборот *выйти на большую/широкую дорогу* в значении ‘стать известным, прославиться в какой-л. области’ [Кузнецов 2008: 277], а газетные материалы обнаруживают сужение состава ФЕ до адъективно-субстантивного сочетания с разным окружением, при этом контекст демонстрирует: мысль об известности, славе субъекта, выраженная таким сочетанием, единична (и это — надо подчеркнуть для обучающихся — вполне соответствует этимологическому эху лексемы *дорога*, которое отсылает носителя русского языка к мыслям о напряженной деятельности, трудностях

или даже опасностях), ср.: «И вот сейчас перед моими глазами проходит целая галерея моих героев у Някрошюса (фамилия известного театрального режиссера — Л.С.): Сальери, Отелло, Фауста... безусловно, Пиросмани, а именно со спектакля “Пиросмани, Пиросмани...” *началась большая дорога Някрошюса в мир*, которая становилась всё шире и шире» (Известия, 2018.11). В основном же в контекстах, которые можно считать не высвечивающими мысль о препятствиях, преградах, сложностях, переносное значение оборота может указывать на то, что *большая дорога* — место для значительной активности субъекта, его взаимодействия с другими людьми, участия в крупномасштабных делах, решения глобальных вопросов и т.п. Таков цитируемый ниже контекст, где автор сочетанием *большая дорога* речи маркирует жизнь в большом городе — жизнь человека с большими амбициями и большим напряжением сил для выполнения множества трудных задач. Героиня публикации, однако, предпочитает погоне за статусом и успешностью, сопряжённой с разнообразными рисками, размеренную, хотя тоже совсем не лёгкую жизнь сельского учителя: «*Свернула я с большой дороги на сельскую тропу*, она и вывела меня на отдельную квартиру, стабильную зарплату (учительствую в школе) и придала уверенности в завтрашнем дне» (Аргументы и факты, 1995.02). Эхо этимона — дорога сопряжена с трудностями и опасностями — звучит и здесь. Следует обратить внимание обучающихся на то, что уход с *большой дороги*, отказ от движения вперёд (о чем говорит глагол *свернула*) придал автору речи уверенности в будущем (то есть вне *большой дороги* событий меньше, они предсказуемы, а вознаграждение прогнозируемо и устраивает героиню (*отдельная квартира, стабильная зарплата*). Комментируя вместе с обучающимися подобные контексты, можно задать им вопросы: каковы характеры героев газетных публикаций, чего они хотят добиться в жизни, позволяют ли они управлять собой, мечтают ли об обязательном возвышении над остальными, предпочитают ли карьеру и славу или имеют другие жизненные приоритеты? Ответ, который в таких фрагментах очевиден, — герои публикаций стремятся к честной работе,

спокойному и свободному творчеству, к возможности соответствовать собственным жизненным потребностям, не подчиняясь чужим ценностным установкам. Слава для них мало значит, важнее свобода самовыражения. Поэтому свои событийные ряды они моделируют самостоятельно.

Продолжая анализировать с иностранцами функционирование устойчивого сочетания *большая дорога* в газетных материалах, следует подчеркнуть, что уже неоднократно упоминавшееся это этимона опорного существительного заставляет российских журналистов активно использовать выражение в контекстах негативного содержания, в первую очередь, для привлечения внимания к случаям нарушения закона или морально-нравственных норм.

В русском языке известны два варианта одной ФЕ, называющие преступника-грабителя, — *бандит/разбойник с большой дороги* [Баранов, Добровольский 2007: 629–630]. В ГК НКРЯ с компонентами *разбойник/разбойники/разбойница* встретилось 34 употребления; с компонентом *бандит/бандиты* — 30. Приводя эту единицу в статье «Разбойник», «Новейший большой толковый словарь русского языка» дает в скобках комментарий: «также: отъявленный негодяй» [Кузнецов 2008: 1061]. Отсюда становится ясным, что действия субъекта, маркируемого такими выражениями, расцениваются россиянами не только, а иногда и не столько со стороны юридической, сколько в морально-этическом ключе. Это позволяет авторам газетных материалов производить трансформацию названных единиц за счет замены компонента, называющего лицо. При этом используются как номинации преступников: *грабитель/грабители, громилы, убийца, мошенник/мошенники, борсеточники, группировка*, так и слова, указывающие на род или сферу занятий, специальность, должности, даже социальное положение, отношение к преступлению и т.д., ср.: *банкир, олигарх, генерал, начальники, гаишники, простолюдины, романтики, робингуды, «тимуровцы», «учёные»* (кавычки использованы авторами публикаций — Л.С.), *бомбилы, продавцы, рестораторы, уборщики, активисты*. Синтагматический анализ контекстов с фразео-

логическими трансформами позволит продемонстрировать иностранцу, что в одну формализованную структуру могут быть заложены нетождественные семантические акценты.

Возможна информация о преступниках, ср. название материала «*Группировка с большой дороги*» (Коммерсант, 2011.11), в котором сообщается о вынесении судебного приговора преступной группе, вымогавшей деньги у водителей-дальнобойщиков. В части контекстов подчёркивается осуждение обществом поведения лиц, поддавшихся соблазну и преступивших закон, при том, что изначально они не были представителями криминального мира, ср.: «*На скамье подсудимых оказались не матёрые взломщики сейфов и не грабители с большой дороги, а, казалось бы, добропорядочные и законопослушные лица, отцы семейств, ранее не замеченные ни в чем предосудительном*» (Труд–7, 2005.09); «Эдуард Павлович Кругляков, возглавляющий комиссию президиума РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, написал целую книгу «*Ученые с большой дороги*» — о хождениях магов и околонуточных шарлатанов во власть, за славой и деньгами» (Труд–7, 2001.10). Но та же рамка может заполняться сообщением о ситуациях, возникающих на транспортных магистралях и никакого отношения к нарушению закона не имеющих. К примеру, публикация под названием «*Уборщики с большой дороги*» (Vesti.ru, 2006.07) посвящена рассказу о законопослушных работниках коммунальных служб, следящих за чистотой *больших дорог*.

В целом синтагматический анализ пласта фразеологических употреблений сочетания *большая дорога*, проводимый в условиях контакта с преподавателем, поможет сформировать у иностранца представление о значимости в сознании современных россиян не только соблюдения юридического закона, но и особой моральной ответственности лиц с высоким социальным статусом перед обществом.

Аналогичным образом следует проводить лингвистический анализ фрагментов с сочетанием *большой путь*.

Отграничению переменного сочетания

от устойчивых оборотов способствует обнаружение в его окружении наименований географических реалий, топонимов, дат начала и/или окончания перемещения, отсылки к способу движения и т.п., ср.: «*лошадь проделала большой путь до Австрии*» (Vesti.ru, 2003.11); «самый *большой путь в 340 км проделал на “Буране” житель Нижней Пеши*» (Vesti.ru, 2002.04).

При использовании и в качестве переменного сочетания, и в виде ФЕ или её части для него характерно сочетание с незначительной по объёму группой глаголов — *пройти, проделать, преодолеть*, ср.: «команда *проделала большой путь, чем экватор Земного шара*» (Советский спорт, 2012.04); «Корабль *прошёл большой путь, встретил тяжёлые погодные условия*» (Vesti.ru, 2007.12); «за последние 15 лет Россия *прошла большой путь перемен*» (NEWSru.com, 2007.07). При этом путь оценивается с определённой точки отсчета. Чаще — в ретроспекции, тогда констатируется факт, что путь остался позади: глаголы используются в форме прошедшего времени (185 фразеологических контекстов, см. отдельные примеры выше). Второй набор использования ФЕ соединяет мысль о пути с мыслью о необходимости (*нужно, надо, необходимо, следует* — 23 употребления), долженствовании (*должен/должны* — 5), неизбежности (*предстоит* — 24), единично — желательности (*хотели*). Рассмотрение таких примеров покажет иностранцу, что, осознав необходимость определенной цели, россияне достигают результатов либо воспринимают *большой путь* (предстоящие масштабные свершения) как некий императив.

В представлении россиян для достижения значительных результатов необходимо и время, и пошаговое продвижение к ним. Большую значимость они придают точке отсчета и осмыслению своей позиции в ней. Это можно показать через анализ контекстов с ФЕ *начало большого пути* и ее производной *в начале большого пути*. Почти в четверти случаев (93 контекста) упоминания *большого пути* в газетных текстах их авторы обращаются к ФЕ *этапы большого пути*, чтобы подчеркнуть сложность и неоднородность деятельности по достижению значимых результатов.

Следует обратить внимание обучающихся на то, что в газетных материалах ФЕ *этапы большого пути* часто используется для обозначения личностных достижений индивида, его духовного или творческого роста. При обсуждении этих фрагментов стоит вспомнить о том, что контекстов с сочетанием *большая дорога* для обозначения активных усилий индивида, направленных на выдвижение себя на первые позиции по сравнению с другими людьми, в газетных публикациях практически не было. Это сопоставление поможет подчеркнуть: россияне не склонны выпячивать свои достоинства перед другими, гнаться за карьерой, создавать себе ореол славы. Тем не менее взгляд на многих из них со стороны позволяет оценить их жизнь как динамичное развитие, вызывающее одобрение и уважение.

Итоги

Итак, представления о дороге и пути, с одной стороны, оказываются важными для осмысления на философском уровне для любого народа, а значит, включаются в число тех, что неминуемо будут иметь лексические маркеры, которые должен запомнить иностранец, обучающийся русскому языку, с другой же — обнаруживают свою специфику в русском языковом сознании, чрезвычайно весомую именно в аспекте восприятия обучающимся живой русской речи. На примере функционирования в газетных материалах составных языковых знаков с компонентами *дорога* и *путь* можно продемонстрировать инофону важность обращения не только к собственной семантике лексем, но и к их способности участвовать в формировании ФЕ, реализующих кумулятивную функцию. Через аналитическое чтение газетных текстов совместно с преподавателем обучающийся привыкает рассматривать слова в их синтагматических связях, ориентироваться на ближайшее контекстное окружение для выявления актуальной социо- и лингвокультурной информации и формирует объективное мнение о картине мира и ценностных установках носителей языка той страны, которую он постигает через освоение языковой системы.

ИСТОЧНИКИ

Балакай 1999 — Балакай А.Г. *Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв.*: В 2 т. Т. II. П–Я. Кемерово: Новокузнецкий государственный педагогический институт, 1999. 318 с.

Баранов, Добровольский 2007 — *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (ред.). М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

ГК НКРЯ — *Газетный корпус Национального корпуса русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 20.08.2022).

Кузнецов 2008 — *Новейший большой толковый словарь русского языка*. С.А. Кузнецов. (гл. ред.). СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008, 1536 с.

НЭБ — *Научная электронная база elibrary.ru*. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 10.08.2022).

Приказ МОН РФ 2014 — *Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 1 апреля 2014 г. N 255 г. Москва «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним»* // RGRU. URL: <https://rg.ru/documents/2014/06/20/urovni-dok.html> (дата обращения: 11.08.2022).

Фасмер 1986–1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью. В сб.: *Языки динамического мира*. Арутюнова Н.Д., Шатуновский И.Б. (отв. ред.). Сер.: Логический анализ языка. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 3–17.

Невская и др. 1998 — Невская Л.Г., Николаева Т.М., Седатова И.А., Цивьян Т.В. Концепт пути в фольклорной картине мира (от Балтии до Балкан). В сб.: *Славянское языкознание. XII Международ. съезд славистов*. М.: Наука, 1998. С. 442–459.

Щаренская 2013 — Щаренская Н.М. Дорога как образный компонент концепта «жизнь» в повести А.П. Чехова «Моя жизнь». *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2013, (1): 93–101.

SOURCES

Балакай 1999 — Balakai A. G. *Kind Word: Dictionary guide in Russian speech etiquette and common folk benevolent treatment of XIX–XX centuries*: V 2 t. T. II. P–Ia. Kemerovo: Novokuznets State Pedagogical Insitute Press, 1999. 318 p. (In Russian)

Баранов, Добровольский 2007 — *Thesaurus of modern Russian idioms*. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. (eds.). Moscow: Mir entsiklopedii Avanta+ Publ., 2007. 1135 p. (In Russian)

ГК НКРЯ — *Newspaper Corpus of the National corpus of the Russian language*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (date of access: 20.08.2022). (In Russian)

Кузнецов 2008 — *Latest Great Dictionary of Russian language*. S. A. Kuznetsov (ed.). St. Petersburg: Norint Publ.; Moscow: RIPOL klassik Publ., 2008, 1536 p. (In Russian)

НЭБ — *Electronic Research Library elibrary.ru*. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (date of access: 10.08.2022). (In Russian)

Приказ МОН РФ 2014 — *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated April, 1 2014 г. N 255, «On the approval of the levels of proficiency in Russian as a foreign language and the requirements for them»* // RGRU. URL: <https://rg.ru/documents/2014/06/20/urovni-dok.html> (date of access: 11.08.2022). (In Russian)

Фасмер 1986–1987 — Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*: V 4 t. Moscow: ProgressPubl., 1986–1987. (In Russian)

REFERENCES

Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. The way on road and off road. In: *Iazyki dinamicheskogo mira*. Arutiunova N. D., Shatunovskii I. B. (eds.). Ser.: Logicheskii analiz iazyka. Dubna: Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna», 1999. P. 3–17. (In Russian)

Невская и др. 1998 — Nevskaja L. G., Nikolaeva T. M., Sedakova I. A., Tsiv'ian T. V. The concept of the path in the folklore worldview (from the Baltics to the Balkans). In: *Slavianskoe iazykoznanie. XII Mezhdunar. s'ezd slavistov*. Moscow: Nauka Publ., 1998. P. 442–459. (In Russian)

Щаренская 2013 — Shcharenskaia N. M. The road as a figurative component of the concept «Life» in Anton Chechov's «My Life». *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2013, (1): 93–101. (In Russian)

**Горицкая О. С. Язык и границы:
Лексическая и грамматическая специфика
русского языка в Беларуси.
Минск : МГЛУ, 2021. — 300 с.**

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-101-105

Первая четверть XXI в. в европейской гуманитарной мысли проходит под знаком фронтальных исследований: изучаются и осмысляются территориальные и виртуальные, исторические и культурные границы, пограничья и контактные зоны разных культур и этносов. Интересно, что русскоязычная лингвистика пока еще только подходит к переосмыслению традиционной для языкознания проблематики контактной, ареальной, диалектной лингвистики в этой новой и весьма перспективной парадигме исследования.

Одновременно в современной русистике стали появляться интересные работы, связанные с осмыслением положения русского языка в новую, не просто постсоветскую, но и ультра-современную эпоху: в эпоху, когда на русском языке говорят десятки миллионов людей не только в России или на пространстве бывшего СССР, но и по всему миру, что стало следствием работой мобильности, новых волн эмиграции, увеличением количества херитажных носителей языка и т. д. И если мировые разновидности английского, французского и испанского языков уже давно анализируются в лингвистике, то изучение социолингвистических и собственно лингвистических особенностей русского языка зарубежья, его ареальные и культурные особенности, проявляющиеся в тех или иных странах мира, ещё только начинают изучаться.

В качестве примера такого крайне интересного и актуального исследования состояния русского языка за пределами Российской Федерации можно привести коллективную монографию «Русский язык за его пределами» (Екатеринбург, Москва: Кабинетный учёный, 2020), под общей редакцией Б.Ю. Нормана и Х. Куссе, в которой анализируется функционирование русского язы-

ка в девяти странах: Беларусь, Украина, Казахстан, Таджикистан, Германия, Швейцария, Италия, Канада и Китай. В этой монографии эксплицируются исторические, культурные и социальные предпосылки актуальной языковой ситуации и определяются современный статус, состояние и реальное использование русского языка в каждой из названных стран. Разумеется, в монографии анализируются также и особенности регионального варианта русского языка во взаимодействии с другими языками данной страны или ареала. Первый раздел, посвящённый описанию русского языка в Беларуси, написан Б.Ю. Норманом и его ученицей и коллегой О.С. Горицкой, материалы докторского диссертационного исследований которой легли в основание не только этого раздела, но и самостоятельной монографии, увидевшей свет в 2021 г. в Минске.

Авторская монография О.С. Горицкой обобщает результаты глубокой по степени исследования и широкой по поднятой проблематике докторской диссертации, многочисленных статей и докладов, представленных на международных конференциях, в славистических и лингвистических журналах Беларуси, России, Германии, Словакии, Чехии, Финляндии и других стран.

Функционирование русского языка в разных государствах имеет специфические черты, обусловленные социально-политическими и лингвистическими факторами. Важно отметить, что данная монография закрывает зияющую лакуну в современной русистике: не может не поражать тот факт, что последнее комплексное, монографическое исследование русского языка на территории ближайшей, соседней страны проводилось почти 40 лет назад, в прошлом веке и в другом государстве; речь идет о коллективной

монографии «Русский язык в Белоруссии» под ред. А. Е. Михневича (Минск: Наука и техника, 1985).

В центре многолетних интересов О. С. Горицкой находится, по её собственной формулировке, «сегмент белорусско-русского языкового континуума — русская речь в Республике Беларусь».

Известно, что разновидности русского языка в различных постсоветских странах имеют уникальную социолингвистическую специфику. Так, согласно модели Р. Мура, латвийская (эстонская и т. п.) и белорусская (казахстанская и т. п.) разновидности русского языка находятся на различных этапах развития, что не в последнюю очередь обусловлено и несовпадающим официальным статусом русского языка в этих странах: от государственного (Беларусь) и официального (например, Киргизия) до языка общения между нациями (Грузия и др.) и языка иностранцев (Латвия). В каждой из стран бывшего СССР русский язык имеет и структурные особенности, которые обусловлены контактами с другими языками. Кроме того, заложенные в системе русского языка тенденции реализуются по-разному в зависимости от местных (социо)культурных условий.

Одновременно для осмысления языковой ситуации Беларуси и Украины оказывается чрезвычайно важным феномен смешанной некодифицированной речи (в Беларуси это — трясанка, в Украине — суржик). Проблема языковых контактов в таком случае получает ещё и уклон в сторону культуры речи и языковой нормализации, чему много внимания уделено в монографии О. С. Горицкой в разных аспектах — от психолингвистических до лингвоэкологических.

Монография состоит из пяти глав, соответствующих этапам исследования функционирования русского языка в белорусском обществе и осмысления его роли самими жителями Беларуси.

Глава первая, «Русская речь жителей Беларуси в белорусско-русском континууме», закладывает теоретический фундамент исследования. На первых же страницах О. С. Горицкая формулирует исходную социолингвистическую проблему: «белорусский и русский языки, несмотря на официальное равноправие, занимают неоди-

наковое положение в обществе, и поэтому Беларусь — пример несбалансированной языковой ситуации. Русский язык доминирует как средство коммуникации, в то время как белорусский выполняет преимущественно символическую и этноконсолидирующую функции» (с. 10). Сложившуюся ситуацию исследовательница вписывает в круг типологически схожих ситуаций (например, шотландский гэльский) и подробно доказывает результатами новейших социологических и социолингвистических наблюдений. Так, согласно переписи населения 2019 г., 61,2 % жителей Беларуси указали в качестве родного языка белорусский, а 38,1 % — русский. Однако в качестве повседневного языка белорусский выбрали только 28,5 % жителей, а русский — 71 %. Правда, как точно замечает О. С. Горицкая, проблема такого распределения может быть связана и с тем, как сами опрошенные белорусы понимают (да и реагируют на) термин «родной язык». Более того, подобные данные официальной переписи заведомо неполны, поскольку не учитывают ту же трясанку как белорусско-русскую смешанную речь. Проблематике социо- и психолингвистической природы трясанки и её соотношения с белорусским и русским языками посвящён отдельный раздел монографии (1.1.2.).

В связи с белорусским билингвизмом и смешанным характером белорусско-русской речи становится актуальной проблема престижности языковой ориентации и трансформации этой концепции в первой четверти XXI в.: «социальная и географическая мобильность, распространение образования, расширение доступа к образованию и т. п. приводят к тому, что понятия «доминирование» и «престиж» языков в современных обществах размываются» (стр. 22).

Важное, концептуально значимое, методически верное решение социолингвистического исследования О. С. Горицкой — это признание русского языка полицентрическим, обоснованию чего посвящён отдельный параграф первой главы. Как известно, полицентрические языки (английский, французский, испанский и др.) функционируют в нескольких центрах (государствах), при этом в каждой национальной разновидности

есть некоторое количество структурных особенностей и (возможно) свои нормы. И если существовавшая в СССР концепция русского языка как средства межнационального общения отражала сугубо моноцентрическую установку (единный для всего многонационального государства стандартизованный, нормированный русский язык советской эпохи), то такие господствующие в мировых языках тенденции, как демократизация языковых стандартов и регионализация в противовес глобализации, привели, по мысли О. С. Горицкой и ряда других исследователей, к изменению статуса русского языка с моноцентрического на полицентрический.

Таким образом, автор приходит к мысли о том, что белорусский русский — это недоминантная разновидность русского языка, находящаяся в процессе формирования.

В этом смысле с психолингвистической точки зрения весьма интересны рассуждения исследовательницы о том, что русский язык для белорусов не является языком межнационального общения: «Исторически русский язык является «выученным» языком для белорусской нации, что находит отражение в структурных особенностях русской речи белорусов — в различных «неправильностях» (отступлениях от кодифицированных норм) и, наоборот, излишней «правильности», являющейся следствием лингвистической неуверенности» (стр. 53).

Во второй главе («Методика эмпирического исследования градуальных феноменов») обосновывается создаваемая О. С. Горицкой методика эмпирического исследования белорусско-русских континуальных феноменов. В монографии замечательно сочетаются как классические психолингвистические методы исследования (например, интроспекция, анализ языковой рефлексии), так и корпусный анализ, и экспериментальные (онлайн-опрос) методы.

Основной материал исследования извлекался из подкорпуса «Живого Журнала» Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), объём которого составляет 8 720 млн словоупотреблений, из них текстов, созданных в Беларуси, — около 162 миллионов. Подкорпус ГИКРЯ «Живой Жур-

нал» (ЖЖ), по мысли О. С. Горицкой, отражает современную повседневную речь: основная часть записей датируется 2010–2013 гг., а гибридный характер записей в ЖЖ позволяет анализировать специфику неофициальной, почти спонтанной речи. Благодаря большому объёму, разнообразию текстов и отсутствию редактирования, данный подкорпус отражает общие тенденции в развитии белорусской разновидности русского языка. Для выделения из корпуса сегмента русскоязычных текстов, созданных в Беларуси, использовались компьютерные программы, ускоряющие отбор релевантного языкового материала. Новые большие корпуса дают возможность выявить территориальное варьирование в использовании языковых единиц, отметить особенности текстов, связанные с их жанром, временем создания, социальными характеристиками автора и т. п.

Однако О. С. Горицкая не ограничивается анализом количественных данных, а исследует и метаязыковые высказывания самих носителей языка (объём картотеки — около 700 метаязыковых фрагментов общим размером в 30 тысяч слов), отражающие не только функциональные разновидности языковых вариантов, но и отношение к русскому языку в Беларуси. И это один из важнейших элементов концепции автора: «В основе нашей концепции языкового варьирования лежит представление о том, что различия между национальными разновидностями русского языка имеют градуальный характер и проявляются не только в наличии специфических языковых единиц, но и в разных предпочтениях говорящих» (стр. 97).

Третья и четвёртая главы выявляют лексические и грамматические особенности белорусского русского (в том числе явления, находящиеся на стыке лексики и грамматики) и факторы, которые обуславливают их формирование.

В третьей главе («Лексическая специфика русского языка в Беларуси») проанализировано лексическое своеобразие белорусского русского языка. Например, подробно описаны семантика и функционирование таких контактно-обусловленных лексем, специфических для этого варианта языка, как: *ссобойка* 'набор продуктов на работу, в дорогу', *отжалеть* 'дать, жалеть',

шувлядка ‘выдвижной ящик’ (автор настаивает на том, что для русского языка это белорусизм, хотя, на наш взгляд, это полонизм немецкого происхождения), *потиху* ‘потихоньку, тихонько’, *буська* ‘поцелуй’, ‘человек или животное, вызывающие умиление’, *с большего/сбольшего* ‘в общих чертах, в основном, в целом, большей частью’, *приснить* ‘увидеть во сне’.

Очень интересен фрагмент, связанный с анализом словообразовательно активного белорусизма *бульба*, который используется в создании новых номинаций (как правило, сложных слов) и в игровом контексте. «В частности, в интернете можно найти множество экспрессивных номинаций Беларуси с этим корнем: *Бульбостан*, *Бульбандия*, *Бульбаландия*, *Бульболандия*, *Бульба-лэнд*, *Бульбингем* и т. п. Обычно в сложных словах корень *бульб-* теряет связь с картофелем и имеет значение ‘что-то белорусское’» (стр. 104).

О. С. Горицкая выявляет и ряд слов, которые фиксируются словарями русского языка, однако типичны именно для Беларуси (их текстовая частотность, по данным ГИКРЯ, гораздо выше, чем у российских авторов ЖЖ): *партизан*, *пан*, *милиция* (в Беларуси нет полиции), *утюжить* (семантическая поддержка белорусской лексемы *прасаваць* (от *прас* ‘утюг’) ‘гладить’).

Автор исследует и ономатическое поле белорусского варианта русского языка, приходя к выводу, что «онимы-белорусизмы — это одна из составляющих специфики белорусской разновидности русского языка. Корпусный анализ показал, что элементы белорусского языка входят в состав различных имен собственных (топонимов, антропонимов, зоонимов, названий произведений литературы и искусства, номинаций коллективов, мероприятий и т. д.). Такие лексемы имеют национально-культурные коннотации и способствуют созданию белорусского колорита» (с. 169).

Четвёртая глава («Грамматическая специфика русского языка в Беларуси») описывает грамматические особенности белорусского русского языка. Если в лексике главным источником новшеств, изменений выступают заимствования, то в грамматике — внутренние ресурсы, внутриязыковые антиномии и аналогии.

Справедливо отмечая, что «ввиду значительной структурной близости белорусского и русского языков грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными» (стр. 216), О. С. Горицкая на этом этапе исследования словно бы последовательно иллюстрирует тезис Р. О. Якобсона о том, что «язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития».

В концепции исследовательницы грамматические различия между национальными вариантами русского языка, как и лексические, имеют градуальный характер и проявляются в том, что языковые единицы в неодинаковой степени распространены в различных странах.

В результате проведённого исследования были выявлены грамматические белорусизмы — единицы, которые чаще встречаются в белорусской разновидности русского языка, нежели в современном русском (некоторые из этих единиц характерны также для украинского русского). При этом ряд конструкций с ненормативным управлением встречаются повсеместно (например, *пришел со школы*). Другие конструкции имеют более узкую локализацию, например, белорусскую (*пойти в грибы/ягоды, мне болит голова*) или белорусско-украинскую (*смеяться с него*).

Интересны наблюдения автора над широким спектром причин появления грамматических белорусизмов: от тенденции к экономии речевых средств (*Баранович* вместо *Барановичей*) до выравнивания по аналогии с более продуктивными грамматическими феноменами (например, *словить, едьте, махайте* и т. п.). Важно, что подобные грамматические явления поддерживаются самим белорусским языком.

Отдельный сюжет в анализе грамматических белорусизмов посвящен глагольному времени: в результате контактов белорусский вариант русского языка сохраняет плюсквамперфектные формы типа *пришел был*, которые функционируют как полифункциональные варианты территориально не маркированных образований с частицей *было*.

В пятой главе («Отношение носителей белорусской разновидности русского языка к специфике идиома») проанализированы метаязыковые интернет-высказывания жителей Беларуси.

Отмечая зарождение общего для Беларуси и других стран постсоветского пространства положительного отношения к вариативности и нестандартным разновидностям русского языка как проявление полицентрической языковой идеологии, исследовательница эксплицирует и «элементы контркультурных установок, которые проявляются в готовности некоторых пользователей намеренно отступать от кодифицированных норм и создавать свои. Такой нонконформизм, в частности, наблюдается в продвижении вариантов *беларус* и *беларус(с)кий* в текстах на русском языке» (стр. 225).

Анализируя бурные интернет-дискуссии о специфике русского языка в Беларуси глазами самих белорусов, О. С. Горицкая делает важное наблюдение, характеризующее наивное лингвистическое сознание в целом: среди «наивных» говорящих есть тенденция относить многие факты, которые встречаются в бытовой коммуникации, к национально-специфическим, поэтому зачастую к локальным особенностям причисляют просторечные или разговорные единицы, активно используемые русскоязычными разных стран.

И, разумеется, в метаязыковых дискуссиях о белорусской разновидности русского языка звучат традиционные для народной лингвистики мысли о порче языка.

Одним из наиважнейших результатов столь широкомасштабного исследования, предпринятого О. С. Горицкой, следует признать создание комплексной методики, позволяющей анализировать не только белорусскую разновидность русского языка, но и другие подобные лингвистические образования (территориально-национальные разновидности русского языка). Особенностью её исследовательской оптики является анализ корпусных и экспериментальных данных, позволяющий получить объективные сведения о функционировании лингвистических единиц, а исследование интроспективных высказываний носителей белорусского русского языка эксплицирует социаль-

ную значимость языковых вариантов.

Еще раз подчеркнем, что монография О. С. Горицкой — это достойный научный труд высокой пробы, закрывающий определённые лакуны, существующие в современной русистике, и намечающие дальнейшие пути развития лингвистической мысли.

Хотелось бы подчеркнуть и широкий спектр применения монографии О. С. Горицкой, потенциально востребованной в разных общественных сферах: от научной и журналистской до преподавательской и лингвоэкспертной деятельности. Данная работа, безусловно, будет полезна не только русистам и специалистам в области контактной лингвистики, не только социо- и психолингвистам, но и культурологам, философам, юристам, политологам, социологам, журналистам и представителям многих других профессий.

В. А. Ефремов

*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка*

*Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена*

Индекс положения русского языка в мире¹

(к 30-летию Содружества Независимых Государств)

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-106-108

На протяжении последних пятидесяти лет динамика изменений в положении русского языка в стране и мире демонстрировала его устойчивую связь с уровнем экономического и социального развития нашей страны.

Имеющиеся данные свидетельствовали, что с ростом экономического развития, повышением положения государства на международной арене, русский язык также упрочивает своё положение в своей стране и за её пределами.

Однако за последние несколько лет в условиях настойчивых и усиливающихся попыток дискредитации России, её языка и культуры крайне сложно объективно оценить положение русского языка в мире. С одной стороны, можно определять его по динамике изменения численности говорящих на русском языке, но, с другой стороны, наряду с этим традиционным показателем, сегодня необходимо учитывать распространённость русского языка в глобальных коммуникационных сетях, в массмедиа, его значимость в сфере получения и распространения научных знаний, в образовании.

В данном контексте особое внимание должно быть уделено русскому языку как объединяющему фактору, обеспечивающему общенациональное единство России и распространение российской культурно-исторической традиции за рубежом.

В начале 2022 года были опубликованы результаты исследования Института русского языка им. А. С. Пушкина «Индекс положения русского языка в мире» за 2021 год. В этом исследовании использовались количественные показатели, совокупность которых позволила авторам дать численную характеристику конкурентоспособности русского языка в сравнении с 11 другими мировыми языками, а также определить степень распространённости русского языка в странах постсоветского пространства.

Проведенное исследование дало возможность сравнить данные о положении русского языка на момент распада СССР и в начале 2022 года, то есть показало динамику изменения положения языка в странах постсоветского пространства за 30 лет.

Работа состоит из двух частей — ГК-Индекс (Индекс глобальной конкурентоспособности) и УС-Индекс (Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства).

ГК-Индекс является интегральным показателем, основанным на сопоставлении русского языка с 11 языками — ближайшими глобальными конкурентами. Он рассчитан по шести параметрам:

- Языки по числу говорящих. Этот показатель чаще всего используется в СМИ и в статистической информации. Согласно нему, русский язык сегодня занимает восьмое место: на нем говорят порядка 258 млн. человек. В тройке лидеров этого показателя находятся английский (1млрд. 268 млн.), китайский (1млрд. 120 млн.) и хинди (637 млн.).

- Языки по количеству международных организаций, в которых они являются официальными или рабочими. По статусу в международных организациях русский язык занимает четвертое место, являясь официальным или рабочим в 15 крупнейших международных организациях из 23 рассмотренных — прежде всего это ООН и глобальные отраслевые организации под её эгидой.

- Языки по количеству публикаций в международных научных базах данных. Для подсчета этого параметра учитывались показатели двух ведущих наукометрических баз данных Scopus и Web of Science, придерживающихся строгих стандартов качества в области публикаций результатов научных исследований. Согласно этому критерию, русский язык занял пятое место.

- Языки по количеству СМИ. В мониторинге учитывались средства массовой информации, имеющие международный идентификатор ISSN, позволяющий идентифицировать серийную публикацию независимо от того, где она издана, на каком языке и на каком носителе. По словам ав-

¹ Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчий. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.

торов исследования, регистрация в международном реестре ISSN — свидетельство ориентации СМИ на современные международные стандарты. Здесь русский язык занимает седьмую строчку.

- Языки по числу пользователей сети Интернет. Более 116 млн. пользователей выбрали русский в качестве языка онлайн-общения. Это десятое место. Зато по числу русскоязычных ресурсов — второе.

- Языки по количеству сайтов. По данному критерию русский язык занимает второе место, уступая английскому. Правда здесь разрыв между лидерами так же велик, как и в сфере науки — 60,3% и 8,6%.

Обобщенный индекс глобальной конкурентоспособности показал, что по большинству параметров русский занимает 4–7-е места. Например, он является официальным и рабочим в 15 из 23 международных организаций, и это как раз четвертое место. Русский язык занял 5 место в перечне 12 ведущих языков мира со значением 2,86, обойдя арабский (2,50), португальский (2,38) и немецкий (2,33), при этом существенно уступил английскому (16,67), испанскому (5,26), китайскому (3,70) и французскому (3,70) языкам.

Согласно ГК-Индексу позиции русского языка невысоки по численности говорящих, по численности пользователей сети Интернет, а также по количеству СМИ. Однако русский язык стремится к сильным позициям по количеству научных публикаций, статусу в международных организациях и доле сайтов в сети Интернет.

Анализ статистических данных доказывает, что сфера науки чрезвычайно важна для положения нашего языка в мире, но требования к научным публикациям, которые до последнего времени применялись в России, направлены на вытеснение русского языка из научной сферы.

УС-Индекс — Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства — рассчитан по трем параметрам:

- Русский язык в государственно-общественной сфере. Здесь учитывался конституционный статус русского языка в зарубежных странах и статус русского языка в государственной коммуникации. В основу положены следующие

показатели: статус русского языка в конституции; наличие русскоязычных сайтов — версий официальных сайтов высших органов государственной власти, а также наличие русскоязычной версии портала государственных услуг. По данному параметру в лидерах находятся Беларусь, Казахстан и Киргизия. В этих странах отмечены все три показателя.

По количеству русскоязычных СМИ в некоторых странах постсоветского пространства за последние 30 лет произошел значительный рост доли русскоязычных изданий (в Беларуси — с 51 % в 1990 году до 81 % в 2021 году, в Азербайджане — с 20% до 36%, в Туркменистане — с 30 % до 56 %). Однако уменьшение доли русскоязычных СМИ не означает уменьшение их количества — например, в Латвии число СМИ на русском языке увеличилось со 147 до 338, хотя доля на национальном рынке СМИ уменьшилась на 47%.

- Русский язык в сфере образования. В основу подсчета положены следующие показатели: удельный вес обучавшихся на русском языке школьников; удельный вес школ с возможностью обучения на русском языке (включая билингвальные школы — классы и сектора с русским языком обучения); удельный вес обучавшихся на русском языке студентов организаций начального и среднего профессионального образования; удельный вес организаций среднего профессионального образования с возможностью обучения на русском языке; удельный вес обучавшихся на русском языке студентов вузов.

Эти 30 лет были непростыми, но место русского на постсоветском пространстве как языка межнационального общения сохранилось. Русский язык, несмотря на сокращение области охвата, сохранил функцию языка образования. Это связано с тем, что во многих странах так и не смогли заместить русскоязычные учебники для вузов, да и часть педагогов овладевала специальностью еще на русском языке. Общая доля школьников, которые учатся на русском в странах постсоветского пространства (без учёта России), сократилась до 19% — вдвое по сравнению с 1990/91 учебным годом. В абсолютных цифрах их число уменьшилось с 9,2 млн до 4,1 млн человек. Исключение

из общей тенденции составляет Беларусь: плюс 11%. Наибольшую отрицательную динамику демонстрирует Украина.

Впрочем, есть и позитивная тенденция: в последнее десятилетие общее число школьников, обучающихся на русском языке, стало постепенно увеличиваться в основном за счёт республик Средней Азии (Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана), а также Азербайджана, что, по мнению составителей «Индекса», связано не только с демографическим подъёмом, но и с высокой конкурентоспособностью образования на русском языке, а также с исторически сложившимися предпочтениями.

К слову, самая большая доля учителей русского языка и литературы в общей численности школьных педагогов сегодня в Южной Осетии — 11,8%. А самая маленькая в Латвии — 1,7%.

Исследование показало, что лидирующие позиции по числу студентов русскоязычных групп занимают Абхазия и Южная Осетия, ДНР и ЛНР, где 100 % учатся на русском, а также Беларусь. По абсолютному числу студентов лидируют Казахстан (197,5 тыс.), Беларусь (109,3 тыс.) и Киргизия (49,5 тыс.). Русский язык практически не используется в системе среднего профессионального образования Азербайджана, Армении, Грузии, Туркмении, Литвы и Латвии. Почти прекращено обучение на русском языке в училищах и колледжах на территории Украины. В Эстонии русскоязычные группы сохраняются лишь в частных образовательных заведениях.

Ощутимее всего русскоязычный сектор сократился на Украине — минус 600 тыс. человек. На 100 тыс. стало меньше русскоязычных студентов в вузах Казахстана, на 45 тыс. — в вузах Латвии, на 30 тыс. — в вузах Грузии. В то же время на 45 тыс. выросло число студентов, которые учатся на русском в Беларуси, на 12 тыс. — в вузах Таджикистана, на 10 тыс. — в вузах Киргизии. Полностью перешли на русскоязычное обучение вузы Абхазии и Южной Осетии.

• Русский язык в научной коммуникации. Здесь учитывалась доля публикаций на русском языке в общем количестве публикаций с указанием аффилиации данной страны в Scopus и Web of Science, а также комплексный показатель, кото-

рый представляет собой среднее арифметическое двух указанных выше показателей. Оказалось, в странах СНГ русский язык — это язык науки. В российской базе РИНЦ публикуется достаточно большое количество учёных из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. В то же время в Армении, странах Балтии, Молдавии, Туркменистане авторов гораздо меньше, но индекс цитируемости у них выше, что делает национальные науки и научные публикации более весомыми.

Согласно результатам мониторинга, русский язык по УС-Индексу наиболее устойчив в Республике Беларусь (25), которая лидирует с отрывом от ближайшего конкурента — Киргизской Республики (14,29) — почти в 2 раза. Замыкает тройку лидеров Республика Казахстан (9,09). Наименьший показатель УС-Индекса русского языка отмечен в Грузии (3,03). Наибольшую же отрицательную динамику показывает Украина. За последние 30 лет только число школьников, обучающихся на русском, там сократилось на три миллиона, а в последний год обучение на русском практически прекратилось.

На основании статистических методов прогнозирования информации, приведённой в Индексе положения русского языка в мире, авторы исследования делают два вывода.

Во-первых, русский язык является единственным из ведущих мировых языков, который на протяжении последних 30 лет неуклонно утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира, поэтому, если не будут приняты соответствующие меры по эффективной поддержке русского языка и культуры внутри страны, в ближнем и дальнем зарубежье, в этом случае в ближайшие 20 лет эта негативная тенденция будет сохраняться.

Во-вторых, укрепление позиций русского языка в мире требует не только более значительного ресурсного обеспечения, но и улучшения взаимодействия всех государственных и общественных ведомств и организаций, призванных поддерживать, развивать и пропагандировать русский язык и культуру.

*С. А. Кузнецов,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

«ПОИСК СВОЕГО В ЧУЖОМ»:

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОРУМА МАПРЯЛ НА КУБЕ

С 12 по 14 декабря в Республике Куба Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы совместно с Гаванским университетом был проведен форум «Русская литература в Латинской Америке: идеи и ценности для будущего мира». Поддержку мероприятию оказал фонд «Русский мир».

Участие в работе форума приняли около 200 литературоведов, преподавателей русского языка и литературы, переводчиков стран Латинской Америки: Аргентины, Венесуэлы, Испании, Колумбии, Кубы, Уругвая, Эквадора. Мероприятие прошло на высоком научном уровне с широким академическим представительством, в составе российской делегации были представители Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института русской литературы РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного института международных отношений, Государственного института русского языка им. Пушкина, Уральского федерального и Южного федерального университетов, которые смогли обменяться мнениями и установить договоренности по вопросам международного сотрудничества с представителями университетского сообщества, общественными и профессиональными объединениями стран данного региона. Широко была представлена и кубинская русистика: на заседаниях форума прозвучали выступления педагогов-русистов и литературоведов различных университетов Кубы, а также студентов и аспирантов.

На церемонии открытия со словами приветствия к участникам форума обратились чрезвычайный и полномочный посол России на Кубе Андрей Гуськов; заместитель министра высшего образования Республики Куба Мириам Альписар Сантана; президент МАПРЯЛ, советник Прези-

дента Российской Федерации Владимир Толстой; первый проректор Гаванского университета Мириам Эрнандес Колина.

Открыло работу форума выступление одного из наиболее известных российских писателей, автора романов «Лавр», «Авиатор», «Оправдание острова» Евгения Водолазкина. Рассуждая о точках литературного взаимодействия между Россией и Латинской Америкой, автор выделил две параллельно существующие в современной литературе тенденции, состоящие, с одной стороны, в стремлении приближения литературного нарратива к реальности, с другой — к конструированию откровенного вымысла, магического сюжета, элементы которого мы могли наблюдать в разные периоды у Гоголя, Булгакова, а сегодня — в откровенно сказочных произведениях российских и зарубежных авторов.

К категории времени в русской литературе обратился ректор Литературного института им. А. М. Горького, писатель, вице-президент Ассоциации «РОПРЯЛ», Алексей Варламов. Рассуждая о причинах, по которым современные российские писатели не выбирают в качестве основы сюжетов события наших дней, А. Варламов предположил, что *«русская литература чувствует, что не закрыт двадцатый век. И образуется брешь с нынешним временем»*. Этим, по его словам, объясняется и тот факт, что победителями национальной литературной премии «Большая книга» в 2022 году стали романы в жанре «нон-фикшн»: «Подлинная история Анны Карениной» Павла Басинского, «Имя Розанова» Алексея Варламова и «Парижские мальчики в сталинской Москве» Сергея Белякова. *«Присутствие книг, обращённых в прошлое, сильнее, — резюмировал А. Варламов. — Весь Тургенев, Островский, Некрасов, Достоевский, Чехов — актуальная литература, осмысляемая современностью, это прямой ход через время»*.

Мнение коллеги поддержал и другой лауреат «Большой книги», писатель, литературовед и литературный критик, исследователь творчества Льва Толстого Павел Басинский. Рассуждая о том, почему литература «золотого века» актуальнее нынешней, он заметил, что именно эта литература прекрасно экранизируется, превосходя по присутствию на киноэкране даже литературные произведения XX века. Залог востребованности такой литературы П. Басинский видит в том, что она *«ставила перед собой очень простые задачи, не стремилась к самовыражению»*. Более того, многие ценности, провозглашавшиеся классиками русской литературы, только в XXI веке стали трендами, например, вегетарианство, неприятие охоты и религиозная толерантность у позднего Льва Толстого.

Своими взглядами на дальнейшие перспективы продвижения русистики в странах Латинской Америки поделился социолог университета Буэнос-Айреса, переводчик, издатель, основатель и президент Аргентинского общества Достоевского Алехандро Ариэль Гонсалес. Он обозначил пять ключевых точек русистики на карте Латинской Америки и предложил сформировать латиноамериканское сообщество под эгидой МАПРЯЛ, в задачи которой входила бы координация и поддержка проектов, реализуемых филологами, педагогами и литературоведами в этом обширном и самобытном регионе. Рассуждая об особой манере прочтения произведений русской литературы латиноамериканскими читателями, А. Гонсалес отметил акцент на автономности восприятия, заключающийся в стремлении воспринимать и интерпретировать текст самостоятельно, вне рамок европоцентризма. Творческий метод аргентинской школы перевода учёный выразил в стремлении *«напрягать испанский язык, чтобы понимать, что автор сделал со своим языком»*. Большой интерес участников форума вызвала презентация переводов, выполненных Аргентинским обществом Достоевского, в числе которых — полные собрания пьес Пушкина, Тургенева, Чехова, пятнадцать ранее не издававшихся на испанском языке статей Юрия Лотмана и шесть статей о Достоевском Леонида Гроссмана.

Особенностям восприятия русской литературы в Латинской Америки посвятил своё выступление заместитель директора Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук Андрей Кофман. По его мнению, латиноамериканский читатель делает акцент не на сходстве своей культуры с русской, а на их различиях, через это «остранение» осуществляя «поиск своего в чужом». Возможно, такой подход и позволяет раскрывать тончайшие грани литературного текста, как это сделали зарубежные делегаты форума: директор Института Льва Толстого в Боготе (Колумбия) Рубен Дарио Флорес, аргентинские переводчики Омар Лобос и Марина Берри, театральные режиссер из Уругвая Рауль Родригес Да Силва, директор издательства «Поклонка» (Колумбия) Ирина Луна, венесуэльский журналист и переводчик Рубен Дарио Гутьеррес.

Высокую оценку участников форума получило выступление вице-президента МАПРЯЛ, известного переводчика русской литературы Рафаэля Гусмана Тирадо, в котором он не только представил ретроспективу проектов МАПРЯЛ в государствах Иbero-Америки, но и продемонстрировал научные монографии, учебные пособия, а также веб-ресурс испанских русистов «Русский язык в Испании» www.elrusoenespana.com и научный журнал «Cuadernos de Rusística Española».

Обзору деятельности педагогов-русистов Гаванского университета посвятил выступление профессор Гаванского университета Даниэль Мотола-Россо, прочитавший доклад своей коллеги, президента кафедры русского языка им. А. С. Пушкина Гаванского университета Тереситы Урры-Варгас.

В течение трёх дней форума шла работа презентационных площадок российских научных и образовательных организаций, занимающихся вопросами гуманитарного знания: Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, Института мировой литературы РАН, Литературного института им. А. М. Горького, научного фонда «Антонио Менегетти» и Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.

ФИЛОЛОГИЯ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

NATALIA V. IZOTOVA

PHILOLOGY AT THE SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY: THE PAST AND THE PRESENT

В 1915 году в Ростов-на-Дону из Польши был эвакуирован Императорский Варшавский университет, который положил начало университетскому образованию на Дону, в том числе и филологическому. Университет (в разные годы он назывался Донской, Северо-Кавказский, Ростовский) стал крупным учебным и научным заведением в Ростове-на-Дону и послужил базой для создания отдельных высших учебных заведений в регионе. В 1930 г. педагогический факультет Северо-Кавказского государственного университета был реорганизован в Ростовский педагогический институт, который в 1992 г. был преобразован в Ростовский государственный педагогический университет. В Ростовском государственном университете и Ростовском государственном педагогическом университете велась подготовка по филологическим специальностям, что продолжается в настоящее время в Южном федеральном университете (в 2006 г. университеты были объединены). В статье представлено развитие основных научных и методических исследований русского языка с момента появления университета в г. Ростове-на-Дону, дано описание сложившихся в учебных заведениях различных исследовательских направлений, что подтверждено наименованиями монографических работ ведущих ученых университета. Преподавательский состав Южного федерального университета изучал, продолжает изучать следующие разделы русской филологии, создавая в том числе новые направления исследований (фразеология, паремиология, словообразование, лингвокультурология, функциональная грамматика, риторика, юридическая лингвистика, когнитивная лингвистика, язык и стиль художественной литературы). Созданы «Словарь донских говоров», «Большой словарь донского казачества», коллективные монографии и сборники статей по исследованию языка А. П. Чехова, М. А. Шолохова, творчеству А. И. Солженицына. Направление этнолингвистических исследований осуществляется совместно с лабораторией филологии Южного научного центра Российской академии наук.

Ключевые слова: филология; Ростовский университет; Ростовский педагогический университет; Южный федеральный университет; научные направления; монографические исследования.

**Наталья Валерьевна
Изотова**

Доктор филологических наук, профессор

► nvizotova@sfedu.ru

Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42

Natalia V. Izotova

The Southern Federal University
105/42, B. Sadovaia ul.,
Rostov-on-Don, Russia, 344006

In 1915, the Imperial Warsaw University was evacuated from Poland to Rostov-on-Don, which marked the beginning of university education, including philological, in the Don region. The University (at different times under various names such as the Don University, the North Caucasian University, the Rostov State University) became a major educational and scientific institution in the city of Rostov-on-Don and served as the basis for the creation of separate higher educational institutions in the region. In 1930, the Pedagogical Faculty of the North Caucasian State University was reorganized into the Rostov Pedagogical Institute, which in 1992 was transformed into the Rostov State Pedagogical University. The Rostov State University and Rostov State Pedagogical University provided professional education in philological

specialties, which is currently continued at the Southern Federal University (in 2006, the two universities were merged). The article presents the overview how the Russian Language scientific and methodological research has been developing since the establishment of the university in Rostov-on-Don. The article also gives a short summary of various research fields studied by the scientists of both universities and reflected in numerous research papers and monographs. The faculty members of the Southern Federal University continue the traditional research in Russian Philology as well as pursuing new research areas. The main spheres of scientific interests are: phraseology, paremiology, word formation, linguoculturology, functional grammar, rhetoric, legal linguistics, cognitive linguistics, language and style of fiction. The dictionary of Russian Don dialects, The big dictionary of the Don Cossacks, collective monographs and collections of articles about language and creativity of A. P. Chekhov, M. A. Sholokhov and A. I. Solzhenitsyn were published. The major ethnolinguistic research is presently being carried out jointly with the Laboratory of Philology of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: philology, Rostov University; Rostov Pedagogical University; Southern Federal University; scientific fields; monographic research.

Южный федеральный университет был создан в 2006 году в рамках национального проекта «Образование» путем реорганизации нескольких высших учебных заведений (распоряжение Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 1616-р). К Ростовскому государственному университету были присоединены Ростовский государственный педагогический университет, Ростовская академия архитектуры и искусства, Таганрогский государственный радиотехнический университет. В настоящее время Южный федеральный университет является крупнейшим научно-образовательным центром Юга России.

Университет ведёт свою историю с 1915 г., когда в г. Ростов-на-Дону переехал Императорский Варшавский университет, в составе которого был и историко-филологический факультет. Первым ректором Ростовского университета (и ректором переехавшего из Варшавы университета) был известный исследователь римской словесности С. И. Вехов. В Ростовском университете с 1917 по 1930 гг. работал профессор А. В. Миртов, положивший начало исследованиям донских говоров и говору казаков-некрасовцев, вернувшихся из Турции. В первой половине XX века филологи университета активно изучали кавказские языки, занимались разработкой

письменности для народов Кавказа (проф. Г. П. Сердюченко, проф. Е. А. Бобров, доц. О. П. Егоров).

Во второй половине XX века в университете работали известные исследователи-филологи, которые создали научные школы по разным направлениям. Изучению донского фольклора, в том числе фольклора казаков-некрасовцев, посвятил свои исследования Ф. И. Тумилевич. Диалектологические и фольклорные исследования продолжают в настоящее время на кафедре общего и сравнительного языкознания, кафедре отечественной литературы совместно с лабораторией филологии Южного научного центра РАН (проф. М. Ч. Ларионова, доц. М. В. Флягина).

Имя профессора М. К. Милых известно русистам, занимающихся вопросами стилистики, изучением конструкций чужой речи, языка художественной литературы. М. К. Милых является основателем кафедры русского языка в Ростовском государственном университете и первым заведующим кафедрой, которую она возглавляла с 1962 г. по 1980 г. В 1930-х годах, до работы в университете, М. К. Милых работала научным сотрудником и учёным секретарём Северо-Кавказского краевого комитета нового алфавита в г. Ростове-на-Дону. Первые научные исследования М. К. Милых были посвящены изучению тюркских языков (ногайского, кумыкского, карачаевского, балкарского) и созданию письменности для ранее бесписьменных народов Северного Кавказа. Центральное место в лингвистических исследованиях М. К. Милых занимают проблемы, связанные с описанием конструкций с чужой речью. В 1962 г. М. К. Милых защитила в Ленинградском государственном университете докторскую диссертацию «Конструкции с прямой речью в современном русском языке». М. К. Милых со своими коллегами стояла у истоков чеховедения на Дону: ей принадлежит особая роль в организации и регулярном проведении научных конференций, посвящённых творчеству А. П. Чехова и получивших в 1960 г. (в год 100-летия со дня рождения писателя) название Чеховских чтений, по итогам проведения которых были выпущены несколько сборников «Чеховских чтений» под её редакцией. В настоящее время вопросами языка и стиля А. П. Чехова про-

должают заниматься преподаватели и аспиранты кафедры русского языка (проф. Н. В. Изотова, доц. Н. М. Щаренская). Издан сборник статей «Концептосфера А. П. Чехова» [Изотова 2009].

Научную школу М. К. Милых интересовал также язык и стиль Л. Н. Толстого, о чём свидетельствует активное участие М. К. Милых, её коллег и аспирантов в Толстовских чтениях в Туле. Идея изучения языка и стиля М. А. Шолохова, выдвинутая также М. К. Милых, привлекла многих исследователей. При её активном участии был издан первый межвузовский сборник «Язык и стиль прозы М. А. Шолохова» [Громова 1981]. Всё это явилось результатом ещё одного направления научной деятельности кафедры русского языка — изучение языка и стиля М. А. Шолохова, которое активно поддерживается и развивается на кафедре и в настоящее время (проф. Л. Б. Савенкова, доц. С. В. Коростова, преп. К. С. Максютя). Издана коллективная монография по языку и стилю М. А. Шолохова [Савенкова 2015].

В период с 1954 г. по 1965 г. на кафедре русского и общего языкознания Ростовского-на-Дону государственного педагогического института (который вошёл в состав ЮФУ) работал известный исследователь фразеологических единиц В. Л. Архангельский. Книга В. Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии» [Архангельский 1964] вошла в историю отечественного языкознания как фундаментальное многоуровневое исследование фразеологического состава русского языка. Вслед за академиком В. В. Виноградовым В. Л. Архангельский рассматривал фразеологию как особую отрасль языкознания, равноправную с лексикологией и синтаксисом, хотя и смежную с ними по материалу, аспектам анализа единиц. Благодаря научным трудам В. Л. Архангельского и его учеников (Ю. А. Гвоздарев, В. Н. Телия и др.). Ростов-на-Дону был в шестидесятые-семидесятые годы XX века одним из самых авторитетных центров фразеологической науки.

Проф. Ю. А. Гвоздарева можно считать родоначальником нового направления в исследовании устойчивых словесных комплексов русского язы-

ка. В монографиях «Фразеологические сочетания современного русского языка» [Гвоздарев 1973], «Основы русского фразообразования» [Гвоздарев 1977] представлены фразообразовательные процессы в соответствии с пятью выявленными автором типами деривационной базы фразеологических единиц, описана их фразообразовательная структура, разработаны новые методы анализа фразеологического материала. Ю. А. Гвоздарев стал автором таких популярных книг, как «Пусть связь речений далека...» [Гвоздарев 1982], «Рассказы о русской фразеологии» [Гвоздарев 1988], «Язык есть исповедь народа» [Гвоздарев 1993], в которых уделил внимание и вопросам социологии и этнолингвистики.

Вопросам акцентологии, стилистики и риторики посвящены научные исследования профессора Т. Г. Хазагерова, окончившего Ростовский государственный университет, затем аспирантуру Московского государственного университета под руководством П. С. Кузнецова и работавшего в Ростовском университете на кафедре русского языка. Труды Т. Г. Хазагерова «Развитие типов ударения в системе русского именного склонения» [Хазагеров 1973], «Ударение в русском словоизменении» [Хазагеров 1985], «Общая риторика» [Хазагеров, Ширина 1994], статьи по стилистике, о связи типа текста с приемами изобразительности и выразительности известны лингвистам, занимающимся этими вопросами. По инициативе Т. Г. Хазагерова в Ростове-на-Дону было проведено несколько научных конференций, посвящённых экспрессивной стилистике и риторике.

Профессор А. Н. Савченко, выпускник славянского отделения Ленинградского государственного университета, возглавил кафедру общего и сравнительного языкознания в 1962 г. после разделения кафедры русского и общего языкознания, которой он тоже руководил. Научным руководителем кандидатской диссертации А. Н. Савченко («К вопросу о древнерусском койне и его отличиях от народных говоров») был выдающийся филолог Г. О. Винокур. В 1961 г. в Ленинградском государственном университете А. Н. Савченко защитил докторскую диссертацию «Категория среднего залога в индоевропейском языке». Исследователь-

ская работа возглавляемой А. Н. Савченко кафедры шла в двух направлениях — индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и актуальные проблемы общего языкознания. Глубокое знание основных индоевропейских проблем, оригинальные разработки по ним, богатый педагогический опыт позволили А. Н. Савченко написать первое в стране вузовское учебное пособие «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» [Савченко 1974], переизданное в серии «Лингвистическое наследие XX века» [Савченко 2003]. Итоговой работой А. Н. Савченко по теоретическим вопросам является оригинальное и глубокое учебное пособие «Общее языкознание» [Савченко 1985], написанное в соавторстве с В. В. Иоффе. Последние работы А. Н. Савченко были посвящены лингвистике речи, среди них — фундаментальная монография «Речь и искусство» [Савченко 1988].

Проф. В. И. Дегтярев, ученик А. Н. Савченко, с 1983 г. по 2014 г. возглавлял кафедру общего и сравнительного языкознания. Основная тема научных исследований В. И. Дегтярева — семантическая реконструкция грамматической категории числа в праславянском языке, чему была посвящена докторская диссертация, защищённая В. И. Дегтяревым в 1985 г. в Ленинградском государственном университете. Результаты работы над этой темой отражены в ряде статей и в итоговых монографиях: «Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование)» [Дегтярев 1982; Дегтярев 2014], «Диахроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении» [Дегтярев 2007], основанных на обширном славистическом материале. Наиболее сложным, как правило, спорным вопросам теории языка посвящены монографии В. И. Дегтярева «Основы общей грамматики» [Дегтярев 1973] и «Вопросы общей грамматики» [Дегтярев 2002], содержащие многомерную характеристику важнейших понятий общей лингвистики — системы и структуры языка, грамматического значения, способов и средств его выражения, грамматических категорий и частей речи и других сложных вопросов теории языка.

Проф. Л. В. Табаченко, ученица В. И. Дегтя-

рева, продолжила исследования по истории языка и возглавляла кафедру общего и сравнительного языкознания с 2014 г. по 2020 г. Докторская диссертация Л. В. Табаченко посвящена полиаспектному анализу приставочных позиционных глаголов в истории русского языка. Научные интересы проф. Л. В. Табаченко и её учеников связаны также с изучением языка художественной литературы.

Проф. Л. А. Введенская внесла существенный вклад в отечественную лексикографическую науку. Её заслуга состоит в том, что она составила и опубликовала первый в России «Словарь антонимов русского языка» [Введенская 1971]. В 1996 г. вышло значительно переработанное и дополненное издание словаря с приложением, в которое были включены теоретические статьи автора по актуальным вопросам антонимии и синонимии. Проф. Л. А. Введенская вела активную просветительскую деятельность, выступая с докладами по культуре речи по линии общества «Знание»; разработала специальный комплекс речевой гимнастики, способствующий развитию речемыслительных способностей и укреплению памяти; собрала интересный дидактический материал для развития риторических навыков и умений. Многие научные и учебно-методические работы посвящены культуре речи и ораторскому искусству, а созданные Л. А. Введенской словари и учебные пособия до сих пор востребованы в вузовской и школьной практике. В ростовских издательствах «Феникс», «МарТ» в разные годы вышли: «Культура речи» [Введенская 2004]; «Словарь ударений для дикторов радио и телевидения» [Введенская 2006]; «Родное слово» [Введенская 2009]. Многие эти книги выдержали несколько изданий. В других издательствах Л. А. Введенской опубликованы: «Человеческое слово могуче...» [Введенская 1984]; «Этимология» в соавторстве с Н. П. Колесниковым [Введенская, Колесников 2004]; «Словарь синонимов и антонимов русского языка» в соавторстве с Н. П. Колесниковым и В. И. Зиминим [Введенская, Зимин, Колесников 2008].

Проф. Н. П. Колесников, известный лексиколог и лексикограф, работавший сначала в Тбилиском государственном университете, затем в Ростовском университете, занимался вопроса-

ми этимологии, словообразования, грамматики, стилистики, орфографии и пунктуации. Научные исследования проф. Н.П. Колесникова находили практическую реализацию в лексикографических и учебных изданиях. Изданные Н.П. Колесниковым словари свидетельствуют о широте его интересов: «Словарь антонимов русского языка» [Колесников 1972]; «Словарь неологизмов В.В. Маяковского» [Колесников 1991]; «Словарь омонимов русского языка» [Колесников 1995]; «Толковый словарь названий женщин» [Колесников 2002]. «Толковый словарь названий женщин» включает 7000 статей, в которые вошли слова, указывающие на интересы, семейное положение, внешность, возраст, характер, поведение женщин. Словарь открывает новый аспект в гендерной лексикографии.

Проф. Г.В. Валимова, защитившая кандидатскую диссертацию в Московском педагогическом институте под руководством проф. М.Н. Петерсона, в течение 35 лет заведовала кафедрой русского языка Ростовского педагогического института. Докторскую диссертацию Г.В. Валимова защитила в 1967 г. в Московском государственном педагогическом институте на тему: «Функциональные типы сложного предложения в современном русском языке». В монографии «Функциональные типы предложений в современном русском языке» [Валимова 1967] впервые раскрываются особенности простых и сложных предложений в языке и их речевой реализации в монологической и диалогической речи. Г.В. Валимовой опубликовано более ста статей — о синкретизме синтаксических единиц, о синтагматике и парадигматике сложносочинённого и сложноподчинённого предложений, при этом рассматривались ограничения на синтагматику предикативных частей в зависимости от степени фразеологизации сложных предложений.

Г.В. Валимова была организатором ежегодных зональных конференций русистов Северного Кавказа, на которых присутствовали и выступали также ведущие учёные из других городов. Зональные конференции имели большое значение для развития русистики в регионе, так как на них подводились итоги проведенной научной, учебной, методической работы за год и намечались планы на будущее.

Проф. Г.Ф. Гаврилова, ученица Г.В. Валимовой, занималась анализом переходных явлений в синтаксисе сложносочинённого и сложноподчинённого предложений, коммуникативно-функциональными аспектами сложных предложений. Г.Ф. Гаврилова в 1981 г. защитила докторскую диссертацию в Ленинградском государственном педагогическом университете на тему: «Усложнённое сложное предложение в его системных связях и отношениях». Г.Ф. Гавриловой опубликовано более двухсот статей, представляющих широту и многогранность её научных интересов: от актуальных проблем общей теории языка до прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и коммуникативно-функционального аспекта изучения русского языка. Научные труды Г.Ф. Гавриловой явились важнейшим этапом становления и развития в отечественной лингвистике теории усложнённого предложения и текста. Г.Ф. Гаврилова с 1988 г. по 1999 г. заведовала кафедрой русского языка педагогического института.

Более 30 лет на кафедре русского языка педагогического института работала проф. Е.И. Диброва, защитившая в 1981 г. в Московском государственном педагогическом институте докторскую диссертацию «Вариативность фразеологических единиц в современном русском языке». С 1985 г. проф. Е.И. Диброва заведовала кафедрой русского языка в Московском государственном открытом университете им. М.А. Шолохова. Е.И. Диброва руководила авторским коллективом, создавшем «Словарь языка Михаила Шолохова» [Словарь языка Михаила Шолохова 2005].

Проф. В.П. Малащенко — известный в отечественной русистике исследователь, работы которого связаны с разработкой теории детерминации предложения, вопросами теории словосочетания и синтаксических связей. В.П. Малащенко в 1974 г. защитил докторскую диссертацию «Свободное присоединение предложно-падежных конструкций в современном русском языке». Им опубликовано более ста пятидесяти научных и методических трудов, среди которых: «Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительных в современном русском языке» [Малащенко 1972], «Сочетаемость детер-

минирующих членов предложения в современном русском языке» [Малащенко 1988], «Слово о синтаксисе» ([Малащенко 2007]. Значителен вклад В. П. Малащенко в развитие методики русского языка: он является автором 260 алгоритмических и программ по орфографии и пунктуации, морфологии и синтаксису, что отражено в пособии «Алгоритмы на уроках русского языка» [Малащенко 1979]. В. П. Малащенко является одним из авторов выдержавшего много изданий учебника «Современный русский литературный язык» под редакцией П. А. Леканта [Современный русский литературный язык 1982]. Им написаны разделы: Словосочетание. Второстепенные члены предложения. Осложненное предложение.

В 1975–76 гг. совместными усилиями сотрудников Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института по итогам диалектологических экспедиций был издан в трёх томах «Словарь русских донских говоров» [Словарь русских донских говоров 1975–1976], который лёг в основу «Большого словаря донского казачества» [Большой словарь донского казачества 2003].

В конце XX — начале XXI века ученики ведущих профессоров Ростовского государственного университета и Ростовского педагогического университета продолжили исследования в рамках сложившихся научных школ и создали новые направления исследований, защитив докторские диссертации в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Москве: Хазагерев Г. Г. «Фигура: метаязыковой аспект» (1995 г., Кубанский государственный университет); Меликян В. Ю. «Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь» (1999 г., Кубанский государственный университет); Покровская Е. А. «Динамика русского синтаксиса в XXI в.: лингвокультурологический анализ» (2001 г., Ростовский государственный университет); Ильясова С. В. «Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ» (2002 г., Ростовский государственный университет); Савенкова Л. Б. «Русские поговорки как функционирующая система» (2002 г., Ростовский государственный университет); Милевская Т. В. «Связность как категория дискурса: когнитивно-функциональный

и коммуникативно-прагматический аспекты» (2003 г., Ростовский государственный педагогический университет); Кузнецова Н. В. «Лирический универсум М. Ю. Лермонтова» (2003 г., Ростовский государственный педагогический университет); Кудряшов И. А. «Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе» (2005 г., Ростовский государственный педагогический университет); Изотова Н. В. «Диалогические структуры в языке художественной прозы А. П. Чехова» (2007 г., Московский государственный открытый педагогический университет), Табаченко Л. В. «Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ» (2011 г., Ростовский государственный университет); Логунова Н. В. «Русская эпистолярная проза XX в.» (2011 г., Российский университет дружбы народов).

В Южном федеральном университете в 2013 г. создан Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (директор Г. Р. Ломакина). В университете функционируют кафедра русского языка, кафедра теории языка и русского языка, кафедра общего и сравнительного языкознания, кафедра русского языка для иностранных учащихся, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания, кафедра отечественной литературы.

Сотрудники кафедры русского языка (зав. кафедрой доцент А. Ф. Пантелеев) продолжают заниматься исследованием языка и стиля А. П. Чехова, М. А. Шолохова и других русских писателей, вопросами русской паремииологии и фразеологии, лингвокультурологии, функциональной грамматики, проблемами риторики, деловой коммуникации, психолингвистики. Под руководством сотрудников кафедры опубликованы коллективные монографии, посвященные языку А. П. Чехова и М. А. Шолохова. Профессор кафедры Л. Б. Савенкова является автором нескольких статей о языке и стиле М. А. Шолохова в «Шолоховской энциклопедии» [Шолоховская энциклопедия 2012]. Аспиранты кафедры защищают диссертации по языку А. П. Чехова и М. А. Шолохова.

На кафедре теории языка и русского языка (зав. кафедрой профессор В. Ю. Меликян) разра-

батываются вопросы системной теории синтаксической фразеологии, когнитивной лингвистики, юридической лингвистики. Сотрудниками кафедры проведены 11 Всероссийских научно-практических конференций «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» и опубликованы научные исследования по проблемам противодействия экстремизму, фейковым сообщениям, провокациям и подстрекательству, коммуникативному давлению, использованию инвективной лексики, оскорблению религиозных чувств верующих, речевой агрессии; скрытым технологиям информационных войн. Разрабатываются вопросы методики преподавания русского языка в школе и в вузе (доктор педагогических наук Л. Г. Ларионова).

Кафедра общего и сравнительного языкознания (зав. кафедрой доцент М. В. Флягина) ведёт свои исследования по истории русского языка и донских говоров. В девяностые годы XX в. кафедра приняла предложение Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) об участии в создании «Лексического атласа русских народных говоров», работа над которым продолжается и сегодня и в котором принимают участие сотрудники кафедры. Новым направлением в работе кафедры на рубеже веков стала разработка этнолингвистических проблем, связанных с возрождением традиционных форм духовной культуры донского казачества совместно с лабораторией филологии Южного научного центра РАН: проводятся диалектологические экспедиции, осуществляется цифровая обработка полевых материалов.

Вопросами преподавания русского языка как иностранного на разных этапах изучения и направлениях подготовки занимаются сотрудники кафедры русского языка для иностранных учащихся (зав. кафедрой доцент Ю. В. Бец) и кафедры иностранного языка и методики его преподавания (зав. кафедрой доцент З. В. Режук), ведущих свою историю с 1967 года. Кафедры активно работают с иностранными студентами не только в аудитории: организованы студенческие научные общества, дискуссионные клубы по разным языкам, проводятся экскурсии по донскому краю.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся проходят обсуждения диссертационных исследований аспирантов из разных стран, которые успешно защищают свои исследования.

На кафедре отечественной литературы (зав. кафедрой Е. В. Белопольская) изучается творчество А. И. Солженицына, окончившего физико-математический факультет Ростовского государственного университета в 1941 г.: защищен ряд кандидатских диссертаций по проблематике и поэтике творчества писателя (доцент Е. В. Белопольская, доцент С. М. Калашникова), преподается спецкурс о творческом наследии писателя. В 2018 г. к 100-летию юбилею со дня рождения писателя совместно с Южным научным центром РАН при активном участии Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына проводилась Международная научная конференция «Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой культуры»; был создан виртуальный музей «А. И. Солженицын и Ростов-на-Дону», где в наглядной и лаконичной форме представлены сведения о ростовском периоде жизни писателя, в том числе из личных архивов друзей Александра Исаевича, Зональной научной библиотеки ЮФУ, представлены также работы сотрудников университета.

Изучению творчества А. П. Чехова в этнокультурном аспекте, вопросам рецепции и интерпретации творчества А. П. Чехова в мире посвящены работы профессора кафедры отечественной литературы М. Ч. Ларионовой; доцент кафедры Т. О. Осипова является автором 17 статей в «Шолоховской энциклопедии» [Шолоховская энциклопедия 2012].

ИСТОЧНИКИ

Большой словарь донского казачества 2003 — *Большой словарь донского казачества*. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.

Введенская 2004 — Введенская Л. А. *Культура речи*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 448 с.

Введенская 2006 — Введенская Л. А. *Словарь ударений для дикторов радио и телевидения*. Ростов-на-Дону: МарТ, 2006. 352 с.

Введенская 2009 — Введенская Л. А. *Родное слово*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 310 с.

Введенская, Зимин, Колесников 2008 — Введенская Л. А.,

Зимин В. И., Колесников Н. П. *Словарь синонимов и антонимов русского языка*. М.: АСТ, 2008. 762 с.

Колесников 1972 — Колесников Н. П. *Словарь антонимов русского языка*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1972. 313 с.

Колесников 1991 — Колесников Н. П. *Словарь неологизмов В. В. Маяковского*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1991. 355 с.

Колесников 2002 — Колесников Н. П. *Толковый словарь названий женщин*. М.: АСТ. Астрель, 2002. 608 с.

Максимова 2015 — Максимова Е. С. К 100-летию юбилею Южного федерального университета. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2015, (4): 10–24.

Словарь русских донских говоров 1975–1976 — *Словарь русских донских говоров (в 3-х томах)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1975–1976. 613 с.

Словарь языка Михаила Шолохова 2005 — *Словарь языка Михаила Шолохова*. Руководитель проекта и главный редактор Е. И. Диброва. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

Современный русский литературный язык 1982 — *Современный русский литературный язык*. П. А. Лекант (ред.). М.: Высшая школа, 1982. 399 с.

Шолоховская энциклопедия 2012 — *Шолоховская энциклопедия*. М.: Издательский Дом «СИНЕРГИЯ», 2012. 1216 с.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский 1964 — Архангельский В. Л. *Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.

Валимова 1967 — Валимова Г. В. *Функциональные типы предложений в современном русском языке*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1967. 331 с.

Введенская 1971 — Введенская Л. А. *Словарь антонимов русского языка*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1971. 176 с.

Введенская 1984 — Введенская Л. А. *Человеческое слово муче...* М.: Просвещение, 1984. 160 с.

Введенская, Колесников 2004 — Введенская Л. А., Колесников Н. П. *Этимология*. СПб: Питер, 2004. 221 с.

Гвоздарев 1973 — Гвоздарев Ю. А. *Фразеологические сочетания современного русского языка*. Ростов на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. 105 с.

Гвоздарев 1977 — Гвоздарев Ю. А. *Основы русского фразообразования*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 184 с.

Гвоздарев 1982 — Гвоздарев Ю. А. *Пусть связь речений далека...* Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1982. 206 с.

Гвоздарев 1988 — Гвоздарев Ю. А. *Рассказы о русской фразеологии*. М.: Просвещение, 1988. 182 с.

Гвоздарев 1993 — Гвоздарев Ю. А. *Язык есть исповедь народа*. М.: Просвещение, 1993. 143 с.

Громова 1981 — *Язык и стиль прозы М.А. Шолохова*. Громова В. В. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1981. 111 с.

Дегтярев 1973 — Дегтярев В. И. *Основы общей граммати-*

ки. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. 256 с.

Дегтярев 1982 — Дегтярев В. И. *Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1982. 320 с.

Дегтярев 2002 — Дегтярев В. И. *Вопросы общей грамматики*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ин-та иностр. яз., 2002. 360 с.

Дегтярев 2007 — Дегтярев В. И. *Диахроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении*. Научное издание. Ростов-на-Дону: Логос, 2007. 240 с.

Дегтярев 2014 — Дегтярев В. И. *Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование)*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 342 с.

Изотова 2009 — *Концептосфера А. П. Чехова*. Изотова Н. В. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 368 с.

Малащенко 1972 — Малащенко В. П. *Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительных в современном русском языке*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1972. 172 с.

Малащенко 1979 — Малащенко В. П. *Алгоритмы на уроках русского языка*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПИ, 1979. 131 с.

Малащенко 1988 — Малащенко В. П. *Сочетаемость детерминирующих членов предложения в современном русском языке*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПИ, 1988. 84 с.

Малащенко 2004 — Малащенко В. П. *Слово о синтаксисе. Избр. труды*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПИ, 2004. 368 с.

Савенкова 2015 — «Алмазные россыпи русской речи»: *языковое мастерство М. А. Шолохова*. Савенкова Л. Б. (отв. ред.) Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 112 с.

Савченко 1974 — Савченко А. Н. *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*. М.: Высшая школа, 1974. 412 с.

Савченко 1988 — Савченко А. Н. *Речь и искусство*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 248 с.

Савченко 2003 — Савченко А. Н. *Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Серия «Лингвистическое наследие XX века»*. М.: URSS, 2003. 416 с.

Савченко, Иоффе 1985 — Савченко А. Н., Иоффе В. В. *Общие языкознание*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1985. 208 с.

Хазагеров 1973 — Хазагеров Т. Г. *Развитие типов ударения в системе русского именного склонения*. М.: Изд-во МГУ, 1973. 171 с.

Хазагеров 1985 — Хазагеров Т. Г. *Ударение в русском словоизменении*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1985. 208 с.

Хазагеров, Ширина 1994 — Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. *Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1994. 190 с.

SOURCES

Большой словарь донского казачества 2003 — *The big dictionary of the Don Cossacks*. Moscow: Russkie slovani Publ.; Astrel' Publ.; AST Publ., 2003. 608 p. (In Russian)

Введенская 2004 — Vvedenskaia L. A. *The culture of speech*. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2004. 448 p. (In Russian)

Введенская 2006 — Vvedenskaia L. A. *The dictionary of accents*

- for radio and television announcers. Rostov-on-Don: MarT Publ., 2006. 352 p. (In Russian)
- Введенская 2009 — Vvedenskaia L. A. *The native word*. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2009. 310 p. (In Russian)
- Введенская, Зимин, Колесников 2008 — Vvedenskaia L. A., Zimin V. I., Kolesnikov N. P. *The dictionary of synonyms and antonyms of the Russian language*. Moscow: AST Publ., 2008. 762 p. (In Russian)
- Колесников 1972 — Kolesnikov N. P. *The dictionary of antonyms of the Russian language*. Tbilisi: Tbilisskogo un-ta Publ., 1972. 313 p. (In Russian)
- Колесников 1991 — Kolesnikov N. P. *The dictionary of neologisms by V. V. Mayakovskiy*. Tbilisi: Tbilisskogo un-ta Publ., 1991. 355 p. (In Russian)
- Колесников 2002 — Kolesnikov N. P. *The explanatory dictionary of women's names*. Moscow: AST. Astrel' Publ., 2002. 608 p. (In Russian)
- Максимова 2015 — Maksimova E. S. To the 100th anniversary of the Southern Federal University. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2015, (4): 10–24. (In Russian)
- Словарь русских донских говоров 1975–1976 — *The dictionary of Russian Don dialects (in 3 volumes)*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1975–1976. 613 p. (In Russian)
- Словарь языка Михаила Шолохова 2005 — *Mikhail Sholokhov's language dictionary*. E. I. Dibrova (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2005. 964 p. (In Russian)
- Современный русский литературный язык 1982 — *Modern Russian literary language*. P. A. Lekant (ed.). Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982 and later. 399 p. (In Russian)
- Шолоховская энциклопедия 2012 — *Sholokhov's Encyclopedia*. Moscow: Sinergia Publ., 2012. 1216 p. (In Russian)
- REFERENSES**
- Архангельский 1964 — Arkhangel'skii V. L. *Set phrases in modern Russian. Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1964. 315 p. (In Russian)
- Валимова 1967 — Valimova G. V. *Functional types of sentences in modern Russian*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1967. 331 p. (In Russian)
- Введенская 1971 — Vvedenskaia L. A. *The Russian dictionary of antonyms*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1971. 176 p. (In Russian)
- Введенская 1984 — Vvedenskaia L. A. *The human word is mighty...* Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984. 160 p. (In Russian)
- Введенская, Колесников 2004 — Vvedenskaia L. A., Kolesnikov N. P. *Etymology*. St Petersburg: Piter Publ., 2004. 221 p. (In Russian)
- Гвоздарев 1973 — Gvozдарев Iu. A. *Phraseological units of the modern Russian language*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1973. 105 p. (In Russian)
- Гвоздарев 1977 — Gvozдарев Iu. A. *Basics of Russian phraseology*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1977. 184 p. (In Russian)
- Гвоздарев 1982 — Gvozдарев Iu. A. *Let the connection of the utterances be far away...* Rostov-on-Don: Kn. izd-vo Publ., 1982. 206 p. (In Russian)
- Гвоздарев 1988 — Gvozдарев Iu. A. *Stories about Russian phraseology*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1988. 182 p. (In Russian)
- Гвоздарев 1993 — Gvozдарев Iu. A. *Language is the confession of the people*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1993. 143 p. (In Russian)
- Громова 1981 — *The language and style of M.A. Sholokhov's prose*. Gromova V. V. (ed.). Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1981. 111 p. (In Russian)
- Дегтярев 1973 — Degtiarev V. I. *Basics of General grammar*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1973. 256 p. (In Russian)
- Дегтярев 1982 — Degtiarev V. I. *The category of numbers in Slavic languages (historical semantic research)*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1982. 320 p. (In Russian)
- Дегтярев 2002 — Degtiarev V. I. *General grammar questions*. Rostov-on-Don: Rostov. In-ta inostr. iaz. Publ., 2002. 360 p. (In Russian)
- Дегтярев 2007 — Degtiarev V. I. *Diachronic grammar of the Russian language. Old Russian collective names in a comparative historical presentation. Scientific publication*. Rostov-on-Don: Logos Publ., 2007. 240 p. (In Russian)
- Дегтярев 2014 — Degtiarev V. I. *The category of numbers in Slavic languages (historical semantic research)*. Rostov-on-Don: SFedU Publ., 2014. 342 p. (In Russian)
- Изотова 2009 — *Conceptual sphere of A. P. Chekhov*. Izotova N. V. (ed.). Rostov-on-Don: SFedU Publ., 2009. 368 p. (In Russian)
- Малашенко 1972 — Malashchenko V. P. *Free combinations of prepositional case forms of nouns in modern Russian*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1972. 172 p. (In Russian)
- Малашенко 1979 — Malashchenko V. P. *Algorithms at Russian language lessons*. Rostov-on-Don: RGPI Publ., 1979. 131 p. (In Russian)
- Малашенко 1988 — Malashchenko V. P. *Compatibility of main sentence parts in modern Russian*. Rostov-on-Don: RGPI Publ., 1988. 84 p. (In Russian)
- Малашенко 2004 — Malashchenko V. P. *A word about syntax: selected works*. Rostov-on-Don: RGPI Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
- Савенкова 2015 — «*Diamonds of the Russian speech*»: the language skill of M.A. Sholokhov. Savenkova L. B. (ed.) Rostov-on-Don: SFedU Publ., 2015. 112 p. (In Russian)
- Савченко 1974 — Savchenko A. N. *Comparative grammar of Indo-European languages*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1974. 412 p. (In Russian)
- Савченко 1988 — Savchenko A. N. *Speech and arts*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1988. 248 p. (In Russian)
- Савченко 2003 — Savchenko A. N. *Comparative grammar of Indo-European languages*. Ser.: Lingvisticheskoe nasledie XX veka. Moscow: URSS Publ., 2003. 416 p. (In Russian)
- Савченко, Иоффе 1985 — Savchenko A. N., Ioffe V. V. *General linguistics*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1985. 208 p.

(In Russian)

Хаззагеров 1973 — Khazagerov T. G. *The development of stress types in the system of Russian nominal declension*. Moscow: MGU Publ., 1973. 171 p. (In Russian)

Хаззагеров 1985 — Khazagerov T. G. *Word-stress in Russian inflectional forms*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1985. 208 p.

(In Russian)

Хаззагеров, Ширина 1994 — Khazagerov T. G., Shirina L. S. *General rhetoric: A course of lectures and the dictionary of rhetorical figures*. Rostov-on-Don: Rost. un-ta Publ., 1994. 190 p. (In Russian)

[хроника]

Зимняя всероссийская научно-практическая школа-конференция с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» — 2022

14–16 декабря 2022 года в Религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования «Перервинская духовная семинария Русской Православной Церкви» (далее — ПДС) (г. Москва) в очно-дистанционном формате состоялась IV Зимняя всероссийская научно-практическая школа-конференция с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ»-2022.

Школа-конференция проводилась с целью развития творческой активности студентов, аспирантов и молодых учёных, повышения уровня их филологической культуры, а также объединения интеллектуального потенциала исследователей для решения актуальных вопросов, касающихся религиозных аспектов изучения и преподавания филологии.

В рамках докладов и мини-лекций Школы-конференции были подняты и рассмотрены научные проблемы, касающиеся изучения языка в религиозном аспекте, богословско-филологического исследования Библии и других памятников религиозной письменности, русской и зарубежной художественной литературы, а также вопросы, связанные с теорией и методикой преподавания филологических дисциплин в духовных учебных заведениях Русской Православной Церкви.

В работе Школы-конференции в качестве докладчиков приняли участие представители из 14 регионов Российской Федерации (г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Хабаровского края, Республики Татарстан, Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, а также Московской, Тульской, Рязанской, Тверской, Белгородской, Калининградской и Сахалинской областей) и представители из 2-х иностранных госу-

дарств (Ирана, Республики Казахстан).

Школа-конференция объединила докладчиков — педагогов-теоретиков и практиков, научных сотрудников, культурных деятелей, аспирантов и студентов из 26 светских и духовных высших образовательных и научных учреждений, учреждений культуры (Перервинской духовной семинарии, Православного-Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Московской духовной академии, Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Сретенской духовной академии, Коломенской духовной семинарии, Казанской православной духовной семинарии, Белгородской православной духовной семинарии, Екатеринодарской духовной семинарии, Хабаровской духовной семинарии, Алматинской православной духовной семинарии, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Московского государственного областного педагогического университета, Московского государственного института культуры, Московского международного университета, Университета мировых цивилизаций, Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Литературного института им. А. М. Горького, Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина, Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, Тверского государственного медицинского университета, Сахалинского государственного университета, Луганского государственного аграрного университета, Государственного музея Владимира Высоцкого, Тегеранского университета).

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

Памятник М. А. Шолохову в Ростове-на-Дону